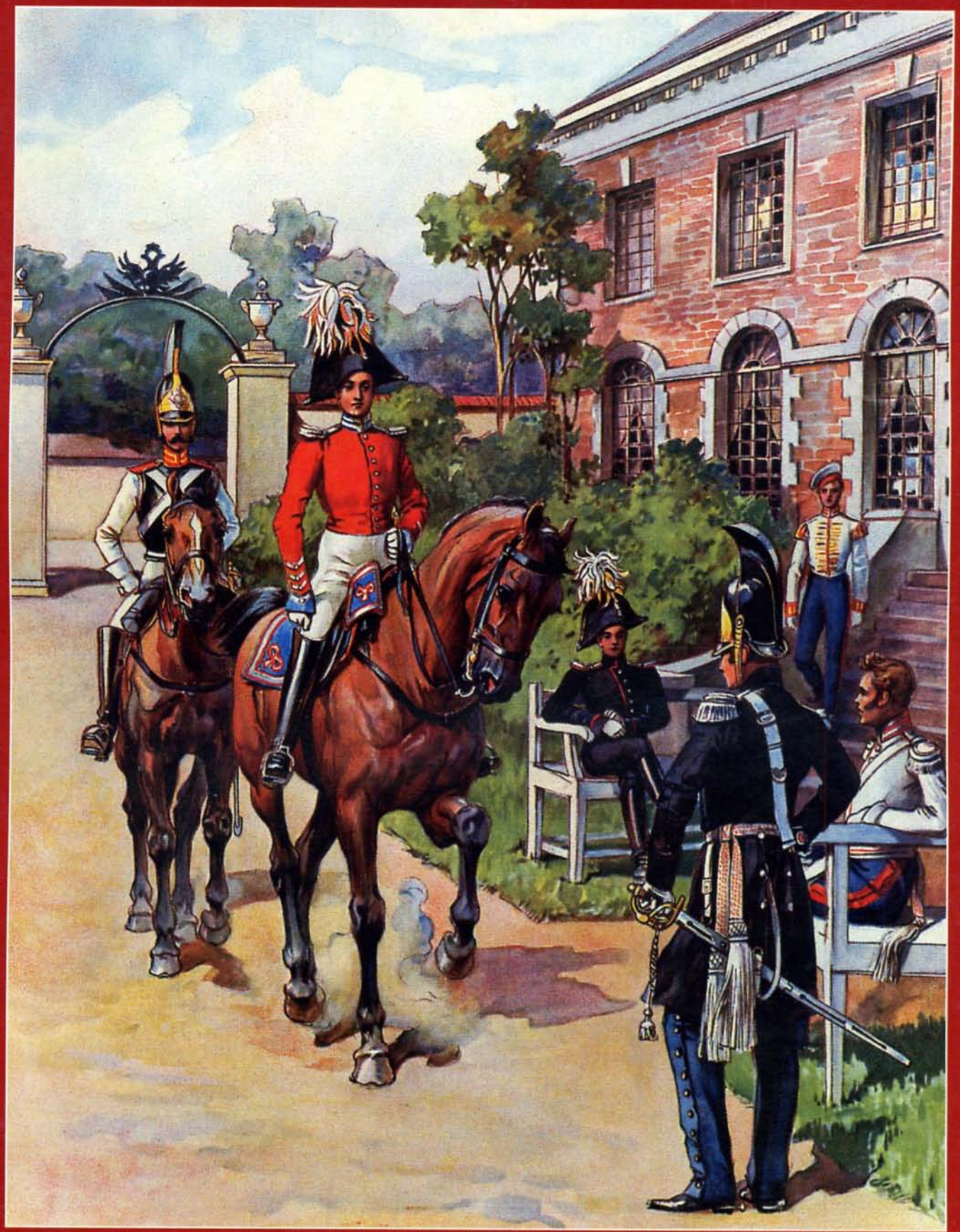
VISIT…

Кавалергарды



Кавалергардский литаврщик Петра Первого

Офицер и кавалергард Екатерины Второй

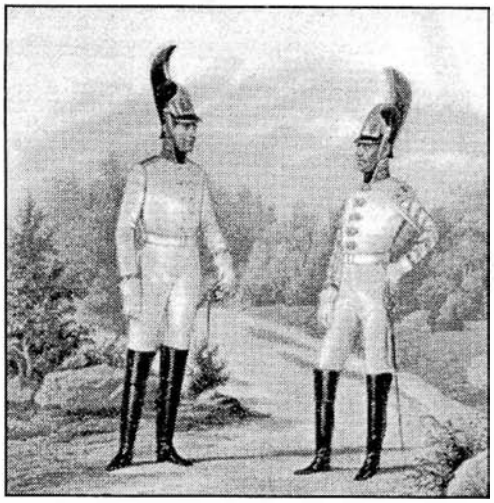
Таланов А.И.

Кавалергарды

по страницам полковой истории 1724-1825

Москва, «Рейтар», 1997

Штаб-трубач и кавалергард Кавалергардского полка, 1800-1801 гг.



Кавалергард и трубач 1808-1811 гг.

Посвящается
Звегинцову Владимиру Владимировичу

ББК 63.3.(2) 54
Т-60

Автор выражает благодарность:
Вальковичу Александру Михайловичу
Космолинскому Петру Федоровичу
Плоткину Геннадию Львовичу

Таланов А.И. **Кавалергарды.** Москва, «Рейтар», 1997 г., 48 с., илл.
Директор издания – *Таланов А.И.*
Компьютерный набор – *Семина А.Ю.*
Компьютерная верстка – *Мосолов С.А., Плоткин Г.Л.*
Издательство «Рейтар», 103051, Москва, а/я 116. Лицензия ЛР 064237 от 15.09.95 г.
Отпечатано в типографии «Полипринт», Москва. Тираж 1000 экземпляров.

© Таланов А.И. Текст, 1997.
© Валькович А.М. Подбор иллюстраций, 1997.
© Космолинский П.Ф. Подбор иллюстраций, 1997.
ISSN 0868-803X

На 1-й странице обложки: ***Кавалергарды в эпоху Александра I.***
На 2-й странице обложки: ***Кавалергардский литаврщик и кавалергард, 1724 г.***
На 3-й странице обложки: ***Кавалергарды в эпоху Александра I.***
На 4-й странице обложки: ***Памятник кавалергардам и конногвардейцам в Бородино.***

Кавалергардов век не долог
И потому так сладок он.
Труба трубит, откинут полог,
И где-то слышен сабель звон.
Еще рокочет голос трубный,
Но командир уже в седле.
Не обещайте деве юной
Любови вечной на земле...

Кавалергарды! Очень красивое, но прочно забытое слово. Оно снова оказалось на слуху после появления кинофильма «Звезда пленительного счастья», в котором звучала трогательная песня, вызывавшая ностальгию по давно ушедшему, полному романтизма и героики, началу прошлого века. Ни фильм, ни песня, конечно, не давали объяснения этому звучному слову и кавалергарды вновь растворились в прошлом загадочным и красивым миражом. Однако, их история заслуживает нашего внимания.

Рота кавалергардов была создана Петром Первым для участия в коронационных торжествах в качестве почетной стражи Екатерины I. С тех пор почти 200 лет они несли службу при дворах всех русских царей.

Бурный и жестокий XVIII век вовлекал их в калейдоскоп дворцовых переворотов и каждый новый самодержец заново формировал свою личную гвардию. выдвигая своих любимцев и сметая осколки царствования предыдущего. Из рядов кавалергардов судьбе выбирала фаворитов императриц и знаменитых военачальников, государственных мужей и лукавых царедворцев. А. Меньшиков и П. Ягужинский, А.Разумовский и братья Шуваловы, Г.Потемкин и братья Орловы все они носили кавалергардский мундир.

На грани веков кавалергарды получают дополнительные функции полка тяжелой гвардейской кавалерии. Они вынесли вместе со всей русской армией тяжесть борьбы с наполеоновской Францией. Их кровью политы поля под Аустерлицем, Бородино, Лейпцигом, Фершампенуазом. Почти 20 портретов кавалергардов — участников этих событий заняли достойное место в Военной галерее Зимнего дворца. На них знакомые нам лица: Ф.Уваров, Н. Депрерадович, Н. Репнин-Волконский, Д.Давыдов.

Так же, как и многие русские дворяне, офицеры полка оказались причастными к движению декабристов. 22 человека из них разделили общую участь — каторга, ссылка, Сибирь и Кавказ. Еще по школьным учебникам мы помним С.Волконского, М.Орлова, П.Пестеля, И.Анненкова.

Элитный полк почти сто лет не принимал деятельного участия в войнах России XIX века. Расквартированные в Петербурге, кавалергарды постоянно находились в центре светской и культурной жизни столицы. К сожалению, офицеры полка Дантес и Мартынов оказались виновниками гибели великих наших поэтов: Пушкина и Лермонтова. Наталья Николаевна Пушкина во втором браке была женой кавалергарда П.Ланского. Директор императорских петербуржских и московских театров А.Гедеонов, автор музыки российского гимна А.Львов и многие другие тоже вышли из рядов этого полка.

Разумеется, не прекращалась воинская сулужба кавалергардов: учения, смотры, маневры — все, как в обычном гвардейском полку русской армии. И наравне с другими полками они ринулись в кровавый водоворот Первой мировой, наравне жили в окопах, ходили в атаки, теряли товарищей.

Как и все наше общество, революция расколола русскую армию. По разные стороны оказались «красный» граф Игнатьев и «белый» граф Мусин-Пушкин — свершилась великая трагедия земли русской. А дальше был Крым 1920 года, чужие города, трудная жизнь в изгнании. «Кавалергардов век недолог», их история закончилась.

Эта книга не учебник истории. Многие события и люди проходят здесь только фоном. И в то же время нам не обойти вниманием характерные черты разных царствований, хронику дворцовых переворотов и войн — кавалергарды были их непосредственными участниками. Мы встретим на страницах великих людей, составляющих гордость России и людей, чьи имена хранят лишь архивные документы, героев и подлецов — все они были в нашей истории. Книга о кавалергардах. Поэтому мы найдем сведения об их организации, одежде, вооружении, службе, фрагменты из частной жизни. История этого формирования огромна и ее нельзя изложить в рамках одной небольшой книжки. Мы постарались выбрать наиболее интересные ее страницы и хотя бы обозначить остальное. Иллюстрации для нее собирались по самым разным источникам, некоторые из них не публиковались более ста лет и были известны лишь специалистам.

Все это позволяет надеяться, что хроника жизни кавалергардов привлечет внимание всех любителей отечественной истории.

ПОЧЕТНАЯ СТРАЖА ИМПЕРАТРИЦЫ

«Понеже всем ведомо есть, что во всех христианских государствах непременно обычай есть потентатам супруг своих короновать, и не точию ныне, но и рвению православных императоров греческих сие многократно взывало... В наших трудах наша любезнейшая супруга, государыня императрица Екатерина великая помощницею была... того ради данною нам от Бога самовластию за такие супруги нашей труды почтить...» — так было объявлено в манифесте 15 ноября 1723 года о намерении Петра I венчать на царство Екатерину.

На наш нынешний взгляд такой факт может показаться незначительным, но для современников это было событие из ряда важнейших. Оно как бы подводило итог тяжелейшим трудам Петра в переустройстве России, как тогда казалось, давало определенные гарантии на будущее. Итог радовал: 30 августа 1721 года в финском городе Ништадте был подписан мирный договор со Швецией, увенчавший победу России в Северной войне, 21 год державшей страну в напряжении; возвращены старые русские территории, встали на ноги армия, флот, промышленность, появились новые государственные структуры и новые люди. Вполне заслуженно на торжественном заседании Сената российский канцлер Г.И.Головкин просил царя принять титул «Отца Отечества, Петра Великого, Императора Всероссийского». Не зря была прожита жизнь.

Мысль, что жизнь почти прожита, в ту пору все чаще беспокоила Петра. Не прошли даром для него не годы — десятилетия изнурительного труда, приступы мучительной болезни следовали один за другим. Как и вообще многих людей, начавших большое дело, его волновало, кто продолжит начатое, станет наследником, взойдет на трон империи. Первым шагом стало издание в 1722 году указа, по которому обычай наследования от отца к сыну заменялся свободным назначением преемника волей государя. Выбор же у Петра был весьма ограничен: сыновей к тому времени уже не было в живых, старшая дочь Анна выходила замуж за герцога Голштинского, младшей Елизавете не исполнилось и пятнадцати лет. Правда, оставался еще внук Петр Алексеевич, но слишком тяжело было вспоминать о предательстве общих интересов его отцом, да и все равно пришлось бы назначать кого-то регентом к малолетнему царевичу. После долгих размышлений родился указ о короновании Екатерины.

Этот выбор не вызвал недовольства среди ближних Петру сановников. Конечно, бывшая прачка Марта Скавронская, теперь всеми уважаемая жена царя Екатерина Алексеевна не обладала достоинствами государственного деятеля, но ее природный здравый ум и годы, проведенные рядом с Петром, позволяли надеяться на спокойное будущее.

31 марта 1724 года генерал-майор Яков Лефорт объявил в Государственной военной коллегии, что для участия в торжествах коронования «Его Императорское Величество изволил ему повелеть выбрать из обретающихся в Москве из армейских и из заполошных (т.е. состоящих по армии) офицеров, которые ныне в Москве, в драбанты (кавалергарды) 60 человек» С этого момента начинается история российских кавалергардов — уникального формирования с удивительной судьбой, вовлекавшей его в отчаянные кавалерийские схватки и дворцовые перевороты, в праздничные шествия и в грязь окопов.

Обычно равнодушный к роскоши, Петр решил этот праздник обставить с небывалой помпезностью. Дело было не только в том, что доселе русские царицы не венчались на царство, их даже не приглашали на эти торжества. Единственное исключение составляла коронованная Лжедмитрием Марина Мнишек, но это, разумеется, всерьез не принималось. Сейчас же готовилось первое в истории России Императорское коронование и весь мир должен был еще раз убедиться в праве страны на звание империи, в ее могуществе.

Ради этого Петр пошел на значительные траты. Для Екатерины заказали роскошное платье в Германии, столичные мастера изготовили корону, украшенную жемчугом, 2564 драгоценными камнями и огромным рубином, над которым возвышался массивный бриллиантовый крест.

Корона и застежка для мантии обошлись в колоссальную по тем временам сумму — 100 тысяч рублей. Тоже не мало, 2959 рублей стоило обмундирование кавалергардов, но при взгляде на них про деньги забывалось: 60 рядовых, литаврщик, два трубача, отобранные из самых рослых и красивых офицеров, образовали достойную случаю почетную стражу императрицы. «Кафтан сукна зеленого, супервест сукна красного, обложены позументы золотом и пуговицы золоченые же, на супервесте на грудях и на плечах гербы Императорские, шитые, две перевязи, одна для карабина, другая — для лядунки, бархатные красные позументы золотом обложенные, а на лядунке бархатные же вшиты вензели под короною Имперскою, портупей бархатный же и позументами обложен, пряжки и погоны — все золочены, у палашей ефесы золоченые, а грифы серебряные, клинок от ефеса по четверти и более вызолочено ж. Шляпы с позументы и с белою лентою, сапоги, рукавицы, шпоры медные у всех одного фасону» — так описывал их вид восхищенный наблюдатель.

Не был, конечно случайным и выбор офицеров отряда. Поручиком назначили генерал-майора И.Дмитриева-Мамонова, подпоручиком — бригадира М.Леонтьева, прапорщиком — полковника князя С.Мещерского. Командование Петр доверил своему любимцу, генерал-прокурору Сената, генерал-лейтенанту П.И.Ягужинскому. Ягужинский, как и многие близкие к Петру люди, был поднят царем с самых «низов» за энергию, ум и предприимчивость. Сын органиста лютеранской кирхи служил в гвардейском Преображенском полку, был царевым денщиком, выполняя все более сложные поручения Петра достиг одного из самых высоких постов в российской государственной иерархии. Заметим, что между многими из ближайших соратников Петра шла глухая вражда, вызванная борьбой за влияние на их

Князь А.Д.Меншиков (1673-1729)

высокого покровителя, за власть. Назначение Ягужинского командиром кавалергардов больно ударило по самолюбию метившего на это место другого петровского любимца А.Меншикова, который этого никогда не простит Павлу Ивановичу.

Слегка сэкономил Петр на лошадях для кавалергардов, приказав на всех набрать лучших вороных скакунов у купечества Москвы, поскольку именно в Москве должны были состояться торжества. Санкт-Петербург стал новой столицей России, но традиция короновать царей и императоров в Москве, в древнем Успенском соборе, уникальном творении великого Фиораванти, сохранялась до конца существования монархии.

7 мая 1724 года с раннего утра в Кремле толпился народ; не всем понравился новый порядок, введенный Петром I, отменяющий «право первого занятия места». Отныне желающих присутствовать на церемонии пропускали по специальным билетам и только на выделенные «зрительные» места. Для поддержания порядка на Ивановской (ныне Соборной) площади Кремля выстроились гренадерские роты гвардейских Преображенского и Семеновского полков — выросшие из «потешных» и возмужавшие ветераны сражений Северной войны.

В начале десятого, под звон колоколов началось шествие к собору. Впереди по три в ряд шли кавалергарды, за ними пажи, депутаты из провинций, генералитет. За ними несли императорские регалии: мантию, скипетр, державу и корону. Затем следовал Петр в сопровождении Меншикова и Репнина, Екатерина с герцогом Голштинским, Апраксиным и Головкиным. Шествие замыкал отряд кавалергардов. Во все глаза смотрели тысячи людей на процессию. Удивительными были невиданные мундиры кавалергардов, не отвести взгляда от царя с царицей. Петр был в кафтане небесно-голубого цвета, расшитом серебром (как говорили, руками жены), красных чулках и в шляпе с белым пером. Переливалась надетая через плечо голубая лента ордена св. Андрея Первозванного — пока

единственного ордена России. Петр гордился им. Введя орден в 1699 году, сам царь стал лишь седьмым его кавалером. Он получил его за взятие двух шведских фрегатов в устье Невы, а всего 38 человек за это бурное и героическое время были пожалованы этой наградой с девизом «За веру и верность».

Процессия втянулась в собор. В его середине возвышался помост с двумя старинной работы тронами, украшенными самоцветами. На ступенях помоста встали офицеры-кавалергарды. Символическая охрана трона стала их обязанностью почти на 200 лет.

Началась церемония коронования. По чину, возложение знаков императорского достоинства должен был производить патриарх, но в борьбе за единовластие Петр отменил патриаршество на Руси. Потому здесь он сам накрыл Екатерину мантией, надел корону и вручил «державный глобус» — державу. Скипетр, как знак действующей власти, оставался в руках Петра. По распорядку литургии совершилось миропомазание и причащение царицы. Об окончании каждого действа церемонии, Кремль возвещал салютом из пушек и ружей. Наконец, церемония закончилась и процессия вновь показалась из дверей собора. «При выходе был дан залп из пушек и мелкого ружья и звон во все колокола, с играющими трубами, литаврами, барабанами и при радостном восклицании множества собранного народу».

Торжественную часть завершил праздничный обед в Грановитой палате Кремля. По обеим сторонам Петра неотлучно находились Ягужинский и Дмитриев-Мамонов. Остальным кавалергардам было доверено сопровождать каждое блюдо до императорского стола. В это же время на площади угощался народ. «Большой жареный бык лежал на высоком, обитом красным холстом помосте, написал один из очевидцев, — по обеим сторонам его стояли два фонтана, которые били вверх белым и красным вином, нарочно проведенным, посредством труб, с высокой колокольни Ивана Великого под землею и потом прямо в фонтаны, для сообщения им большей силы. Народ и солдаты веселились при этом на славу».

Через несколько часов все закончилось: и бык, и вино, и обед. Закончился праздник и, вместе с ним первое появление кавалергардов на сцене истории. Появление скромное, как положено для первого раза, их время было еще впереди.

28 января 1725 года скончался Петр Великий. Через 40 дней его похоронили в Петропавловском соборе. Теперь старая столица короновала российских императоров, а новая принимала их навечно. Казалось, что долгая болезнь Петра должна была подготовить ближайшее его окружение к решительным действиям после его смерти. Царь так и не назначил законодательным актом своим преемником Екатерину, несмотря на свершившееся коронование. Виною тому была сама императрица. Молодой красавец Виллим Монс, брат бывшей любовницы царя, занимал должность камергера Екатерины. Трудно сейчас сказать как долго продолжалась их тайная связь, но в ноябре 1724 года о ней стало известно Петру. Монс был арестован и отдан под суд. Предъявленные обвинения никакого отношения к истинной его вине не имели: мелкие взятки, незначительные хищения. Говоря современным языком — злоупотребление служебным положением. Однако, суд, в составе которого был и Ягужинский, постановил отрубить Монсу голову. На долю Екатерины достался домашний скандал и неопределенность будущего.

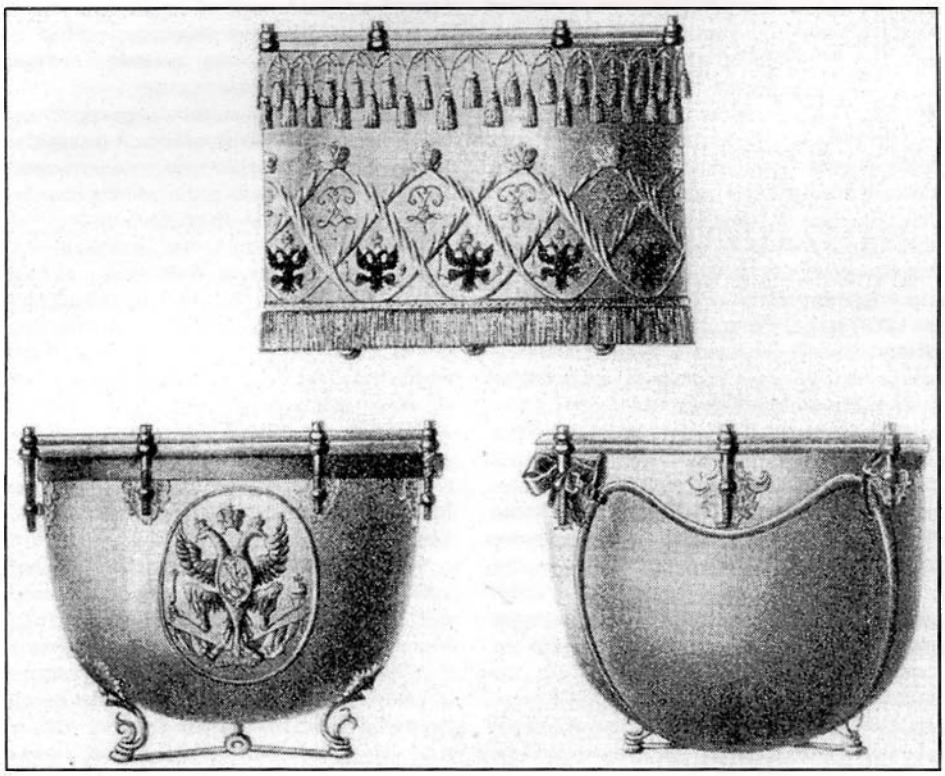
Эта неопределенность позволила несломленным старым родам с Долгорукими и Голицыными во главе готовиться к вручению престола Петру II, сыну царевича Алексея, в надежде на восстановление своих старинных

Граф П.И.Ягужинский (1683-1736)

прав. Но только с избранием Екатерины могли удержаться у власти умные и энергичные «выдвиженцы» Петра: Меншиков, Ягужинский, Толстой, Бутурлин. Решение пришло способом, действовавшим потом безотказно в течение всего XVIII столетия — свое слово сказала гвардия и бывшие кавалергарды.

Во время совещания о престолонаследии дворец заполнился гвардейскими офицерами, под окнами загремели барабаны. Для преображенцев и семеновцев вопроса не существовало, «гвардия была предана до обожания умирающему императору; эту привязанность переносила она и на Екатерину, которую видели постоянно с мужем, и которая умела казаться солдату настоящей полковницей» — пояснит потом ситуацию историк. Собравшиеся сановники провозгласили царствующую императрицу Екатерину Первую незамедлительно.

Хорошо смотревшаяся лишь в тени великого мужа, новая императрица, конечно, не была способна самостоятельно управлять страной. 8 февраля 1726 года был образован Верховный тайный совет и ближайшим советником и помощником Екатерины становится А.Меншиков. (Как курьез отметим, что оба высших в стране лица были неграмотны, но это не мешало, по крайне мере второму, быть действительно выдающимся государственным мужем). Ягужинский в состав Совета не попал. Более того, Меншиков становится капитаном-поручиком кавалергардии и этим совсем убирает соперника. Обида последнего была столь велика, что он (правда будучи



Кавалергардские литавры. В одном из сражений Северной войны у шведов были отбиты роскошные серебряные литавры. При подготовке коронации о них вспомнили, привели в порядок и использовали в торжественнолй церемонии. С 1730 г. литавры хранились в Кремлевской оружейной палате, а с 1850 снова поступили в полк

сильно выпимши) отправился в Петропавловский собор жаловаться... Петру. «Мог бы я пожаловаться, — причитал Ягужинский, — да не услышит, что сегодня Меншиков показал мне обиду, хотел сказать мне арест и снять шпагу, чего я над собою отроду никогда не видал». Вышел публичный скандал и генерал-прокурор Сената едва не поплатился и этой должностью.

А Меншикову поручают произвести новый набор «в кавалергардию 60 человек из знатного шляхетства самых луших людей из прапорщиков и из поручиков, кои в тех рангах продолжительно и порядочно служили, из младших и старших капитанов, кои пожелают». 24 ноября 1726 года блестящий отряд телохранителей императрицы приступил к выполнению своих обязанностей. Служба их не была слишком сложной или обременительной. Во время парадных приемов или обедов кавалергарды охраняли парными караулами все двери, ведущие в зал и покои Екатерины, сопровождали ее при выездах. Тогда прохожие с удовольствием наблюдали эту роскошную кавалькаду. Впереди гарцевали капрал, литаврщик и шесть трубачей. За ними ехала коляска императрицы, следом — остальные кавалергарды с Меншиковым во главе. Рядом с ним корнет князь Шаховской вез штандарт кавалергардии. Кортеж замыкал сохранивший свое место Дмитриев-Мамонов.

Каваларгардский трубач Анны Иоановны

По новым штатам капитаном кавалергардов считался царствующий император. В торжественных случаях Екатерина надевала соответствующий мундир, состоявший из вышитой серебром амазонки, шляпы, белого парика. К нему полагалась украшенная бриллиантами шпага и кавалергардский жезл. Старший Меншиков, князь Александр, не только сопровождал Императрицу, пользуясь своим положением командира кавалергардов и члена Тайного совета, он энергично устраивал свое будущее и будущее всей семьи. Постепенно ему удается отстранить от дел своих бывших соратников: Ягужинского, Толстого, Бутурлина и, самое главное, просватать свою старшую дочь Марию за Петра Алексеевича. Кандидатура преемника Екатерины не обсуждалась — ее завещание, ставшее известным многим раньше времени, называло царем Петра II. Разумеется, эта мысль была ей подсказана, даже навязана, Меншиковым. Екатерина полностью попала под его влияние. Отчасти это произошло и из-за неожиданно развившейся болезни. Состояние ее стремительно ухудшалось и 6 мая 1727 года императрица скончалась.

На следующий день секретарь ВерховногоТайного совета провозгласил «вступление в должность» императора Петра II. 23 мая двенадцатилетний Петр официально просил руки Марии Меншиковой. Казалось, что Александр Данилович достиг вершины возможного — управлять Россией при малолетнем царе будет он. Однако, такой ход дел понравился далеко не всем. Пущены были все силы, чтобы нейтрализовать влияние Меншикова на юного царя и расстроить готовящуюся свадьбу. Помог случай. Князь тяжело заболел и пяти недель его затворничества оказалось достаточно, чтобы положение полностью изменилось. Наступила катастрофа, крушение всех планов. 8 сентября Меншиков был арестован, 9-го — лишен чинов, орденов и отправлен в ссылку в Раниенбург (маленькую крепость близ Воронежа) со всей семьей.

Позже опального князя закатали в Березов — крошечный городок в 1066 верстах от Тобольска, где он умер 12 ноября 1729 года.

Одновременно с командиром кавалергардов от должности отстранили и Шаховского, отправленного в армию. Из офицеров в строю остался пока лишь Иван Дмитриев-Мамонов. Его одного не касались все дворцовые интриги. Женатый по любви морганатическим браком на младшей дочери царя Ивана Алексеевича (брата Петра I) Прасковье, боевой офицер начал свою службу еще в 1700 году в рядах Семеновского полка. Он прошел с гвардейцами все сражения Северной войны, начиная с несчастной Нарвы 1700 года, где был ранен. Любопытно, что при успешном штурме Нарвы в 1704 года он был ранен дважды.

Вскоре возвратился на свое прежнее место в кавалергардском строю Ягужинский, произведенный по этому случаю в полные генералы армии. Прибыл и А.Бутурлин, любимец цесаревны Елизаветы Петровны, тоже приложившей руку к падению Меншикова.

Коронация Петра II состоялась 25 февраля 1728 года. Предыдущие торжества по этому поводу были всем еще хорошо памятны и нынешние прошли по совершенно аналогичному сценарию.

Коротким оказалось правление мальчика-царя. 7 января 1730 года он почувствовал признаки старашной в те времена болезни — оспы. В ночь на 19 января его уже не стало. Вместе с ним прекратилась и мужская линия дома Романовых.

Петр II не оставил завещания и снова предстояло выбирать кого-то на царствование. Члены Верховного Тайного совета (Головкин, братья Долгорукие, Голицын) и фельдмаршалы В.Долгорукий и М.Голицын избирают среднюю дочь царя Ивана Алексеевича, вдовствующую герцогиню Курляндскую Анну. Если мы посмотрим на состав заседавших, то такое решение нас не удивит. Единственная объективно разумная кандидатура — дочь Петра Елизавета была сразу отвергнута ими в опасении возвращения порядков и людей, воспитанных Петром. А вот этого старой аристократии уже совсем не хотелось. Не имеющая опоры в России, Анна должна была стать только символом монархии, поскольку права ее дополнительно урезались составленными верховниками «пунктами», по которым ей запрещалось выходить замуж, назначать преемника, жаловать самостоятельно в продворные и генеральские чины, разгонять Верховный Тайный совет и прочее и прочее. Вот с такими предложениями поехала делегация в Митаву к Анне Иоанновне.

В замысел верховников вмешался неугомонный Ягужинский, отправивший тайно туда же камер-юнкера Сумарокова с наказом склонить Анну не подписывать этих условий до приезда в Москву. Этим выражалось мнение большинства служивого дворянства. Царское самовластие, казалось, обеспечивало им большую законность и порядок, чем неограниченный произвол клана Долгоруких и Голицыных. Гонец Ягужинского был схвачен и допрошен. В результате сам командир кавалергардов оказался в кремлевском каземате, но дело было сделано — Анна поехала в Москву, понимая ситуацию.

10 февраля 1730 года она прибыла в село Всесвятское под Москвой. Здесь Анна сделала первый и очень важный шаг в поисках опоры. Она объявила себя полковником (шефом) преображенцев и капитаном кавалергардов, что было с одобрением воспринято гвардейцами. Уже под надежной охраной кавалергардов въехала 15 февраля Анна в Москву. командовал кортежем Дмитриев-Мамонтов, поскольку Ягужинский продолжал сидеть под арестом, но теперь уже в знак протеста. Посланному верховниками офицеру с известием об освобождении, он заявил так: «Вы меня очернили и снова не можете возвратить мне прежнего доброго имени, которым я пользовался».

Положение уходило из-под контроля верховников. Последней их попыткой хоть как-то узаконить свои права было включение в текст общей присяги слов о верности Верховному совету. Опробовать текст решили на преображенцах. Заметим, что изысканность отношений и нравов в XVIII веке не стали нормой, поэтому и получил фельдмаршал М.Долгорукий от гвардейцев в ответ, «что они переломают ему все кости, если он снова явится к ним с подобным предложением». Не лучше в этом смысле был призыв офицеров Антиоха Кантемира, графа Матвеева и кавалергардов напасть на верховников во время заседания и выбросить Долгоруких в окно. Мало отличалось и альтернативное предложение просто заколоть их шпагами.

К счастью, как отметил потом Лефорт, «все обошлось без резни, благодаря твердости войск и дворянства». Дворянство поднесло Анне челобитную, в которой просили «принять самодержавство таково, каково Ваши Императорскому Величеству от Верховного Совета... пункты уничтожить». Выслушав челобитную «те пункты Ея Величество

при всем народе изволила, приняв, тотчас, изодрать».

28 апреля совершилось коронование новой императрицы. На этот раз кавалергардов в Успенском соборе было больше. Трон охраняли четверо офицеров: капитан-поручик Ягужинский (покинувший, наконец, свой каземат), поручик Дмитриев-Мамонов, подпоручик князьТрубецкой и вахмистр Бойе. У трех дверей стояли караулы из капрала и двух рядовых с карабинами. С внешней стороны дверей — по два гвардейских унтер-офицера с алебардами.

Время очень скоро показало ошибочность выбора Анны императрицей. И пострадали, в первую очередь, сами бывшие верховники. Почуствовав прочность своего положения, Анна начала избавляться от старых аристократических фамилий: Долгоруких, Голицыных, Черкасских, Юсуповых. Кого просто отстранили от дел, кто попал в ссылку, а кто — и на эшафот. Борьба за власть жалости не знает. Их места занимали те, на кого Анна полагалось ранее — прибалтийское дворянство, или, как их тогда называли на Руси «немцы».

Огромные права получил «сердечный друг» Анны Бирон, во главе образованного в 1731 году Кабинета (основного органа управления) встал Остерман, армию возглавил всегда мрачный фельдмаршал Миних.

Наверное, только назначение старого фельдмаршала не вызывало особого недовольства, его взял на службу еще Петр и суровый воин никак не вмешивался пока в дворцовые дела.

Чтобы как-то нейтрализовать гвардию был сформирован еще один гвардейский пехотный полк. «Измайловский полк, обязанный своим бытием указу 22 сентября 1730 года, был создан по мысли обер-камергера Бирона и долженствовал служить ему оплотом против каких бы то ни было покушений гвардии Петра, и в этих видах формировался исключительно из украинских ландмилицов, потомков стрельцов, естественно враждебных потомству потешных, получил офицеров наполовину из курляндцев и вообще остзейцев и вверен командованию графа Левенвольда» — точно определяет смысл этого шага историк. Однако достоточно быстро измайловцы переняли взгляды своих старших братьев — преображенцев и семеновцев и в этом смысле идея Бирона оказалась порочной, поскольку привела просто к усилению гвардии.

Некоторое время в уже опасной для императрицы близости оставались кавалергарды, но участь их была уже решена. Просто распустить мощный отряд телохранителей было неразумно. Для начала 31 декабря 1730 года появляется указ об учреждении лейб-гвардии Конного полка, в котором, так же, как и в Измайловском полку, все ключевые посты отдаются «немецким» дворянам. И только почуствовав возможность замены, 23 июня 1731 года последовал указ о расформировании кавалергардов. Лошади, амуниция, казенные суммы передаются конногвардейцам. Вспыльчивый Ягужинский отправляется в почетную ссылку с дипломатической миссией в Берлин. Другой влиятельный офицер Дмитриев-Мамонов к этому времени уже похоронен. Он умер от, как тогда говорили, апоплексического удара год назад прямо в седле, как и подобает кавалеристу. Остальных людей просто разбросали по разным полкам или определили на гражданскую службу. Настороженное внимание к бывшим кавалергардам сохранялось еще долго. В особенности нежелательным было их присутствие в Москве. Анна не жаловала Петербург и предпочитала, по возможности, находится в старой столице, и даже не в ней, а рядом. в полюбившемся ей селе Измайлове, в честь которого она назвала уже упоминавшийся новый полк гвардии.

Так на несколько лет прерывается существование кавалергардов, они растворяются, не в силах пока вмешаться в ход истории. Лишь только их командира Павла Ягужинского, как козырную карту пытаются разыграть соперничающие Остерман с Бироном.

На него делает ставку Бирон, вытаскивая из Берлина и назначая кабинет-министом. Он знает о взаимной и старинной неприязни этих людей, знает, что Ягужинский до сих пор не простил Остерману своей задержки на пути в Финляндию в 1721 году. Тогда нетерпеливо ожидавший заключения Ништадтского мира Петр послал Ягужинского ускорить ход переговоров предложением уступить шведам Выборг. Остерман же тайно приказал своим людям задержать по дороге под каким-нибудь предлогом нового посла на два-три дня. В результате Павел Иванович не успел на переговоры до их завершения. Договор был подписан, Выборг остался за Россией, а слава и почет достались не ему. Бирон выбрал достойного противника Остерману, но дни Ягужинского уже были сочтены. В апреле 1736 года прах его принимает кладбище Александро-Невской лавры, а царедворцы продолжают борьбу.

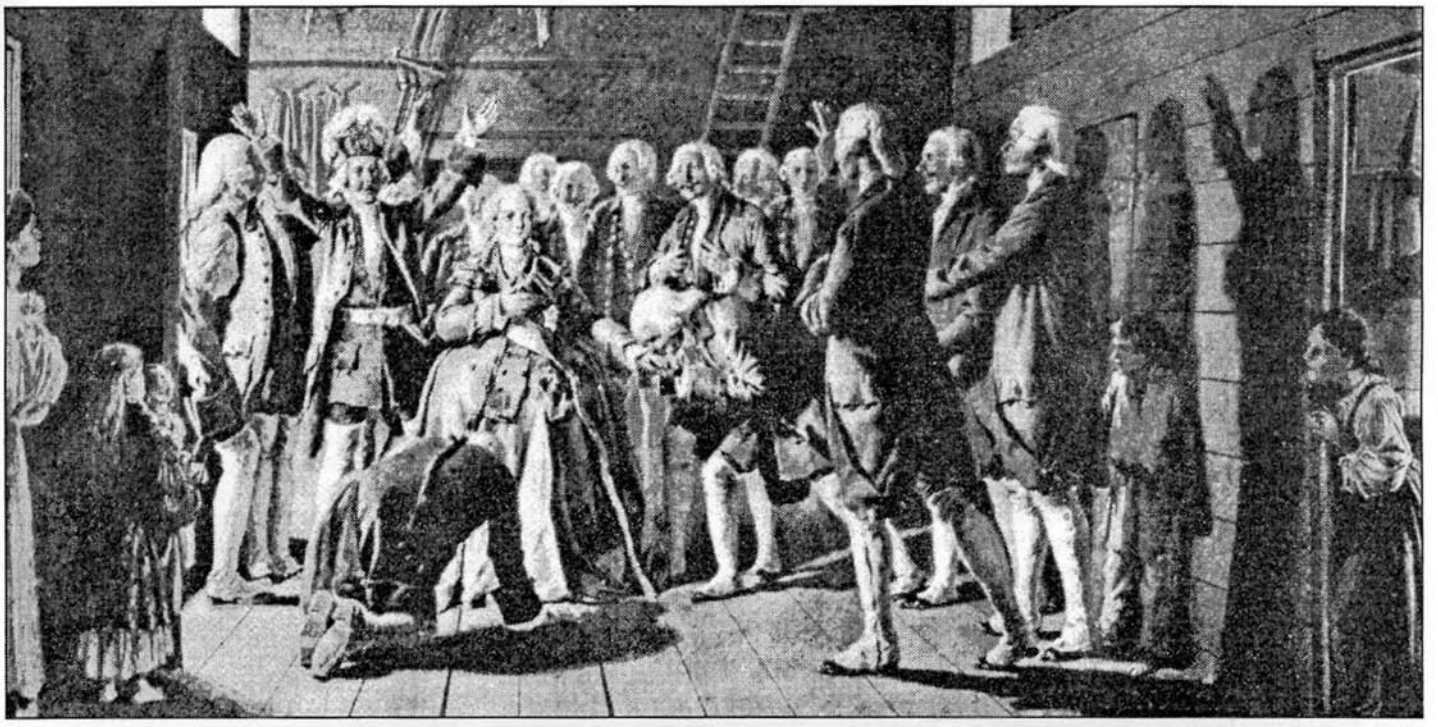
ЛЕЙБ-КОМПАНИЯ

В начале октября 1740 года петербуржцы нетерпеливо ловили каждое известие из Зимнего дворца. Тяжело заболевшая Анна Иоанновна умирала. Прошедшее десятилетие вошло в историю России под мрачно-презрительным определением «Бироновщина». Императрица умирала бездетной. И не потому, что взошедшая на престол тридцатисемилетняя Анна не могла найти себе мужа, а потому, что рядом находился «курляндский дворянчик» Эрнест Бирон. Трудно сказать, чем привлек молодую вдову, скучавшую в Митаве этот незаметный служитель конюшни, но взаимная привязанность этих людей прошла через всю их жизнь. Разумеется, Анна не могла официально сделать Бирона своим мужем и императором России — такого издевательства не вытерпело бы даже ее ближайшее окружение, но отдать фактическую власть в руки своего обер-камергера, возведенного в звание владетельного герцога Курляндского, она смогла. Жестокий и надменный фаворит, так и не выучившийся толком говорить по-русски, использовал свое положение, как истинный временщик. Вполне естественным и однозначным было чувство, которое он вызывал у всех порядочных русских людей — ненависть. Это понимала и Анна, которой предстояло назвать своего преемника. В какой-то степени она озаботилась этим заранее.

На имея еще определенных планов, она пригласила в Петербург свою племянницу Анну Леопольдовну — дочь герцога Мекленбург-Шверинского и своей родной сестры Екатерины Иоанновны. Конечно, по мнению придворной немецкой компании, мужа для нее среди русской аристократии найтись не могло. На пробу выписали в Россию принца Антона Брауншвейгского, в то время маленького, худенького девятнадцатилетнего юношу. Со свадьбой пришлось несколько подождать — невеста родилась в 1718 году и еще не достигла подходящего возраста. Принца произвели в чин подполковника кирасирского полка и отправили в армию к Миниху воевать с турками. Наконец, в 1739 году бракосочетание молодых людей состоялось и через положенный срок у них родился сын — Иоанн VI Антонович, которого, удовлетворенная выполненным долгом Анна, назначила своим наследником. Опекунами до совершеннолетия наследника должны были стать его родители. Но Антон не отличался умом, а Анна Леопольдовна была еще по-детски ветренна и беспечна. Оставался верный Бирон, но Анна справедливо опасалась за его судьбу, зная общее настроение. Все же в последний момент, всего за день до смерти, рвавшемуся к власти Бирону удалось уговорить ее подписать указ, назначавший его регентом до достижения Иоанном VI требуемых по закону восемнадцати лет.

Оглашение последнего указа Анны Иоанновны вызвало бурное негодование. Глухо волновалась гвардия. Офицеры даже иноземного происхождения в большинстве недолюбливали регента, а что уже говорить о русских. Бирон знал о растущем недовольсве, об отказах принимать присягу, о возникающих заговорах. Ему докладывала Тайная канцелярия, предупреждали братья — старший Карл был московским генерал-губернатором, младший Густав командовал Измайловским полком. Однако, привыкший к всеобщему повиновению, Бирон не слишком прислушивался к предупреждениям, надеясь на работу своей отлаженой карательной машины — Тайной канцелярии.

Неожиданно в игру против регента вступил Миних. Сурового фельдмаршала вдруг обуяло честолюбие. Помогая Бирону добиться регентства, он рассчитывал получить в благодарность высший военный чин генералиссимуса. За 20 лет, проведенных им на русской службе, граф Бурхард-Кристоф не раз успешно водил войска во многих сражениях, был смел, энергичен и упрям. Ему обязана Россия появлением тяжелой кавалерии — кирасир, не редко своим мощным ударом решавших судьбу сражений в буду-



Царевна Елизавета Петровна в светлице гренадер Преображенского полка

щем. Столь желаемое им звание вполне могло стать наградой старому воину, тем более, что никаких новых преимуществ он при этом не получал. Похоже, что Бирон боялся Миниха просто физически и не только ничем не наградил своего помощника, но стал энергично оттеснять его от дел вообще.

Фельдмаршал быстро сориентировался в складывающийся обстановке и предложил свои услуги Анне Леорольдовне. Брауншвейгская чета тоже чувствовала себя оскорбленной регентством Бирона и Миних получает полную свободу действий.

В ночь на 9 нояря 1740 года фельдмаршал в сопровождении своего адъютанта Манштейна и отряда преображенцев приезжает в Летний дворец — резиденцию Бирона. Охрану дворца несет караул из преображенцев. Настроение гвардии угадано заговорщиками точно. Посланный к караульным офицерам на переговоры Манштейн не только получает разрешение ввести отряд во дворец, но и предложение помочь в этом святом деле. Преображенцы врываются в спальню регента и через несколько минут его, избитого и завернутого в шинель, увозят в тюрьму.

В манифесте, появившемся по этому случаю, было написано: «...хотя по предписанию императрицы Анны регентом был назначен герцог Курляндский, но ему велено было свое регентство вести по государственным правам, конституциям и прежним преданьям и уставам, и особливо велено, не токмо о дражайшем здравии и воспитании нашем попечение иметь. но и к родителям нашим и ко всей императорской фамилии почтение оказывать. Но вместо должного того исполнения, он дерзнул не токмо многие противные государственным правам, поступки чинить, но и к любезнейшим нашим родителям великое непочтение и презрение публично показывать... и потому... нашли оного герцога от регентства отрешить... и оное правительство поручить нашей государыне-матери». Как видим, записан этот манифест от имени Ивана VI и чуть не главной виною Бирона указывается его «непочтение к родителям нашим». Состоявшийся воскоре суд квалифицировал его деяния более сурово: «Насильственный захват обманом регентства, малослыханный жестокости, водворение немцев» и прочее и прочее. К сожалению, Анна Леопольдовна заменила приговор суда (казнь четвертованием) ссылкой в городок Пелым. Любопытно, что в ссылку Бирона конвоировали офицеры созданного им Измайловского полка.

Все эти бурные события отвлекли внимание наше от Елизаветы Петровны — младшей дочери Петра I. Скромная жизнь цесаревны уже давно заполнялась только нехитрыми развлечениями. доступными ее крошечному двору: прогулки, редкие выезды в Зимний дворец и беседы с гвардейцами. Частую гостью в их казармах хорошо знали и любили. Простая в общении Елизавета крестила солдатских детей (этот обычай ввела Екатерина I), угощала их родителей, дарила в прадники подарки.

Недолгая радость при свержении Бирона сменилась разочарованием — все осталось по-прежнему. И тогда уже многие вспомнили несправедливо обойденную дочь Петра. Елизавета и само понимала, что наступает ее время, но очень трудно было решиться молодой женщине (ей шел 32-й года) самой сделать отчаянный шаг. В значительной степени ее подтолкнули к действиям обстоятельства. Резко усилился надзор за ее поведением со стороны двора, проявлял все большую настойчивость новый посол Франции маркиз Шетарди, надеявшийся заменить немецкое влияние в России французским и, самое главное, под предлогом необходимости участия в боевых действиях (вновь шла война со Швецией) гвардии было приказано готовиться к походу.

В ночь на 25 ноября 1741 года к цесаревне пришла делегация гренадер-преображенцев. Солдаты объявили, что будут вынуждены совершить переворот самостоятельно. Медлить было нельзя и цесаревна едет в казармы. Восторженно встретили ее преображенцы и вскоре отряд из 300 вооруженных гренадер собрался. Группы солдат отправились для захвата Миниха, Головкина, Остермана, Левенвольда — всех, кто мог помешать задуманному. Сама Елизавета повела основной отряд в Зимний дворец. На этот раз дворец охраняли семеновцы. Как и год назад охрана присоединилась к восставшим. Переворот совершился быстро и бескровно.

Ранним утром полки, сановники, сенаторы, генералитет прибыли во дворец к новой императрице. «Елизавета возложила на себя орден св. Андрея, объявила себя полковником трех гвардейских полков, конной гвардии и кирасирского полка и приняла поздравления от государственных чинов. Войска и народ, которым она показалась с балкона, выразили такую радость, что лица, жившие в Петербурге лет с тридцать, признают, что подобного не видали ни при каком другом случае».

Стремительное и успешное проведение переворота ввело в заблуждение некоторых иностранных наблюдателей, сообщивших: «при помощи нескольких гренадер, большого количества водки и нескольких мешков золота в России можно сделать все, что угодно».

Однако, практически использовать такое простое средство для управления Россией почему-то никому не удалось. Елизавета же добилась успеха возглавив общенациональный протест и связав его с борьбой за восстановление своих законных прав.

Положение императрицы требовало создания вновь отряда телохранителей. Она не могла пойти по пути своих предшественников и сформировать его как было принято, из представителей известных дворянских фа-

милий. Сказывалась обида за пренебрежение ею в течении стольких лет. Кроме того, некоторые из бывших кавалергардов сумели сделать себе карьеру при Анне. К их числу, например, относился князь Никита Трубецкой — совершенно беспринципный и не чистый на руку человек. Он сумел войти в число членов суда, разбиравшего вину приближенных Анны: Остермана, Миниха, Головкина и прочих. Князь словно забыл, что сам был причастен к составлению завещания Анны Иоанновны, активно помогал в неправедных делах Бирону. Даже обычно спокойный Миних не выдержал его «бесстыдства» и поставил себе в вину, что «во время турецкой войны не повесил Трубецкого за злоупотребления по комиссариату». Понятно, что такие люди симпатии у Елизаветы не вызывали. Мягкая характером императрица даже не стала преследовать их за все свои прошлые невзгоды. Более того, и «герои последних царствований» тоже легко отделались. Все смертные приговоры, вынесенные судом (в том числе Остерману и Миниху), она заменила ссылкой. «Брауншвейгское семейство» сначала вообще было отпущено на родину, но по пути его все же задержали и тоже переправили на поселение почему-то на родину Ломоносова под Архангельск в Холмогоры.

С другой стороны от императрицы очень настойчиво требовали себе наград непосредственные участники переворота. И Елизавета решила именно из них сформировать свою личную гвардию. Указ от 3декабря 1741 года гласил: «Понеже вовремя вступления Нашего на Всероссийский родительский Наш престол полки нашей Лейб-гвардии, а особливо гренадерская рота... гренадерскую роту.... жалуем: определяем ей имя Лейб-Компания, в которой капитанское место Мы соизволяем сами содержать и оною командовать...». Этим же указом возводились в дворянское достоинство все лейб-компанцы, доныне его не имевшие. Бытующее мнение, что этот дворцовый переворот как и все другие, совершили одни дворяне, не верно. Анализ социального положения этих людей показывает, что из них потомственных дворян было всего 33%, бывших крестьян, казаков, солдатских детей и посадских — 41%, остальное приходится на долю купеческого и духовного сословий. Был даже один швед из города Вазы — Иван Грейц. В 1714 году он попал в плен, прижился в России и поступил на русскую службу «по желанию своему в Преображенский полк солдатом». Более того, большая часть действующих лиц была неграмотна. Если грамотными можно считать и тех, кто мог только подписать свою фамилию, то и тогда таких наберется только треть. Конечно, они не были похожи на гордых дворян. которые шли свергать Павла Первого, на утонченных аристократов, вышедших на Сенатскую площадь, но они сделали свое дело. Оказывается, и дворцовые перевороты бывают разными. Эти люди восстановили справедливость и этих людей приблизила к себе императрица.

Всем новоявленным дворянам были пожалованы гербы и произведены соответствующие записи в книги дворянских родов. Материальное положение лейб-компанцев поправили за счет раздачи имений (главным образом в Малороссии), принадлежавших ранее царедворцам прошлых «неправедных» лет.

Всего в штат Лейб-компании вошло 364 человека. Как и было принято раньше, ее чины котировались намного выше армейских. Капитан-поручиками стали в ранге полного генерала армии — А.Разумовский и М.Воронцов, подпоручиками (генерал-майорами) — А.Шувалов и П.Шувалов. Все офицеры были давними друзьями Елизаветы, помогали ей в трудные времена и всех их ждало большое будущее.

Граф А.Г.Разумовский (1709-1771)

Разумеется, новая часть должна была иметь и новую форму. Императрица не стала слишком мудрствовать. За основу приняли обмундирование гренадерских рот гвардейских полков, добавили декоративных элементов и золотых галунов. В таком виде появилась Лейб-компания на Крещенском параде в Петербурге 6 января 1742 года.

Пора было подумать и о короновании новой императрицы. Провести церемонию решили уже весной. Для участия в ней по традиции требовались кавалергарды и 68 чинов Лейб-компании перевели в это качество. Для нижних чинов не стали «строить» особых мундиров, а ограничились дополнительным пошивом малиновых супервестов с золотыми галунами и серебряными звездами с орлами черного шелка. Офицерам же все предметы (кафтан, камзол, штаны, супервест) сделали из малинового бархата с золотыми галунами.

Неудачей закончилась попытка обеспечить кавалергардов лошадьми. В этот период русская кавалерия вообще переживала трудные времена. Заметно ухудшился конский состав частей, их боевая подготовка. Пожалуй, лучшими с парадной точки зрения, лошадьми были укомплектованы кирасирские полки и полк Конной гвардии, тоже относившийся к этому виду кавалерии. Как мы уже отмечали, своим появлением кирасиры в русской армии были обязаны фельдмаршалу Миниху. По существу он просто скопировал давно уже существовавшие в европейских армиях полки тяжелых латников. Но для мощных всадников требовались и не менее мощные лошади, а их в России тогда не было. Пришлось закупать (главным образом в Германии) подходящий материал и налаживать его воспроизводство у себя. Дело очень дорогое, хлопотное и долгое. Поэтому посланный на конезаводы человек сумел вместо 400 требуемых лошадей привести только 20. В результате кавалергардам в тех случаях, когда они должны было появиться в конном строю, приходилось заимствовать лошадей у конногвардейцев.

28 февраля 1742 года состоялся торжественый въезд императрицы в Москву. Перед каретой ехали 40 кавалергардов под командой Александра Шувалова, дверцы кареты охраняли князь Куракин и М.Воронцов, позади еще 40 кавалергардов с Петром Шуваловым. По дороге процессии пришлось несколько раз останавливаться, принимая поздравления горожан. Студенты славяно-греческой академии в белых одеждах, венцах и с лавровыми ветвями исполняли стихи, купечество подносило дары. Вечером состоялся бал.

Само коронование произошло 25 апреля. Горожане были оповещены об этом событии за три дня впервые изготовленными для этого печатыми листовками. Торжественная церемония в Кремле происходила по той же приычной схеме. Отметим лишь то, что Елизавета Петровна была первой, увенчавшей короной сама себя, тем самым подчеркнув идею самодержавия. Участвующих в церемонии и просто зрителей было великое множество и на площади у Грановитой палаты пришлось выставить уже четырех жареных быков, начиненных птицей. Как и раньше, били фонтаны белого и красного вина.

Впервые в Грановитой палате для всеобщего обозрения были выставлены драгоценные императорские регалии, троны, балдахин, жезлы и прочие, употребляемые при коронации предметы. В течение 12 дней с 7 до 12 и с 13 до 20 часов не кончался поток людей, спешащих воспользоваться случаем увидеть вблизи уникальные произведения искусства. Все остальное время эти вещи хранились в Мастерской палате (так тогда называлась Оружейная палата Кремля) и эту выставку, наверное, можно считать первой передвижной экспозицией старого музея.

Охрану вещей несли кавалергарды, поскольку витрин тогда еще не было, весьма любопытно в инструкции часовым отражено традиционное музейное требование «руками не трогать»: «и как оные (зрители) приходить будут, то означенные регалии имеют они смотреть со стороны входа и к ним подходить, так чтобы те регалии видеть могли... оных тех регалий для смотрения брать отнюдь допускать не должно, а ежели из чужестранных министров и из российских знатных людей похотят те регалии видовать в близости, то оных к тому допускать, а в руки тех регалий брать оным потому же не надлежит».

Коронационные торжества в Москве были отмечены обилием балов, маскарадов,

Граф И.И.Шувалов (1727-1797)

фейерверков. Похоже, что молодая императрица хотела вознаградить себя безудержным весельем за все годы вынужденной скуки и тишины. Между тем она не забыла о традиционном манифесте — своеобразной амнистии по поводу праздника. По нему складывались казенные недоимки с 1719 по 1730 годы, объявлялось помилование некоторым категориям заключенных, вводились различные льготы и, самое главное, впервые в России официально отменялась смертная казнь. Видимо, в какой-то степени это решение было вынужденно рядом происшедших расправ с иноземцами после воцарения Елизаветы. Накопившаяся ненависть к ним привела к появлению (по словам Манштейна, бывшего адъютанта Миниха) Прошения на имя императрицы, в котором требовалось, «что-бы все иноземцы, находившиеся в русской службе, были убиты, или, по крайней мере, высланы». Разумеется, такое предложение не могло быть принято.

Надо сказать, что вообще мягкость поступков Елизаветы кажется удивительной. Наверное, большинство людей, оказавшись, как она, на протяжении 16 лет гонимыми и притесняемыми, постаралось бы свести счеты с врагами при первой возможности и с жестокостью своего века. Ничего подобного за все время правления этой императрицы мы не увидим.

Только беспримерной терпимостью может объяснятся столь долгое, в течение почти 20 лет, существование Лейб-компании и кавалергардии (что, практически, было одно и то же) с установившемся в них отношением к дисциплине. Ее определял, конечно, состав ее чинов. Наиболее характерными чертами их поведения были умопомрачительное пьянство и склонность к дебошам. Разумеется, мы должны принять во внимание, что прошло 30-40 лет с тех пор, как Петр начал вытаскивать сонную боярскую Россию на свет европейской цивилизации. Если в науке и технике (а именно на них царь был вынужден обращать основное внимание) страна совершила мощный прорыв, используя природный потенциал своих жителей, то становление культуры требовало значительно большего времени. В этой области происходил процесс своеобразной «перестройки» — традиционная древнерусская культура отошла на второй план, а современные европеизированные течения еще не привились. Царствование Елизаветы Петровны в середине XVIII века пришлось как раз на переломное в этом отношение время.

Еще вчерашние солдаты, привыкшие к грубости и нетрезвой казарменной жизни, вдруг оказались дворянами, произведенными в офицеры (если считать по приравненным к ним армейским чинам) и принятыми на службу в самую привелегированную придворную часть. Такая метаморфоза большинству из них оказалась не по плечу. Документы того времени изобилуют материалами об их похождениях. Например, «10 октября 1743 года гренадер Кирила Вдовин в кабаке рубил тесаком крестьянина Лыткова», «гренадер Ларионов, находясь во внутреннем карауле, самовольно с него ушел и только поздно ночью таки явился, но уже весьма пьян, причем ругал дежурного капрала шельмой и канальей», «28 сентября 1746 года гренадеры явились ослушны и, едучи в пути, неоднократно отлучались без позволения и находились в великом шумстве, и утратили с себя данных им ружейных и аммуничных вещей: государев пистолет, штык, тесак, подсумок, шапку гренадерскую, ружье со штыком и ямскую лошадь, с седлом».

Наказания за все эти проступки следовали на удивление мягкие. Только незначительное число неисправимых гуляк было отправлено в армейские полки, остальные отделывались арестом, штрафом, иногда «битьем палки», а часто — просто устным выговором.

Заставить кавалергардов ответственно относиться к своим обязанностям можно было, либо, используя крайне жестокие меры наказания, либо, поручив их воспитание талантливым в этом отношении офицерам. На жестокость Елизавета пойти никак не могла, все-таки эти бывшие гренадеры сослужили ей «знаменитую службу», правда, первоначальный состав Лейб-компании постепенно разбавлялся вновь принимаемыми людьми. Старослужащие уходили в отставку, часть чинов попросила о переводе в армию. Их места занимали гвардейцы, но уже только из дворян. Появляется и требование к росту кавалергардов — не ниже 2 аршин с 12 вершками (около 170 см).

С офицерами дело обстояло хуже. Принц Людвиг Гессенгомбургский редко занимался своими прямыми обязанностями, деля время между балами, застольями и любовницами. Братья Шуваловы и А.Разумовский были ближайшими помощниками Елизаветы и часто тоже не успевали контролировать своих подчиненных. Несколько других офицеров погоды не делали.

Граф Петр Иванович Шувалов совмещал несколько значительных государственных должностей, в том числе был генерал-фельдцейхмейстером, т.е. отвечал за артиллерийское ведомство. Русская артиллерия, которую он принял в «сожалительном состоянии», обязана ему появлением отличных орудий, известных, как «шуваловские единороги». Название это пришло от фрагмента герба князя — зверя-единорога, украшавшего стволы гаубиц. Эта и другие артсистемы, конечно, не были сконструированы им лично, но Петр Иванович создал условия для деятельности военных иженеров, для быстрого внедрения их разработок в практику. В Семилетней войне 1765-1762 годов русская артиллерия прекрасно использовала свои новые технические возможности. На успехи отечественного оружия отозвался Ломоносов:

Граф П.И.Шувалов (1711-1762)

«Нам слава, страх врагам,
в полках твоих огни;
Как прежде, так и впредь:
коли, рази, гони.
С Елизаветой Бог
и храбрость генералов,
Российска грудь,
твои орудия, Шувалов.»

Старший брат Петра Александр достиг чина генерал-фельдмаршала и многие годы руководил работой Тайной канцелярии.

Их двоюродный брат Иван (покровитель Ломоносова и создатель Московского университета) был еще и фаворитом императрицы. Значительную помощь семейству Шуваловых оказывала жена Петра Мавра Егоровна — любимая фрейлина Елизаветы, которая очень внимательно смотрела, «чтобы императрица не приблизила к себе человека; чуждого Шуваловым и могущего пошатнуть их значение». Это команда лихо убирала конкурентов, например, обозначившемуся новому фавориту (тоже из кавалергардов) Н.Бекетову Петр Шувалов предложил мазь, якобы сохраняющую свежесть кожи, от пользования которой у доверчивого юноши лицо покрылось сыпью. Заботящаяся о здоровье своей коронованной подруги фрейлина

тотчас потребовала удаления Бекетова, «как человека зазорного поведения».

Единственным человеком, с которым ничего не смогли сделать Шуваловы, был Алексей Разумовский. Сын украинского казака сделал невероятную карьеру в духе петровских времен. Случай свел в Петербурге обладавшего прекрасным голосом Алексея с цесаревной. Очарованная его пением, Елизавета полюбила красивого и молодого (они были одногодки) казака. С тех пор Разумовский пользовался неизменным расположением Елизаветы в течение всей ее жизни. После переворота 25 ноября он жалуется в поручики Лейб-компании, получает многочисленные имения, в 1744 году становится графом Римской империи, через несколько лет — фельдмаршалом. Интересно, что близостью своей к императрице он никогда не злоупотреблял и не вмешивался в то, что было ему малопонятно. Как правило, интересы Разумовского ограничивались делами Малороссии и религией. С его помощью было восстановлено на Украине гетманство, ликвидированное Петром Первым, в Петербурге широко представительствует украинская культура. Как музыкально одаренный человек, граф оценил и прекрасную итальянскую оперу и сделал непременным ее участие в придворных праздниках.

Елизавета воспринимала Разумовского не просто, как временного фаворита.Уже будучи императрицей, в 1742 году она вступает с ним в брак. Событие это, разумеется, не разглашается — слишком не ровня жених царице. Жениться на простолюдинке, короновать ее и ни чем при этом не рисковать мог позволить себе только такой титан, как Петр Великий. Как это не парадоксально но точное количество детей Елизаветы не установлено. Долгое время считали, что их было двое — по одному от Разумовского (сын) и Ивана Шувалова (дочь). Современные историки отрицают факт рождения сына от этого брака. Во всяком случае таинственность, которой была окутана эта сторона жизни императрицы, привела, как всегда в таких случаях, к появлению серии самозванцев и расхлебывать последствия пришлось уже Екатерине II.

Выходя замуж за Разумовского, Елизавета Петровна понимала, что этим лишает себя возможности оставить российский престол своему ребенку, если он появится. Поэтому в том же 1742 году она называет своим преемником племянника — голштинского герцога Петра-Ульриха. Он был сыном сестры Елизавета Анны, давно уехавшей к мужу в Киль и скончавшейся там еще в 1728 году после родов. Русская императрица берегла память о любимой сестре и решила облагодетельствовать ее сына. Так голштинец попал в Россию и вошел в ее историю под именем Петра III Федоровича. Невесту ему по дурной, но уже устанавливающейся традиции, выбрали тоже немецкого происхождения — Софию-Августу-Фредерику Ангальт-Цербстскую, в православии Екатерину Алексеевну. Бракосочетание пары состоялось 21 августа 1745 года в Петербурге. С этого момента забот у кавалергардов прибавилось, поскольку молодой двор поступает под их охрану.

Несмотря на все трудности дисциплинарного характера, Лейб-компания с кавалергардами справляются со службой при дворах, сопровождают императрицу во время ее путешествия на Украину (по приглашению А.Разумовского) и поездок в Москву. Неизменно Елизавета благоволила отряду своих личных гвардейцев. Мы уже отмечали невысокую требовательность к ним по службе. И в то же время они пользовались многими почетными правами при дворе. На придворные праздники, спектакли, маскарады унтер-офицеры приглашались в качестве гостей наравне с офицерами гвардии. Иногда приглашения получали и рядовые. Вместе с мужьями право присутствия получали и их семьи. Как и прежде, зачастую императрица баловала их подарками к разным случаям.

Особо каждый год отмечался праздник, получивший название «счастливого события» — 25 ноября, день возведения Елизаветы на Царствование. К нему заготавливали приказы об очередных производствах, награждениях, прощении проштрафившихся. В день праздника Елизавета в мундире офицера Лейб-компании «яко той роты капитан» (но с 1754 года все же в «дамской униформе») в окружении своих офицеров принимала поздравления. Затем начинался обед, в котором принимал участие весь наличный состав роты. Традиционно провозглашались три тоста: в честь императрицы, офицеров и чинов Лейб-компании и наследника. «При всяком здоровье имелась стрельба из пушек, и играли на трубах и били в литавры».

Украшения стола и подаваемые кушанья сейчас нам даже вообразить трудно. Например, по сохранившимся описаниям, в 1749 году был великолепный десерт, который «оказывал (показывал) высокое восшествие на Всеросийский престол со многими эмблемами. На супротивном столе десерт представлял Марсово поле с Марсом и с различными приличными тому торжеству украшениями, и все столы убраны во все протяжение разными фигурами». Вся компания ела, пила веселилась на славу.

В 1761 году «счастливое событие» не праздновали — Елизавета тяжело заболела и 25 декабря в четвертом часу пополудни отошла. Кавалергарды все траурные дни несли последнюю службу при своей императрице. Закончилась она через два месяца 26 февраля. Вместе с ней закончился и единственный период небывалой. бесшабашной вольницы кавалергардов и Лейб-компании.

ЗОЛОТОЙ ВЕК ЕКАТЕРИНЫ

Уже в день смерти Елизаветы Петровны. 26 декабря 1761 года. в дворцовой церкви состоялась присяга новому государю Петру III. К сожаления, эта личность совершенно не соответствовала своему положению. Оставшийся в 11 лет сиротой, Петр-Ульрих своим воспитанием был обязан смешанному шведско-голштинскому окружению, не слишком отягощавшему его науками и политесами. Особенно охотно юный герцог внимал своему любимому камердинеру Румбергу — бывшему драгуну Карла XII, человеку грубому и жестокому, которого он привез с собой в Россию. Екатерина Алексеевна еще дома слышала о своем дальнем родственнике (он приходился ей троюродным братом) далеко не лучшие отзывы, приведенные ею позже в воспоминаниях. Она пишет. что «молодой герцог склонен к пьянству и приближенные его с трудом препятствовали ему напиваться за столом. Он упрям и вспыльчив, не любит окружающих, слабого и хилого сложения». Кроме того, слепое преклонение перед королем Пруссии Фридрихом II заставляло его иногда поступать даже во вред России. Вот такой человек оказался во главе страны.

С воцарением Петра III все общество скоро почувствовало возвращение еще не забытых времен Анны Иоанновны. Потоком хлынули в Россию «иноземцы немецкого происхождения», сразу занимая высокие посты. Появился дядя нового императора, принц Георг, тотчас получивший чин генерал-фельдмаршала и место полковника Конногвардейского полка. Генерал-губернатором Петербурга стал фельдмаршал Петр Голштейн-Бекский. Возвращены из ссылки братья Бироны и Миних.

Пребывая еще в качестве наследника Петр создал себе небольшое войско, включавшее в себя все подразделения настоящей армии: пехоту, кавалерию, артиллерию. Людей для него он приглашал из родной Голштинии, оплачивая, разумеется, все расходы из казенных средств.

Этот отряд стал его личной гвардией и содержать еще какую-то часть смысла не было. Поэтому 21 марта 1762 года он подписывает указ о роспуске Лейб-компании. Все-таки уважая лейб-компанцев своей тетушки, Петр разрешает каждому из них выбрать себе место дальнейшей службы или «уволиться вовсе». К этому моменту в рядах Лейб-компании оставалось еще 74 участника переворота «25 ноября». Все они, кроме двоих, не захотели служить дальше и вышли в отставку. Также ушел еще 171 человек из более поздних наборов. Остальные распределились по разным местам, в том числе и в гвардейских полках.

Вместе с тем Петр начал активно переустраивать армию. Как всегда, первыми любые царские идеи чувствуют на себе гвардейцы. Любезные сердцу Петра прусские мундиры вытесняют привычную форму, без особых изменений просуществовавшую в полках еще со времен Петра I. Недовольство

Кавалергард в повседневной форме, 1764-1796 гг.

подражанием одежде фактически побежденного врага (только что закончилась Семилетняя война с Пруссией) усиливалось слухами о готовящемся расформировании гвардии. Насколько серьезным было это намерение Петра, сейчас сказать трудно, но многим было известно его мнение о гвардейцах, которых он называл «янычарами, живущими на одном масте в казармах с женами и детьми и неспособных ни к какому труду, ни к военным экзерциям и всегда опасным для правительства». Справедливости ради заметим, что в тех словах была значительная доля истины, а что касается опасности, от них исходившей, то это оказалось сущей правдой.

Распространению недовольства способствовало и отношение Петра ко многим именитым людям столицы. Часть из них носила почетные чины офицеров гвардии, но в строю при этом, разумеется не была. Теперь же, как писал один из современников, «времена переменились, ныне у нас больные, и небольные, и старички самые поднимают ножки, и наряду с молодыми маршируют, и так же хорошохонько топчут и месят грязь, как солдаты». Любопытно, что эти слова родились при наблюдении страданий упоминавшегося нами князя Никиты Трубецкого, уже совсем старого, но все служивого в новом правительстве в качестве генерал-прокурора. Кое-кому из старых сановников и генералов приходилось приглашать к себе на дом молодых офицеров в кечестве преподавателей новых хитрых приемов строевой прусской службы. Некоторые сочли за благо вовсе устраниться от таких дел, а часть встала в упрямую оппозицию Петру. К числу последних относились и братья Разумовские. Особенно резок был Кирилл, гетман Украины, позволявший себе язвить над пруссачеством Петра. Памятен его ответ царю, поделившемуся с ним радостью по поводу получения от Фридриха чина генерал-майора прусской службы. «Ваше Величество может с лихвою отплатить ему, — сказал гетман, — произведите его в русские фельдмаршалы».

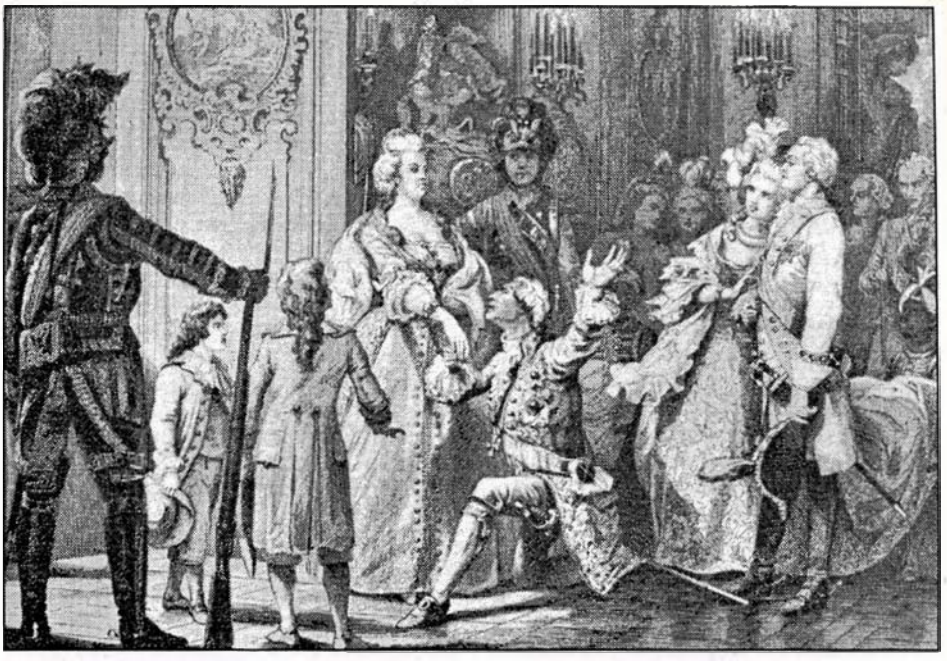
Особенно неприятным было отношение Петра к Екатерине. Зачастую сильно нетрезвый царь доходил до публичных оскорблений своей жены. Кроме того, он и не скрывал своей связи с Елизаветой Воронцовой. Кроткая и унижаемая Екатерина вызывала сочувствие и смутные надежды на перемены. Надо заметить, что она усердно готовилась к роли русской императрицы, не предполагая еще своего великого будущего. Она изучала русский язык, историю России, была неизменно приветлива со всякими людьми. Приняв православие, Екатерина строго соблюдала (по крайней мере внешне) все его правила, что весьма ценилось народом в те времена. Постепенно происходило ее сближение с враждебно настроенной по отношению к Петру частью двора, вельмож и, конечно, гвардии.

Основную роль в грядущих событиях сыграли великолепные братья Орловы. Смелые и энергичные сыновья новгородского губернатора возглавили подготовку к перевороту. Как и 20 лет назад толчком к началу действий послужило известие о готовящейся отправке гвардии на непопулярную войну с Данией.

Ранним утром 28 июня 1762 года Алексей Орлов прискакал в Петергоф к Екатерине. «Пора вставать, — произнес он с порога спальни — все готово для Вашего провозглашения». Вскоре карета, управляемая Орловым, мчалась в Петербург. Сначала они приехали в казармы Измайловского полка, где восторженно встретившие их солдаты сразу присягнули Екатерине. К ним присоединились семеновцы, затем преображенцы. В сопровождении гвардейцев Екатерина направляется к Казанскому собору. Там ее уже ждало предупрежденное духовенство и провозглашение многолетия «Самодержице Екатерине Второй» произошло без задержки. Там же в ряды войск влились эскадроны Конной гвардии и бывшие лейб-компанцы, 90 человек которых активно действовали все предшествующие дни. Вскоре у Зимнего дворца состояось приведение к присяге войск гарнизона, а в самом дворце — Сената и Синода. Все прошло вполне благополучно.

Тем временем Петр Федорович, как обычно, развлекался в Ораниенбауме под охраной голштинцев. Днем император со свитой перебрался в Петергоф и здесь до него стали доходить известия о происходящем в столице. Встревоженный Петр засуетился в поисках выхода. Незначительный голштинский отряд, даже под командованием Миниха, серьезной силы не представлял. Оставалось одно — бежать. Поздним вечером яхта и галера с императором и его свитой подошли к Кронштадту, но предупрежденный гарнизон крепости беглецов не принял. Утро застало Петра снова в Ораниенбауме.

Пока Петр метался в растерянности, к Петергофу начали подходить колонны войск



Праздник у Потемкина в Таврическом дворце. Дворец был подарен Екатериной в 1797 г. На рисунке Шарлеманя изображен фрагмент бала, который дал в честь императрицы Потемкин 28 апреля. Продолжался бал с 6 часов вечера до 11 утра. Екатерина никогда, ни до, ни после этого случая, не проводила столько времени в увеселениях. Это был последний бал Потемкина в столице. Екатерину всегда сопровождали кавалергарды, изображенные у дверей

Екатерины. Сама она ехала в окружении гвардии верхом на белом коне, со шпагою в руке, в мундире Преображенского полка, в шляпе, украшенной дубовыми ветвями, из-под которой распушены были длинные красивые волосы. Умница-императрица надела старый мундир петровского времени, подчеркивая свою приверженность порядкам и традициям почитаемого народом и армией Петра Великого. И не одна она было в таком виде. Войска достали из полковых цейхгаузов елизаветинские мундиры, а «прусские тряпки» разорвали или раздали на улицах.

В Ораниенбаум Алексей Орлов повел отряд гусар. Подавленный случившимся, Петр III, не сопротивляясь, подписал отречение от престола и под надежным конвоем отправился в Ропшу ждать решения своей участи. Судьба жестоко обошлась с этим человеком. 6 июля Екатерина получила письмо, в котором А.Орлов сообщал об убийстве Петра в пьяной драке охранявшими его офицерами. Конечно, императрица не могла дать делу законный ход и подставить под удар своих приверженцев. Кроме того, этим они оказали ей новую услугу, избавив от необходимости заботиться о постоянной изоляции бывшего супруга. В опубликованном официальном сообщении было объявлено, что «бывший император Петр III скончался от геморроидального припадка, которым и прежде часто подвержен был». Поскольку император не успел короноваться, то и похоронили его не в Петровавловском соборе, а на кладбище Александро-Невской лавры.

Когда немного улеглись заботы первых дней приобретенной власти, Екатерина задумалась о предстоящей коронации и, следовательно, о кавалергардах. Восстанавливать Лейб-компанию она не собиралась, насмотревшись еще при Елизавете на их вольное поведение. Ей был больше по душе принцип Петра I и в основу создаваемого Кавалергардского корпуса легла идея строгого подбора лучших офицеров-дворян. Времени до коронационных торжеств оставалось мало (Екатерина спешила формально закрепить свое положение) и она решила пока использовать имевшихся под рукой старых кавалергардов из Лейб-компании, участвовавших в перевороте. Из них отобрали 47 потомственных дворян и только для двоих «дворян 25 ноября» сделали исключение. Начальство над кавалергардами было поручено графу Ивану Гендрикову. Бывший лейб-компанец, племянник Екатерины I (он был сыном ее сестры Христины Скавронской) давно пользовался доверием и признательностью императрицы. Елизавета Петровна назначила его камергером к юной принцессе и знание графом обычаев и опасных подводных течений жизни русского двора, не раз помогало Екатерине избежать неприятностей. Образовавшийся состав Корпуса все же считался временным и в нем, кроме Гендрикова, не было других офицеров. Недостающее до 60 человек количество кавалергардов восполнили уже в Москве за счет армейских обер-офицеров, которых после праздников вернули обратно в их части.

Несмотря на спешку, Екатерина все же хотела провести торжества с достойной пышностью. На их подготовку было ассигновано 50 тысяч рублей, в 20 тысяч обошелся новый гардероб их участников. Заказали новые корону и державу, над которыми спешно работали «все бриллиантщики государства». Подготовилась к приему высоких гостей Москва. В нескольких местах воздвигли модные в те времена триумфальные ворота «с аллегорическими изображениями», кое-где подлатали мостовые, подкрасили дома и фонарные столбы. К слову напомним, что фонари тогда были масляными и, по меткому замечанию современника, освещали улицу «замечательно тускло».

13 сентября 1762 года Екатерина Алексеевна торжественно въехала в Москву, а 22 сентября состоялась церемония коронования. Сценарий праздника мало отличался от предыдущих. Кавалергарды охраняли двери Успенского соора, а на ступеньках трона стоял только Гендриков — единственный офицер Корпуса. «Вечером кремлевский дворец, колокольня Ивана Великого и весь город были роскошно иллюминированы. Чтобы посмотреть на иллюминацию, императрица выходила инкогнито на Красное крыльцо, но была узнана народом и радостно им приветствована». Так завершился этот день.

Двор прожил в Москве почти всю зиму. Такого обилия развлечений еще не бывало в старой столице: балы, спектакли, оперы, маскарады. Как правило, на все эти увеселения кавалергардам с семьями выдавали 36 приглашений для чинов, свободных от службы. Служба же в этот период не была обременительной. Вновь гвардейцы охраняли выставку регалий в Грановитой палате, сопровождали Екатерину в ее поездках и постоянно караул из капрала и девяти рядовых дежурил при комнате ее Величества во дворце.

Спустя некоторое время, уже в Петербурге, Екатерина возвращается к переустройству Кавалергардского корпуса, и его обмундированию, «которое бы и по наружному виду, и по богатству далеко превосходило бы все прочие войска, включая и саму гвардию, и вполне соответствовало бы назначению кавалергардов: быть избранною стражею при лице Императорском». 21 марта 1764 года она утвердила новые штаты Корпуса и принцип его комплектования. По штату полагалось иметь 1 шефа Корпуса, 1 поручика, 1 вахмистра, 4 капралов, 60 кавалергардов и 1 писаря. На службу теперь могли быть приняты только потомственные дворяне «собою не малорослые и о честном поведении имели б аттестат от своих командиров». Это стало правилом, но, конечно не без исключений. Подбор кавалергардов на свободные вакансии должен был вести шеф Корпуса, но фактически все кандидаты представлялись императрице и ее мнение становилось решающим.Требование внешней красоты в сочетании с высоким ростом предъявлялось кавалергардам почти до самого конца их существования.

Вскоре заново сформированный и одетый заботами И.Гендрикова Корпус был готов. Сам же граф попросился в отставку для приведения в порядок домашних дел. 25 марта 1765 года шефом корпуса стал Григорий Орлов, поручиком — его брат Алексей.

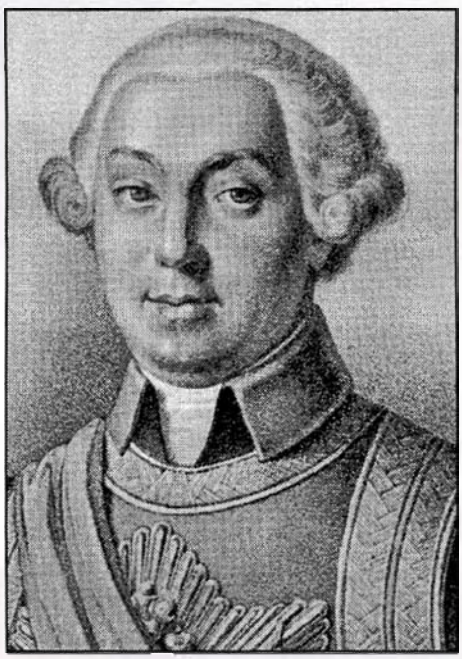
Орловы, безусловно,были выдающимися людьми своего времени. Из пяти братьев только старший Иван, отслужив солдатом в Преображенском полку, посвятил себя после смерти отца заботам об их общем имении, насчитывавшем около двух тысяч крепостных. Все остальные братья (по старшинству: Григорий, Алексей, Федор, Владимир) сделали блистательные карьеры. Владимир, вы-

пускник Лейпцигского университета, стал директором Российской академии наук. Федор, ветеран Семилетней войны, семеновец, активный организатор и участник переворота, впоследствии генерал-прокурор Сената, отличился и в сражениях во время плавания эскадры адмирала Спиридова в Средиземном море. Нас же сейчас интересуют братья-кавалергарды.

Оба мощного сложения и геркулесовой силы, умны и любвеобильны. Григорий дослужился до чина армейского капитана, сражаясь с присущими ему отвагой и хладнокровием на полях Пруссии. С 1760 года адъютант всесильного генерал-фельдцейхмейстера Петра Шувалова. Необузданный и мало заботящийся о последствиях своих поступков, Орлов отбивает у своего начальника любовницу — прелестную княгиню Елену Куракину и чуть было не отправляется обратно в армию.Тогда и происходит его сближение с Екатериной. Оба были без ума друг от друга. «Это было удивительное существо, у которого все хорошо, — напишет потом императрица об Орлове, — наружность, ум, сердце и душа... Высокий, стройный, он был самым красивейшим человеком своего времени.... доверчивый до неосторожности, щедрый до расточительности». Незадолго до переворота, 11 апреля у Екатерины родился сын, названный Алексеем Григорьевичем Бобринским. К этому времени Григорий сменил умершего П.Шувалова на его посту и получил возможность распоряжаться деньгами артиллерийского ведомства. Эти деньги позволили держать открытыми двери дома Орловых в Петербурге, где собиралось множество гвардейцев и где происходила вербовка сторонников Екатерины. В день переворота Григорий был пожалован камергером, награжден орденом св. Александра Невского, 22 сентября возведен в графское достоинство. Подарена была ему и злополучная мыза Ропша — то ли, как предупреждение на будущее, то ли, как легкий укор за содеянное его братом. Первое время Орлов надеялся на брак с императрицей, памятуя прецендент с А.Разумовским. Однако, осторожная Екатерина не спешила давать согласие. К Разумовскому же был направлен канцлер Воронцов с Указом о присвоении ему титула «высочества», как законному супругу Елизаветы Петровны. Но, живший уже на покое в знакомом и нам Аничковом дворце граф, не принял новую честь. Достав из ларца брачные документы, он бросил из в огонь со словами: «Я не был ничем более, как верным рабом ее величества... Теперь вы видете, что у меня нет никаких документов». Зная своего любимца, Екатерина сомневалась в его скромности в случае их брака и решила не рисковать. Орлов получил мягкий отказ.

У его брата Алексея не было столь грандиозных и честолюбивых планов. Сержант-преображенец, силой и ловкостью походивший на Григория, был главной движущей силой переворота. Екатерина ценила его ум, проницательность и непоколебимость в достижении цели. Подвести итоги его государственной деятельности, наверное, можно известной фразой: «прегрешивший в устранении Петра III, прославившийся Чесмой и опозорившийся Таракановой». Должность поручика кавалергардов не помешала ему разработать огромный план борьбы с Турцией и возглавить его осуществление. В конце 60-х годов Орлов отправляется в вояж по Европе, сколачивая военный и политический блок, вступает в командование русской Средиземноморской эскадрой. Наконец, 26 июня 1770 года вершина успеха: уничтожение турецкого флота в Чесменской бухте. Венец славы: почетная приставка к фамилии (Орлов-Чесменский) и орден св. Георгия 1-й степени.

Двумя годам позже в Париже объявилась Елизавета Владимирская (Тараканова), выдававшая себя за дочь Елизаветы Петровны и А.Разумовского и, следовательно, являвшаяся законной претенденткой на российский престол. Она написала письмо Орлову с предложением признать ее императрицей и повести эскадру на Петербург. Алексей запросил столицу и получил распоряжение изловить самозванку. Из встреча состоялась в Пизе. Елизавета (ее настоящее имя и происхождение установить так и не удалось) отличалась «быстрым умом, некоторым образованием, привлекательной наружностью и кокетством, позволяющими легко побеж-



Граф Г.Г.Орлов (1734-1783)

дать мужчин». В некоторой степени побежденным оказался и Орлов. Разыгрывая роль влюбленного, он увлек Елизавету и увлекся сам. С трудом ему удалось пересилить свои чувства и арестовать возлюбленную. Участь ее была печальна — она умерла в каземате Петропавловской крепости.

Тем временем кавалергардская служба шла своим чередом.Отсутствие офицеров на месте не сказывалось на дисциплине части. В этом отношении кавалергарды не были похожи на лейб-компанцев. Порядки установились строгие — за малейшее нарушение провинившийся отправлялся в ту часть, из которой он прибыл. Таких за все 34 года существования Корпуса при Екатерине набралось только 16 человек.

Основной обязанностью кавалергардов оставалась охрана императрицы. В Зимнем дворце одно из помещений, где располагался основной караул, получило название «кавалергардской комнаты». До нее мог дойти в приемные дни любой, «имеющий право носить шпагу». Далее пропускали только по списку, выдаваемому каждый раз караульным. За этой камнатой нахоилась Тронная, где тоже отсеивали часть посетителей, затем шла Бриллиантовая, далее — Уборная комната. Правом входа в нее пользовались только немногие «Ей известные персоны».

Во время особо торжественных приемов и аудиенций кавалергарды в полном составе выстраивались в зале шпалерами (шеренгами), образуя сверкающий коридор. В описании их обмундирования для таких случаев читаем: «парадная форма была: супервесты, палаши, ружья — все кованного серебра; на руках, на ногах, на сапогах — серебряные накладки, шлемы — серебряные с черными перьями. Это были совершенно серебряные латы, и надобно было выбирать молодцов, которые могли бы снести такую тяжесть....».

Более веселыми были дежурства во время вечеров в Эрмитаже или в Бриллиантовой комнате. «Быть приглашенным в Эрмитаж, — писал в своих воспоминаниях граф Рибопьер, — считалось в те времена великой честью. Это было преимущество, которым пользовались самые приближенные из придворных: но Государыня допускала иногда на Эрмитажные собрания, в виде редкого исключения, и посторонних... бывал бал с ужином, и число приглашенных доходило до 200 человек. Иногда приказывалось экспромтом быть маскараду: однородные костюмы для всего общества были всегда наготове. Играли в разные игры, в которых принимала иногда участие сама Государыня, окончив партию в карты. Почти всегда вечер начинался театральными представлениями».

Иногда кавалергардов использовали в качестве фельдъегерей для доставки важных депеш, иногда перепадали и совсем мелкие поручения, вроде «освидетельствования освещения» улиц по ночам.

Принимали участие кавалергарды и в маневрах войск под Красным Селом. Функции их и здесь, конечно, были прежние — они сопровождали Екатерину, неутомимо проводившую в седле порой целые дни. Любопытной особенностью маневров того времени было правило, запрещающее громить непобедимые русские войска и обеим сторонам дозволялось только «одерживать над противником легкую поверхность».

Русская армия тогда была действительно непобедимой. На весь мир гремели имена Румянцева и Суворова. Турция содрогалась под ударами могучих русских полков, очищавших Черноморское побережье, занимавших Крым и штурмовавших крепости на Дунае. Щедрой рукой награждала Екатерина своих генералов и офицеров. Существовавшая до тех пор система наград уже не соответствовала требованиям времени. Орден св. Андрея Первозванного по установившемуся порядку был высшей наградой империи и выдавался исключительно за выдающиеся заслуги или по политическим соображениям. Введенный в 1725 году орден св. Александра Невского тоже был предназначен для поощрения сановников и военных высокого ранга.

Очень удачным решением стало учреждение 26 наября 1769 года ордена св. великомученика и победоносца Георгия, четырех степеней. Строгий белый эмалевый крест присуждался только за храбрость и успехи на полях сражений. Наличие нескольких степеней позволяло награждать им даже младших офицеров и стимулировать стремление к высшей первой степени. Заметим, что достичь ее за все время существования ордена удалось только 13 полководцам. Георгиевские кавалеры пользовались всегда заслуженным уважением, оказываемым даже царями. Так, Екатерина однажды в день праздника св.Георгия очень плохо себя чувствовала. «Не угодно ли будет отменить прием кавалеров? — спросил кто-то из придворных. «Я скорее велю себя нести к ним а кровати, — ответила Екатерина, — нежели соглашусь огорчить тех людей, которые жертвовали жизнью, чтоб получить это отличие и снискать эту честь».

Вторым орденом, учрежденным в те годы, был орден святого равноапостольного князя Владимира и тоже четырех степеней. Задумывался он для поощрения чиновников государственной службы, но выдавался и военным за отличное исполнение своих обязанностей, как начальников. Примером может служить любопытное двойное награждение знаменитого флотоводца Федора Ушакова за поражение турецкой эскадры у острова Фидониси. Орден св. Владимира 3-й степени был пожалован ему за руководство боем, а св. Георгий 4-й степени — за личную храбрость в бою.

Желание поискать удачи в боях позвало некоторых кавалергардов в полки действующей армии. Перешли на Средиземноморскую эскадру Г.Меньшов и Г.Брюммер, где «во всех случаях в действии против неприятеля показывали себя мужественно». В.Шеньшин на Балтике «в сражении 6 июля со Шведским неприятельским флотом оказывал себя храбрым и расторопным». Места их в кавалергардском строю пустыми же не оставались.

Освобождались места и офицеров Корпуса.

2 декабря 1775 года ушел «навсегда от всякой службы» с чином полного генерала Алексей Орлов. Не прошла бесследно для него душевная травма от трагической истории с княжной Таракановой. Он поселился в Москве недалеко от Донского монастыря в Нескучном. Дань своему былому тщеславию от отдал, устроив по своему вкусу огромный сад. Как написано в старом путеводителе по Москве, «сад графа был... испещрен постройками в виде храмов, купален, беседок... Все памятники и постройки в саду напоминали подвиги и победы графа А.Г.Орлова-Чесменского». Еще полный сил (в 1776 году ему испольнилось всего 39 лет) граф активно занялся разведением лошадей. Вывезенные им в те годы для конезаводов жеребцы Салтан 1-й (из Турции) и Сметанка (из Аравии) стали родоначальниками знаменитых пород: русской верховой и орлово-ростопчинской.

Сошел со сцены и Григорий Орлов. Страсть и буйство в его жизни сменились тихим течением семейного быта после женитьбы его на своей двоюродной сестре Е.Н.Зиновьевой, сумевшей пробудить в необузданном великане нежное чувство.

Правда, роман их начался слишком бурно даже для тех времен. Современник едко заметил: «Говорят, что Орлов изсильничал... Зиновьеву, когда ей было 13 лет и служила она фрейлиной Екатерины». Во всяком случае жили они счастливо. К сожалению, уже в 1780 году она умерла в Лозанне от чахотки. На местном кладбище сохранился памятник, а тело же перевезли в Александро-Невскую лавру. К тому времени у Григория уже замечались признаки тяжелого душевного расстройства и братьям пришлось установить над ним опеку. В ночь на 13 апреля 1783 года он тихо скончался в Москве в доме Алексея.

С императрицей Орлов сохранял хорошие отношения до конца. В один из праздников он преподнес ей самый знаменитый подарок — алмаз «Орлов» весом 189,62 карата. По официальной версии он был куплен Григорием Григорьевичем у крупного армянского ювелира Лазарева, но мало кто знал, что большую часть суммы тайно оплатила Екатерина. Алмаз этот вделали в царский скипетр, который по сей день хранится в Алмазном фонде московского Кремля.

Князь Г.А.Потемкин (1739-1791)

Екатерина также хранила расположение к своему бывшему возлюбленному. Произведенному в поручики кавалергардов (на место А.Орлова) Григорию Потемкину, она писала: «только одного прошу не делать, не вредить и не стараться вредить в моих мыслях князю Орлову». Потемкин же стал стремительно взлетавшей звездой России. О светлейшем князе Григории Александровиче Потемкине-Таврическом мы имеем обширнейшую библиографию и здесь упомянем только несколько фрагментов его жизни.

Считается, что впервые Екатерина обратила внимание на него в день переворота. На ее шпаге отсутствовал темляк и лихо подскакавший к императрице вахмистр Конной гвардии передал ей свой. Привыкшая ходить в строю лошадь Потемкина не захотела осаживать назад и всадник никак не мог с нею справиться. Екатерина отметила для себя красивого гвардейца и на другой день он становится офицером, затем — камер-юнкером. В первую русско-турецкую войну 1768-1774 годов. Потемкин сражался под командованием Румянцева и «за оказанную храбрость и опытность в военных делах» произведен был в генерал-майоры. Взлет начался. Конечно, Потемкин был фаворитом императрицы, но достигнутому положению был обязан, в первую очередь, своей колоссальной энергии и мощнейшему интеллекту государственного деятеля. Талантливый адимнистратор, реформатор армии, политик, он сделал очень многое для России. Примером же нетривиальности его мышления может служить введенное им в ходе военной реформы 1786 года новое армейское обмундирование. И до него, и долго после, военный мундир неизменно отражал существующую гражданскую моду. Это явление было общим для всех стран. В России тогда бушевало роскошное барокко, причудливо проявляясь на гербах армейских знамен, в лепнине дворцовых покоев и пышности кавалергардских мундиров. Стройность русского классицизма еще только начинает складываться, этот стиль завоюет страну позже при Александре Первом. Как Потемкин. человек своего времени, сумел создать совершенно «вневременную форму, удобую и практичную», остается только догадываться. Подняться до его понимания полезности такого шага никто из современноков не смог, и эта форма исчезла с уходом ее автора Потемкина и его покровительницы Екатерины. В общем, величайший был человек и помянем мы его стихами Г.Державина:

Потемкин вождь,
бог — покровитель,
Твоя геройска грудь —
твой щит,
Честь — мзда твоя,
вселенна — зритель,
Потомство плесками гремит.

Поднявшись и по кавалергардской лестнице (он стал шефом Корпуса), Потемкин влиял на подбор своих офицеров. Дело это теперь становится государственной важности, поскольку стареющая императрица использовала их в качестве любовников, а те, в свою очередь, должны были поддерживать интересы их туда продвинувших групп.

В 1777 году корнетом кавалергардии становится Семен Зорич. Выходец из сербской шляхты был яркой личностью, хлебнувший уже приключений на своем веку. Отчаянный гусар повоевал с турками, командуя передовыми отрядами русской кавалерии. В одном из сражений он попал в кольцо турецких всадников и, отбиваясь, почувствовал, что силы его уже на исходе. Гибель была неминуема. У Зорича хватило смекалки закричать, указывая на себя: «Капудан-паша», т.е. «генерал». Это спасло ему жизнь. Захваченного «генерала» отвезли в Костантинополь, где «ум, важный вид, осанка и рассказы о его мужестве» дали ему возможность уцелеть до заключения мира и размена пленных. Этот случай принес ему орден св. Георгия 4-й степени. Красавца и храбреца Потемкин представил Екатерине и в кавалергардском Корпусе появился новый офицер. К сожалению, кончил Зорич плохо. Он вышел в отставку и

занялся основанным им в г. Шклове благородным училищем. Это заведение съело все его состояние и умер он в полной нищете в 1799 году. Заметим, что училище все же уцелело, было переведено в Москву и существовало до 1918 года под названием Первого московского кадетского корпуса.

Поручик кавалергардии Александр Дмитриев-Мамонов стал единственным из фаворитов, кто сильно тяготился своим положением и сам вырвался из него, женившись на княжне Дарье Шербатовой. Недовольство Екатерины было столь сильным, что с подошедшими под благословение молодыми «обоими приключился обморок». Рассудительные люди говорили, что Александру не стоило так рваться «на волю», вызывая гнев императрицы, тем более, что брак оказался несчастливым.

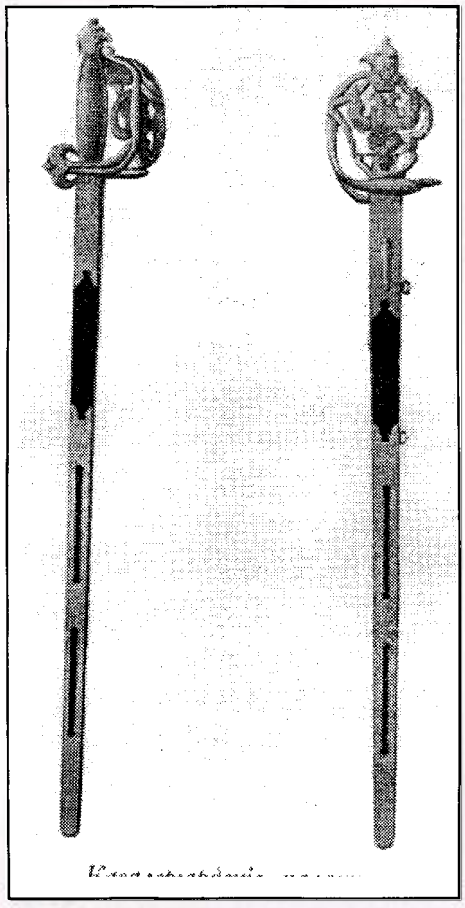
Последним из офицеров-кавалергардов, пользовавшихся вниманием императрицы и возглавившим Корпус после смерти Г.Потемкина в 1791 году, стал Платон Зубов. Общее мнение о нем выразил А.В.Суворов со свойственными ему лаконизмом и резкостью: «негодяй и болван». Действительно, в последние годы жизни Екатерина совсем утратила осмотрительность в амурных делах. Платон очень быстро сумел восстановить против себя многих своей подлостью и жадностью. Шеф кавалергардов еще долго был активен после смерти Екатерины и главный его «подвиг» пришелся на следующее царствование.

Вопрос о преемнике стоял и перед Екатериной. На первый взгляд ситуация была простой — великий князь Павел Петрович был единственным законным сыном императрицы и право наследования принадлежало ему. Однако, отношения матери с сыном давно стали напряженными.

В 1796 году Павлу исполнилось уже 42 года. Он мог бы простить матери способ, которым она пришла к власти, но то, что она не передала корону ему после его восемнадцатилетия — этого простить он не мог никогда. Вынужденный долгие годы жить в ожидании своего, как ему казалось, законного часа, Павел не воспринимал решительно ничего, создаваемого Екатериной.

Ему не нравилось организация армии, политическое устройство страны, внешняя политика, собственная незначительность, фавориты императрицы, в общем — все. Попытки хоть как-то участвовать в управлении страной или хотя бы влиять на него, оканчивались неудачей. Как обычно, в таких случаях, у наследника нашлись доброжелатели, подогревавшие его амбиции.

Великий князь был женат и имел уже достаточно взрослых детей. В первом браке ему не повезло. В 1773 году он женился на принцессе Вильгельмине Гессен-Дармштадтской, принявшей в православии имя Натальи Алексеевны. Ветреная любительница развлечений не слишком интересовалась Павлом, предпочитая ему красавца Андрея Разумовского — племянника елизаветинского мужа — кавалергарда. Через три года она умерла от родов и Павлу нашли в немецких землях новую жену — Софи-Доротею Вюртембергскую, ставшую Марией Федоровной. На этот раз все пошло благополучно и в 1777 году у них появился сын Александр, в 1779 — Константин. Воспитание мальчиков пошло под строгим присмотром Екатерины и со временем у нее развилась мысль назначить своим преемником старшего из них, минуя сына. Историческую аналогию она нашла в деле царевича Алексея при Петре I, понимая, что Павел не станет продолжателем ее дела.



Кавалергардские палаши, 1764-94 гг.

«Я вижу — писала она в 1783 году — в какие руки попадет империя после меня... Мне будет тяжело, если моя смерть, как смерть императрицы Елизаветы, повлечет за собой перемену политической системы России».

За два года до смерти Императрица выносит вопрос о наследнике на обсуждение своего Совета, но окончательное решение тогда было отложено на неопределенный срок. Тем не менее Екатерина внесла свое намерение передать власть Александру в завещание. Константина же она прочила на трон императора Византии. Объявление воли императрицы вроде бы намечалось на 24 ноября 1796 года (Екатеринин день) или на 1 января 1797 года. Намерению этому было не суждено осуществиться — 6 ноября Екатерина скоропостижно скончалась. После ее смерти часть документов исчезла, в том числе и последний вариант завещания. В сохранившемся тексте, датированном 1792 годом, о преемнике нет ни слова. Личная гвардия в нем упоминается: «Носить гроб кавалергардам, а не иному кому».

«Золотой век» Екатерины Великой закончился. Закончилась и еще одна глава из жизни кавалергардов.

КАВАЛЕРГАРДСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ

«Российское солнце погасло: Екатерина Великая во гробу, душою в небесах! Павел Первый воцарился. Никто не ожидал сей внезапной перемены. Короткое и славное Екатеринино царствование, тридцать четыре года продолжавшееся так успешно, что казалось, оно как бы какому благому и безсмертному божеству порученное, никогда не кончится. Страшная весть о смерти ее, не предупрежденная никакою угрожающею опасностию, вдруг разнеслась и поразила сперва столицу, а потом и всю обширную Россию» — так написал о тех днях современник. И весть эта поразила, в первую очередь, самого Павла.

Накануне печального события он находился у себя в любимой Гатчине. Неожиданный приезд Николая Зубова (брата кавалергарда Платона) встревожил наследника. Этот рослый и мрачный офицер всегда вызывал у Павла чувство страха. Не сразу он понял, что Екатерина находится без сознания и жизнь ее может оборваться в любую минуту. Надо спешить в Петербург.

Весь следующий день Павел прожил во дворце, полном взволнованными сановниками, среди которых находились оба Зубова, Александр Павлович и Алексей Орлов, проездом оказавшийся в столице. Поскольку состояние императрицы было признано безнадежным, Павел с графом А.Безбородко занялся ее бумагами. Тогда и исчезло ее завещание. Впрочем, этот факт (как и вообще существование документа) оспаривается рядом исследователей и поныне.

В 12 час 45 минут главный лейб-медик Роджерсон объявил, что императрица скончалась. Еще через два часа в дворцовой церкви все присутствовавшие присягали новому императору. Мрачно взирали часовые-кавалергарды на все происходящее. Они понимали, что Павел не допустит существования рядом с собой отборного отряда, воспитанного Екатериной. Но в любом случае честь проводить в последний путь императрицу принадлежала им.

Печальный обряд этот потряс петербуржцев. Павел решил «восстановить справедливость» — короновать останки Петра III и похоронить его заново уже в Петропавловском соборе. Тело Петра торжественно вынули из могилы, переложили в новый гроб и перевезли в Зимний дворец. Там и произошла это жуткая церемония коронации трупа. Заметим, что корону (ради этого случая регалии специально были привезены из Москвы под эскортом кавалергардов) по приказу Павла нес Алексей Орлов. Если император надеялся увидеть смятение Орлова,то цели он не достиг — ничто не заставило старого воина потерять самообладание. После завершения траурных торжеств граф покинул Россию. Вернется он только к императору Александру.

В траурном зале Зимнего дворца на специальном катафалке поставили оба гроба. «Государыня лежала в открытом гробе с короной на голове, — читаем мы в воспоминаниях В.Н.Головиной, — Тело было покрыто Императорской порфирою, вокруг было поставлено 6 подсвечников... На ступенях

Кавалергардские шишаки, 1797 г.

Кавалергардские каски, 1799 г.

катафалка стояли кавалергарды, печально опершись на свои карабины. Зрелище было прекрасное, умилительное и величественное». 18 декабря 1796 года состоялись похороны царственной четы в Петропавловском соборе.

Уже на следующий день Павел объявил, что служба старого состава кавалергардского Корпуса считается законченной, он повышает каждого чином и дает возможность выбрать себе новое место службы.

Приказ о формировании нового состава Корпуса был объявлен еще раньше — 11 ноября. В нем говорилось и о назначении шефом графа Валентина Мусина-Пушкина, вместо П.Зубова. Интересно, что впервые командовать кавалергардами назначили политически нейтрального и слабовольного человека. Граф честно служил Екатерине, добрался до чина генерал-аншефа, участвовал во многих военных кампаниях, где заработал даже орден св. Георгия 3-й степени, но оставался нерешительным и слабохарактерным.

Сначала численность нового кавалергардского формирования была определена в один эскадрон, но 31 декабря появилось распоряжение «из всех полков гвардии отослать... 500 унтер-офицеров для составления вновь (т.е. еще) двух эскадронов». Вообще логика, которой руководствовался Павел, создавая довольно крупную кавалергардскую часть, не совсем понятна. У него уже была собрана личная гвардия, так называемые «гатчинцы». Будучи еще великим князем, Павел имел почетные должности генерал-адмирала флота и шефа кирасирского полка. Пользуясь соответствующими этим должностям правами, он перевел в свою любимую Гатчину батальон морских солдат и эскадрон кирасир. Затем эти подразделения были разбиты на мелкие отряды и названы именами полков русской гвардии. Мундиры для них Павел разработал по своему разумению, но в основу положил прусские образцы времен Фридриха II. Порядки в этих частях тоже был фридриховские: муштра, мордобой, грубость и парадность. Любовь наследника к такому укладу службы кажется удивительной. Ведь в те времена русская армия, как правило, обходилась внутри себя без грубого произвола и насилия. Наиболее вероятным кажется предположение, что Павел компенсировал этим слабость своего положения, организуя хоть маленькую, но свою систему, в которой существовало безоговорочное подчинение ему сверху донизу и непослушание каралось незамедлительно.

Соответственно задаче были подобраны в Гатчину офицеры. «...что это были за офицеры! — напишет в свои воспоминаниях конногвардеец Н.Саблуков, при встрече с ними, — Что за странные лица! Какие манеры! И как странно они говорили! Это были по большей части малороссы. Легко представить себе впечатление, которое произвели эти грубые бурбоны на общество, состоявшее из 132 офицеров, принадлежавших к лучшим семьям русского дворянства». Говоря о 132 офицерах, Саблуков имеет в виду офицеров Конногвардейского полка, которым очень скоро пришось служить вместе с этими людьми. Еще более резок в оценке Вигель: «Гатчинские офицеры были бродяги, выгнанные за разные гнусности из армии, которые, не имея пристанища, рады были все переносить из-за куска хлеба. Гатчинская армия не помещала ни одного офицера, который бы помышлял о чести; им нередко придают охоту к службе палкой».

Уже 8 ноября гатчинские войска вошли в Петербург. Во главе «преображенцев» ехал сам Павел, а «семеновцами» и «измайловцами» командовали его сыновья. Эти гатчинские отряды были затем влиты в соответствующие полки гвардии, а офицеры зачислены в них «чин в чин». Напомним, что гвардия имела преимущество в два чина перед армейскими частями и при переводе человека из одной категории в другую эта разница учитывалась. Здесь же Павел своим решением как бы подарил два чина каждому офицеру-гатчинцу. Кроме того, он разбавил сплоченные старые полки своими вымуштрованными подразделениями, внеся в них чуждый прусский дух. Смысл же формирования многочисленной кавалердгардской части, по-видимому, заключался в попытке создать для молодых дворян своеобразную школу кавалерийских офицеров.

3 января 1797 года состоялась «прибивка» трех новых штандартов Кавалергардских эскадронов. Вообще эта церемония в русской армии во все времена обставлялась с большой торжественностью. Павел придал ей еще большую значимость. Дело в том, что в предыдущие царствования знамена являлись, по сути, обычным табельным имуществом части, имеющим определенный срок использования. Павел отменил выдачу знамен на краткие табельные сроки наравне с прочими предметами вещевого довольствия, установил неотъемлемость знамен, их освящение и специальный церемониал выдачи. Прибивка кавалергардских штандартов происходила в Зимнем дворце. Полотнища к древкам прибивали поочередно сам император, Мария Федоровна, великие князья и княгини и «многие знатные персоны».

26 января бывший Кавалергардский корпус получил название «Кавалергардских эскадронов» и соответствующий штат, по которому в нем должен был находиться: 1 шеф, 1 «штаб» (заместитель), 3 эскадронных командира, 19 субалтерн-офицеров, 3 вахмистра, 3 штандарт-юнкера, 54 унтер-офицеров, 600 кавалергардов, 420 прочих чинов, всего 1103 человека.

Только лейб-эскадрон кавалергардов принял участие в коронационных торжествах в Москве. В отличие от своих предшественников, Павел не счел нужным расходовать значительные средства на устройство пышных торжеств. Сама церемония прошла по обычному распорядку. Вновь четыре офицера с обнаженными шпагами стояли на ступеньках трона, вновь кавалергардские караулы охраняли двери собора и весь эскадрон в пешем строю сопровождал императорскую чету в шествии по Кремлю. Одно отличие в церемонии мы все же отметим: Павел стал первым, короновавшимся вместе с императрицей. Корону на голову Марии Федоровны возложил он сам.

В тот же день 5 апреля был объявлен манифест о порядке наследования престола. Возвращалось отмененное Петром I правило перехода власти от отца к сыну. С этого момента возвращенное правило никогда не менялось. Решение, принятое Павлом, было вполне оправданным — имея уже трех сыновей (в 1796 году родился Николай), он обеспечил передачу власти по мужской линии в рамках своей семьи.

Вторым важным документом того дня стал «Статут четырех орденов». В нем отсутствовали два ордена: Георгия и Владимира, но появился орден св. Анны. Первые два пострадали; как напоминавшие о нелюбимых екатерининских временах, а последний был памятью об отце. Строго говоря, орден этот не был русским. Его ввел у себя в Голштинии герцог Карл-Фридрих в честь своей жены Анны Петровны, дочери Петра I. Их сын Петр III перенес его с собой в Россию, но государственным орденом он еще не стал. Екатерина тоже изредка награждала им. Теперь же орден св. Анны вошел в число российских наград официально и на общих основаниях. Он имел три степени. Две старших носились, как и другие ордена на одежде, а третья в виде маленького красного крестика прикреплялась к оружию. День коронации Павел от-

метил никем не превзойденным количеством награждений — чины и ордена получили 600 человек.

После возвращения лейб-эскадрона в столицу, командование кавалергардами поручается маркизу д'Отишану. Трудно и необычно сложилась судьба этого человека. Начало его военной карьеры было вполне удачным — под знаменами своего короля он водил драгунский полк в сражениях Семилетней войны. Революция во Франции заставила его, как и тысячи дворян-эмигрантов, колесить по дорогам Европы, предлагая свой опыт, честь и шпагу. Судьба занесла его в Россию. По одной из версий маркиза пригласил Павел, с которым он познакомился еще в 1770 году. По другой, он прибыл в Петерург сам с намерением поступить на службу, но был вынужден заняться изготовлением «эластических калош». Калоши выходили симпатичными, появились заказчики среди придворных и в конце концов с маркизом познакомился и Павел. Так, или иначе, но д'Отишан принял кавалергардские эскадроны под свою опеку. Прекрасный кавалерист и настоящий аристократ, д'Отишан должен был создать из своих подопечных отличную часть. К

Граф Ю.П.Литта (1763-1839)

сожалению, он встретился с трудностями, на преодоление которых требовалось время.

Состав кавалергардов оказался далеко не идеальным. Понятно. что командиры полков, получив приказ об откомандировании людей, в первую очередь постарались избавиться от худших. Кроме того, в рядах оказались немало бывших гатчинцев, отличавшихся дурным поведением. Так, Иван Смердов «ночью, разломав замок в комнате, где хранятся принадлежащие к обозу вещи, ободрал с двух вьючных попон позумент, а одну из них похитил, а выжигу продал за 5 рублей; потерял карабин и шпоры, продал казенные вещи: фуфайку, перчатки, с ташки позумент, шляпу, сакву и чемодан, всего на 128 рублей 40 копеек». При Павле такие «подвиги» карались жестоко. Смердова приговорили к повешению. Однако потом ограничились лишением дворянства и переводом в Тобольский гарнизонный полк навечно в солдаты.

Воспитание всей этой братии требовалось вести мягко, отказавшись от привычных средств. В приказе на эту тему говорилось; чтобы офицеры «не осмеливались унтерофицеров и рядовых штрафовать палкою, также грубыми или бранными словаими, а обходились с ними ласково и вежливо, как должно с благородными людьми». Положение осложнялось тем, что маркиз не говорил по-русски, а французского языка, практически никто из кавалергардов не понимал.

Плохо обстояли дела и с конским составом — на эскадрон приходилось всего по 35-40 строевых лошадей.

Видя все это и под влиянием Аракчеева, который сразу невзлюбил аристократа д'Отишана, нетерпеливый Павел решил совсем отказаться от своей затеи с кавалергардами. В сентябре их количество было сокращено до одного эскадрона, а 1 декабря 1797 года «Кавалергардские эскадроны» прекратили свое существоание.

Их бывшего командира сначала перевели на должность инспектора Украинской кавалерии, в 1799 году убрали в отставку с чином генерала-от-кавалерии. На некоторое время д'Отишан появляется на службе при Александре I, но, в основном, до 1815 года живет в своем имении на Волыни. После реставрации Бурбонов во Франции маркиз возвращается на родину. С 1818 года он комендант Лувра. Последний раз он сумел отличиться уже в возрасте 92 лет в дни Июльской революции 1830 года. Отчаянный старик, сидя в кресле на галерее дворца (ходить он не мог из-за подагры), поднял гарнизон на оборону от революционеров, был ранен, но продержался сутки. Единственный сын д'Отишана также послужил России — полковник Преображенского полка Эдмонд Валлеро погиб в 1805 году в сражении под Аустерлицем. Второе рождение кавалергардов при Павле связано с Мальтийским орденом. Впервые дипломатические отношения с мальтийскими рыцарями. Россия установила при Петре I. Долгое время они поддерживались на уровне обмена редкими посольствами. Действия Средиземноморской эскадры при Екатерине II сделали отношение более близкими — русские морские офицеры даже проходили стажировку на кораблях флота Мальты. Французская республика конфисковала на своей территории владения ордена св. Иоанна Иерусалимского (так официально называли мальтийских рыцарей) и под угрозой захвата оказался сам остров. Зная ненависть Павла к революции, орден с надеждой обратился к России. В 1797 году Павел учреждает «Российское Великое Приорство» ордена и принимает титул Протектора Ордена. Это не помешало Наполеону по пути в Египет 18 января 1798 года без боя захватить Мальту. Ненависть Павла к Наполеону возросла еще больше и Мальта был объявлена находящейся под защитой России. Российское приорство с согласия папы римского избрало Павла Великим Магистром ордена. 29 ноября 1798 года в Зимнем дворце состоялась церемония вручения новому Магистру золотой короны ордена и древнего меча иоаннитов.

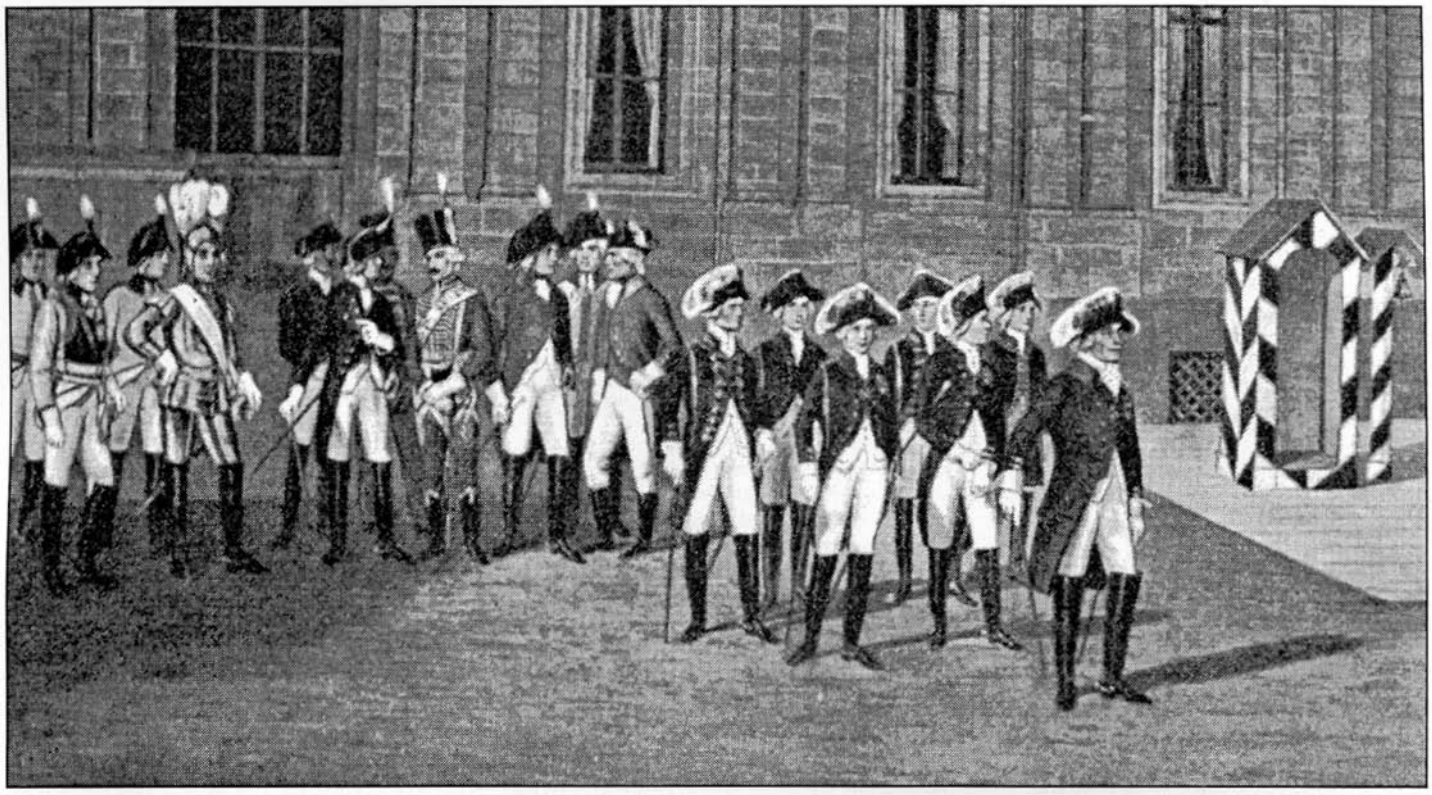
Павел всерьез увлекся рыцарской идеей возрождения ордена. «Его... сердце уже веровало, что вот скоро около него соберется

Офицер и унтер-офицер Кавалергардского корпуса, 1799-1800 гг.

все дворянство Европы, все талантливое, благородное, нравственное и любящее порядок и законность окружит его, и он... во главе своей верной и преданной армии пойдет крестовым походом против ненавистной революции, восстановит ниспроверженные монархии, водворит нравственность и законность и, увенчанный лаврами и усыпанный благословениями от всех монархов, будет управлять судьбами Европы» — так видел он свое будущее. Идея. конечно, очень красивая, но абсолютно нереальная.

Белый мальтийский крест стал самым популярным символом. В сиситему российских орденов вошел орден св. Иоанны Иерусалимского, изображение восьмиконечного креста появляется на груди орла в государственном гербе России, в несколько стилизованном виде на полковых знаменах и на кавалергардских супервестах. Да, 8 января 1799 года вновь был учрежден Кавалергардский корпус. На этот раз он создавался, как гвардия Великого Магистра и шефом его стал граф Юлий Помпеевич Литта. Представитель знатнейшего итальянского аристократического рода, мальтийской рыцарь, граф, как опытный боевой моряк, был приглашен Екатериной II для «содействия в переформировании флота на Балтийском море». Он сумел отличиться в боевых действиях против шведов и наградой ему стали чин контр-адмирала, орден св. Георгия 3-й степени и золотая шпага. Литта возвращается в Италию, но вскоре вновь появляется в Петербурге уже в качестве посла ордена в России, и в сознании русского императора. Теперь же он становится шефом гвардии Магистра. Однако, изменчивой была фортуна в те времена и, чем-то разгневавший Павла кавалергард уже через три месяца отправлен в отставку и выслан из столицы. Принявший русское подданство, Литта останется в Росии, будет обласкан Александром I, щедро награжден Николаем I и скончается лишь в 1839 году в Петербурге.

6 апреля 1799 года Кавалергардский корпус был полностью укомплектован согласс-



Выход императора Павла I со свитой у Гатчинского дворца. Слева — группа кавалергардов

но своим штатам: 2 генерала, 5 офицеров, 9 унтер-офицеров, 75 кавалергардов, 1 литаврщик, 4 трубача. Все чины дворянского происхождения, все, кроме рядовых, рыцари мальтийского ордена. Помимо обычной придворной службы, кавалергарды теперь участвуют и в орденских праздниках, строго отслеживаемых Павлом. Так, с древних времен, когда монашеский орден содержал в Палестине странноприимные дома для паломников, утвердился обычай в определенный день сжигать на кострах пришедшее в негодность белье. Обычай этот стал обрядом, праздником ордена и стал отмечаться накануне Иванова дня 23 июня. Заметим, что Иванов день — праздник рождества св. Иоанна Предтечи, издревле отмечали на Руси. Сейчас он известен нам, в основном, своей знаменитой ночью, сохранившей поверья еще язычкской поры. В эту ночь наши предки разжигали костры и прыгали через них, очищаясь в огне, купались в воде и росе, искали цветы чудодейственной «разрыв-травы» и папоротника.

Отмечали этот праздник и в 1799 году в Павловске, но, разумеется, как орденский. На плацу разложили 9 больших костров, во-круг были выстроены войска. Все бывшие в наличие мальтийские рыцари образовали колонну, которую замыкал Павел в полном облачении Магистра. Его сопровождали оруженосец Кутайсов и новый шеф Кавалергардов В.Долгоруков с обнаженным палашом. Шествие трижды обошло костры, которые затем были зажжены. Такая же церемония была проведена на следующий день в Петербурге. По запискам Г.Реймерса «...намазанные нефтью и скипидаром и наполненные внутри горючими веществами, костры быстро вспыхнули ярким пламенем. Клубы дыма живописно поднялись и вились в воздухе, представляя красивый вид при ясном вечере. По сторонам... стояли сотни зрителей... на улице... толпились тысячи народа. Все вместе представляло весьма любопытную картину».

с 9 августа 1799 года развитие кавалергардского корпуса пошло на новый виток. Его шефом назначается генерал-адъютант Федор Петрович Уваров с указанием увеличить состав части вновь до трех эскадронов. К личности самого шефа мы вернемся чуть позже, а пока он спешно набирает в эскадроны унтер-офицеров дворянского происхождения из разных полков. Осенью этого года работы у кавалергардов было много. Состоялись обручения и свадьбы великих княжон Елены и Александры, отмечались праздники русских орденов, давались аудиенции, шли вечера и спектакли в Эрмитаже — везде присутствовала личная гвардия императора.

Судя по документам, Павел был доволен службой своих гвардейцев. Однако, 11 января 1800 года последовал приказ о переформировании копуса в трехэскадронный гвардейский кавалерийский полк на общих для гвардии основаниях, т.е. без преимущества состоять исключительно из дворян. Их новое положение, сохранившееся до самого конца существования кавалергардов, четко определил русский историк А.В.Висковатов: «С этих пор назначение кавалергардов изменилось противу первоначальной их цели и они поступили в общий состав войск, удержав однако-же первое место а ряду кавалерийских полков и сохранив Петром Великим дарованное им высокое преимущество: иметь из среды своих офицеров стражу у трона при священном венчании на царство Российских Монархов».

Трудно точно сказать, что послужило причиной такого решения. Скорее всего, его вызвало желание Константина Павловича и Ф.Уварова получить под свою команду по гвардейскомц полку, а в наличии был только один такой полк — Конногвардейский. Здесь надо пояснить, почему желание какого-то Уварова стало предметом заботы императора. Еще во время коронационных торжеств в Москве Павел обратил внимание на двух молодых красавиц: Анну и Екатерину Лопухиных. В 1798 году снова в Москве на одном из балов император уже хорошо рассмотрел младшую из них — пухленькую, с чудесными темными волосами и тонкими, удивительно красивыми чертами лица шестнадцатилетнюю Анну. Через несколько дней все было решено — семья Лопухиных перебирается в Петербург, а вместе с нею и давний любовник мачехи сестер полковник Екатеринославского кирасирского полка Уваров. С этого момента и начался взлет доселе ничем особым не выделявшегося офицера. Павел был без ума от Анны и выполнял все ее прихоти. Как курьез, отметим случай проявления его собственной инициативы в прославлении своей подруги. В том же году полки русской армии получают знамена и штандарты, на полотнищах которых с одной стороны шла надпись «Благодать». Скрытый смысл этой надписи был тогда понятен всем. Как она была воспринята в войсках, образно определил офицер-преображенец С.Марин, по иронии судьбы оказавшийся потом начальником внутреннего караула в Михайловском замке в роковую для Павла ночь 11

марта 1800 года и написавший меткое стихотворение:

Могу ли тайну ту понять,
Что Анна греческа по-русски
Святая значит Благодать?
Могли ли руки твои дерзки
Украсить шапки гренадерски,
Знамена, флаги кораблей,
Любезной имени твоей?

Таким образом, благодаря мощной протекции, Уваров быстро растет в чинах и, наконец, получает право сформировать себе полк. Справедливости ради стоит заметить, что сражений на своем веку он видел не мало и из него получился боевой генерал и хороший командир.

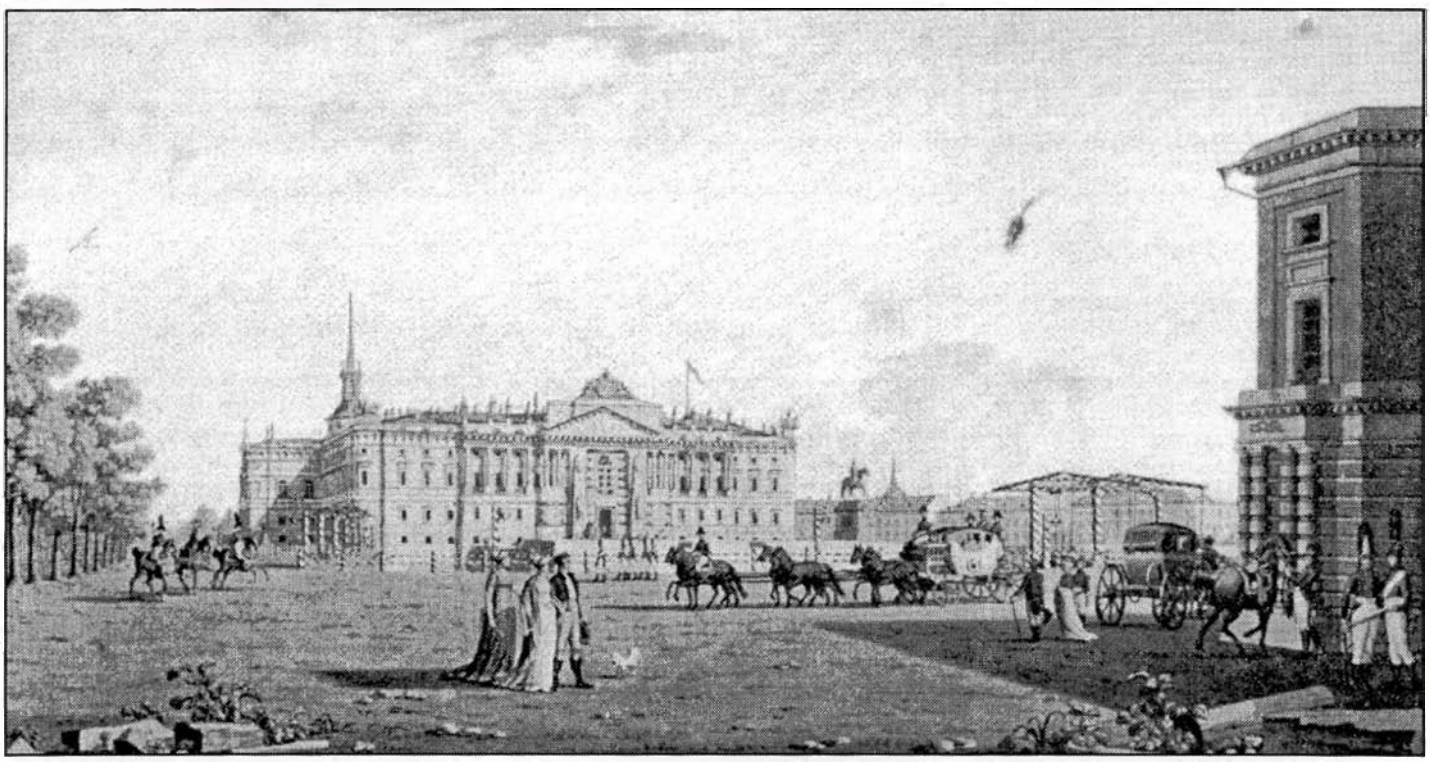
Старый состав кавалергардов, как было принято, получил право разойтись по новым местам службы по-своему выбору, и часть людей этим правом воспользовалась.Что касается Магистра мальтийского ордена, то он таким образом лишился своей гвардии, а сам орден в России после смерти Павла заглох. Петербургский дом его отошел в казну, корона и меч отправились в Оружейную палату.

Новый состав кавалергардского полка был сформирован просто и без затей. В Царском селе выстроился Конногвардейский полк в полном составе и Павел сам отобрал из него 7 унтер-офицеров, 5 музыкантов, 249 рядовых и 245 лошадей. Оставшиеся в полку люди были разделены на пять эскадронов и поступили под командование Константина Павловича. Отобранные люди пополнили остатки старых кавалергардов и Уваров составил из них Кавалергардский трехэскадронный полк. Штат полка, утвержденный 15 мая 1800 года, включал в себя 24 офицера (шеф, 3 полковника, 3 ротмистра, 3 штабс-ротмистра, 6 поручиков, 8 корнетов), 42 унтерофицера, 7 трубачей, 384 кавалергардов и 116 нестроевых. Всего 572 человек. 22 июля полк получил новые штандарты, под которыми в будущем ему предстояло пройти все сражения с наполеоновскими войсками.

Характер службы кавалергардов, естественно, изменился. К ним теперь предъявлялись требования, как к обычному кирасирскому полку. Обучение людей велось по новым уставам и правилам, разработанным Павлом. В них особое внимание уделялось одиночной подготовке содата. Требование абсолютной точности движений в пехоте не распространялось на кавалеристов. Тяжелая кираса, длинный палаш и карабин делали кирасир довольно неуклюжими и правила говорили, что «обучение рекрута пешему строю только для того нужно, дабы оный научился через то держаться прямо и быть расторопным». Зато на лошади он должен был держаться уверенно, уметь действовать палашом, стрелять из карабина и пистолета, соблюдать свое место в шеренге на любом аллюре. Правда, единой школы верховой езды не существовало, учились этому искусству в разных полках по своему разумению и всадников, обладающих возможностями кентавров, было еще мало. Существенно улучшился конский состав — стали заметны результаты многолетней деятельности русских конных заводов. В целом кавалерия при Павле усилилась по всем показателям и были заложены основы ее высокой боеспособности, проверенной в грядущих сражениях.

Не всегда, но довольно часто, кавалергарды участвовали в знаменитых павловских вахт-парадах, которые были ничем иным, как разводом выделенных для несения караульной службы подразделений от разных полков гарнизона. Это действие проводилось в русской армии на протяжении многих десятилетий и, конечно, в измененном виде, существует в частях и по сей день. Павел такую церемонию проводил неукоснительно каждое утро в 9 часов, независимо от погоды и своего местопребывания. Часто перед началом шло строевое учение, на котором проверялось качество подготовки солдат и офицеров, затем следовал парад и оглашались новые приказы. Дошедшую до нас печальную известность эти вахт-парады приобрели из-за особо на них проявлявшейся несдержанности Павла. Нередко, упущения по службе, отмеченные императором, имели серьезные последствия для провинившихся. Как писал полковник-конногвардеец Н.Саблуков: «...офицеры прямо с парада отсылались в другие полки и на весьма большие расстояния. Это случалось настолько часто, что у нас вошло в обычай, будучи в карауле, класть за пазуху денег в случае внезапной ссылки. Мне лично пришлось три раза давать взаймы деньги товарищам, которые забыли принять эту предосторожность», Впрочем, в то же время бывали и поощрения офицеров за точно выполненные эволюции или за удачный ответ. Среди кавалергардов ни серьезно пострадавших во время вахт-парадов, ни особо награжденных, не оказалось.

В несении дворцовой службы кавалергарды теперь участвовали даже реже, чем



Воспоминания о трагической смерти отца и неуверенность в любви своих подданных навели Павла на мысль о постройке укрепленного замка, в котором он смог бы чувствовать себя в безопасности. Замок был заложен в феврале 1797 года и строительство его пошло невиданными по тем временам темпами: круглосуточно на нем было занято до трех тысяч человек. Массивные стены сооружения дополнительно защищались водой — с двух сторон протекали Фонтанка и Мойка, а еще с двух прорыли рвы. Как только постройка закончилась «государь покинул Зимний дворец для того, чтобы запереться в толстых, сырых и вечно мокрых стенах этого нового дворца», взяв с собой всю свою семью. Прожить в этом замке Павлу удалось только 40 дней

Кавалергард. 1724–1731 гг.

Кавалергард времен Петра II.

Кавалергард и офицер Елизаветы Петровны.

Гренадер Лейб–Компании. 1742–1762 гг.

Офицер и сержант Лейб–Компании. 1742–1762 гг.

Барабанщик Лейб–Компании. 1742–1762 гг.

Унтер–офицер и офицер Кавалергардского корпуса. 1764–1796 гг.

Кавалергардский офицер во вседневной форме. 1764–1796 гг.

Кавалергарды, унтер–офицер, офицер и трубач. 1799–1800 гг.

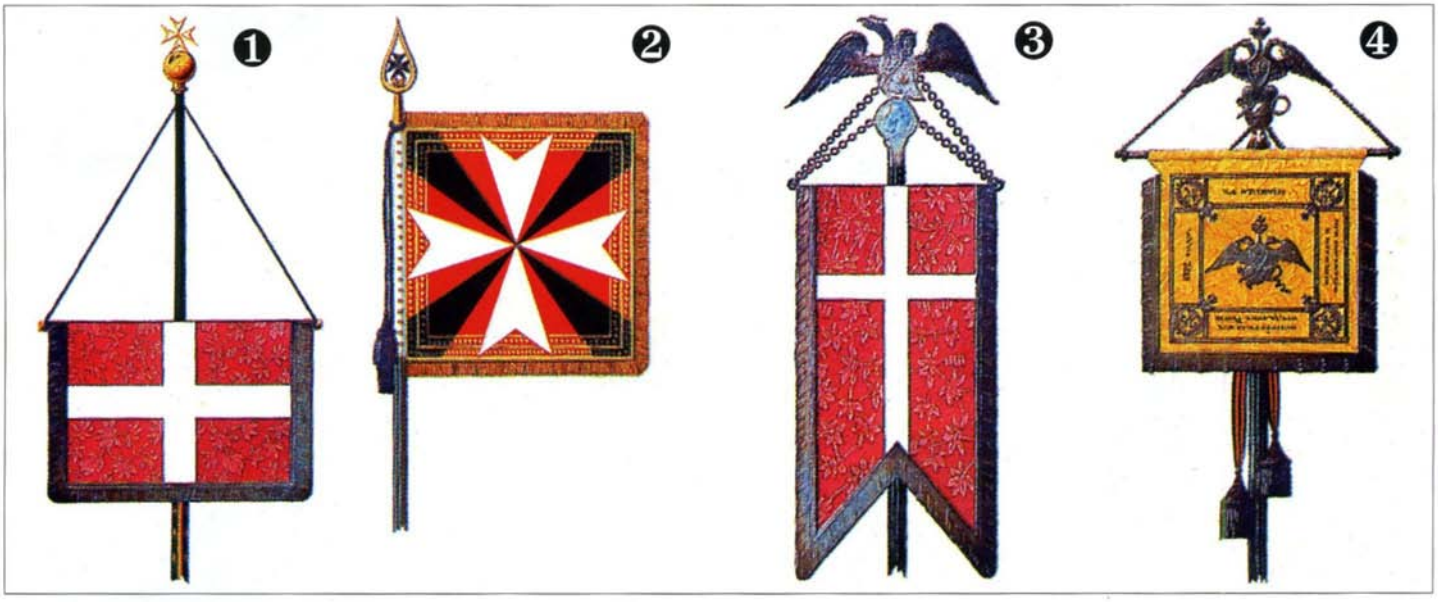
Офицер, трубач и унтер–офицер Кавалергардского корпуса. 1799–1800 гг.

Унтер–офицер Кавалергардских эскадронов. 1797 г.

Трубач Кавалергардских эскадронов. 1797 г.

Офицер Кавалергардских эскадронов. 1797 г.

Рядовой Кавалергардского полка. 1800–1801 гг.



❶–❷ Штандарты Кавалергардского корпуса. 1799 г.
❸ Штандарт Кавалергардского полка. 1800 г.
❹ Штандарт Кавалергардского полка. 1813 г.

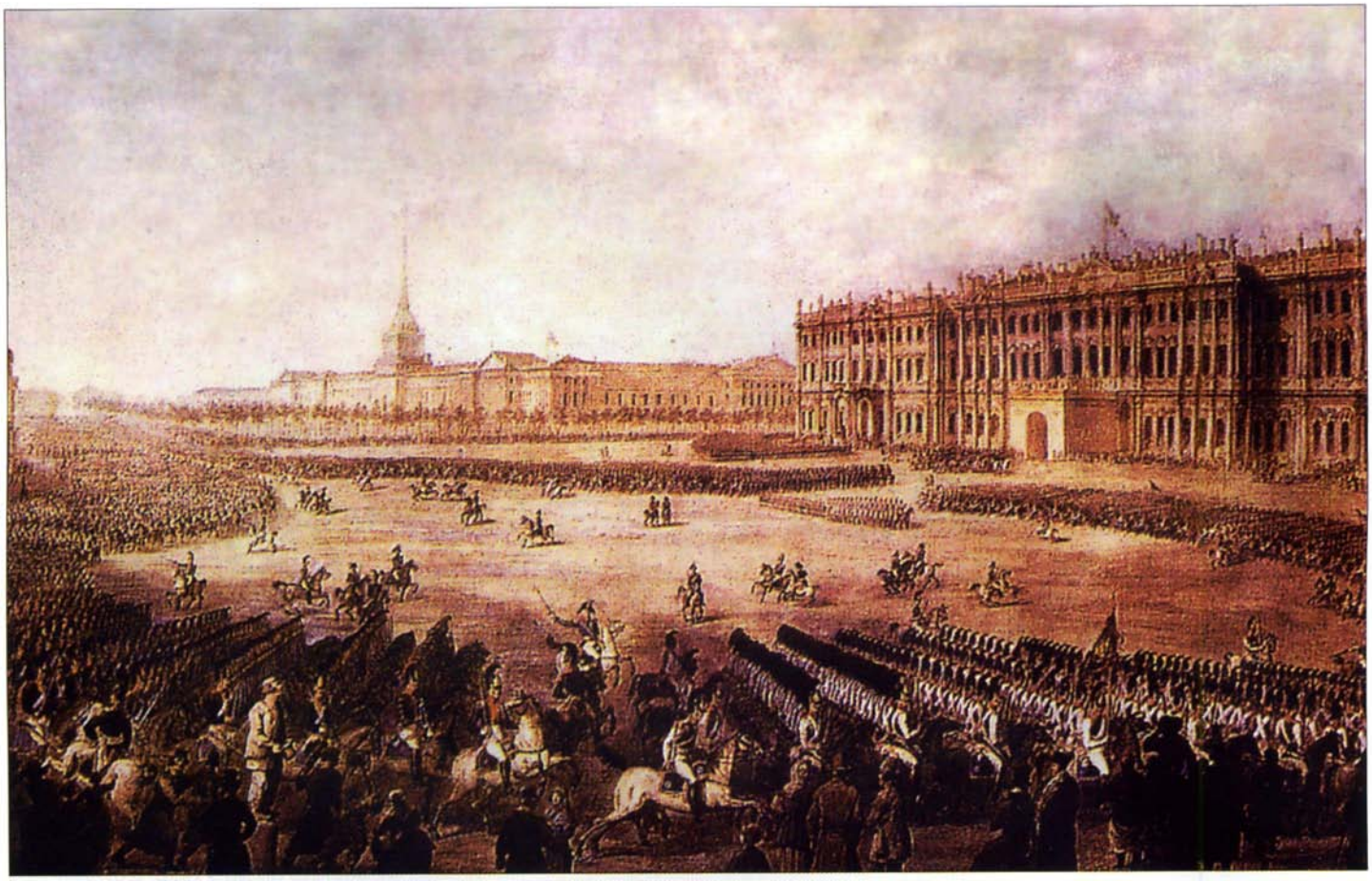
“Пленные кавалергарды под Аустерлицем”.
В плен в этом сражении попало 8 раненых офицеров полка. На картине художника Жерарда изображен князь Репнин, а за ним еще несколько офицеров, что является некоторым преувеличением т.к. Репнин был ранен в голову и грудь и вряд ли мог так свободно держаться на лошади без посторонней помощи.

Противниками кавалергардов под Аустерлицем оказались гвардейские конные егеря, мамелюки и конногренадеры. Рота мамелюков имела в своем составе около сотни всадников, среди которых, кроме сирийских и египетских арабов и коптов, находились армяне, грузины, греки, турки и французы. Носили они восточный костюм: каук с чалмой, расшитую рубашку “ялек”, куртку-безрукавку, широкие шаровары. Конные егеря походили на наших гусар, но более рослые, ростом не менее 1,7 м.

Атака кавалергардов под Бородино.

Рядовой кавалергард. 1804–1806 гг.

Рядовой кавалергард. 1812–1820 гг.



Празднование победы над Наполеоном в Петербурге. 1816 г.

Обер-офицеры Кавалергардского полка. 1804–1806 гг.

Унтер-офицеры Кавалергардского, Конного и Л-гв. Кирасирского полков. 1814–1820 гг.

другие гвардейские полки. За ними остались внутренние караулы во время эрмитажных спектаклей, офицеры часто наряжались сопровождать Павла во время торжественных «выходов Его императорского величества». Кроме того, требовалось присутствие всех офицеров полка в придворной церкви на обедне по воскресеньям и праздникам. Заметим, что от столь частого участия в богослужениях во дворце гвардейские офицеры (не только кавалергарды) под различными предлогами отлынивали. В охране дворца и императорских покоев кавалергары теперь не участвовали, Павел предпочитал иметь обычные внутренние караулы главным образом из полков пешей гвардии. Вряд ли кавалергарды спасли бы жизнь императору в ночь 11 марта, но упразднение личной охраны задачу заговорщикам упростило.

Что же привело к столь трагичному для Павла концу его царствования? Прежде всего надо забыть о привычном стереотипе императора-безумца с неконтролируемыми поступками. Внимательный анализ его деятельности говорит о том, что Павел последовательно проводил свою политику. Основным направлением ее была идея централизации власти. Конечно, преобразования, проводимые им в это время, затрагивали все стороны жизни государства и здесь мы не можем подробно рассмотреть их динамику. Отметим лишь огромную интенсивность изменений — в среднем за месяц Павел издавал около 42 законодательных актов. Для сравнения вспомним, что этот показатель в период от смерти Петра I до начала царствования Екатерины II равнялся 21, а при Екатерине — 12.

Принципиальным изменениям подверглись порядки в армии. Надо сказать, что многие постановления Павла носили, безусловно, полезный характер. Так была запрещена практика записи малолетних дворян в полки, уволены числящиеся при полках и находящиеся в бессрочных отпусках офицеры. Эта мера сократила только в одном конногвардейском полку 1541 «мертвую офицерскую душу». Усилились в армии дисциплина и ответственность, отмеченно существенное улучшение материальной части артиллерии и многое другое. Павел сумел завоевать симпатии солдат, улучшив их обеспечение (в прежних размерах красть в полках принадлежавшее солдатам стали бояться) и, практически уравняв их в наказаниях с офицерами. Но были причины, породившие недовольство, были и пострадвшие от действий императора. Наиболее ущемленной в правах частью общества оказалось дворянство и, в частности, офицерство. И главным было даже не количество потерпевших, а отсутствие каких-либо гарантий от неприятностей в будущем. «Время было такое, — вспоминал К.Толь, — что я каждый вечер от всего сердца благодарил Бога, что еще один день кончился благополучно». Именно это привело к оформлению серьезного заговора против императора.

Подробности событий, происходивших в начале 1801 года описаны подробно и многократно, а потому мы лишь бегло их напомним. В борьбе против Павла объединилось множество лиц: губернатор Петербурга Пален, возвратившиеся из ссылки братья Зубовы, генералы Беннигсен, Талызин, Депрерадович, Уваров и сотни других генералов и офицеров. Разные источники называют количество привлеченных к заговору военных от 200 до 300 человек. Установлена несомненная причастность к перевороту обоих старших сыновей Павла.

После полуночи два отряда, предводительствуемые Паленом и Беннигсеном, вошли в Михайловский замок. В этих отрядах были офицеры всех гвардейских полков, в том числе и кавалергарды. Часть офицеров осталось в своих полках (надежны в этом отношении были измайловцы и конногвардейцы), чтобы нейтрализовать их действия в случае возникновения тревоги Преображенцы и семеновцы несли в эту ночь караул во дворце, но никаких действий против заговорщиков не предприняли. Немногие порывавшиеся остановить движение солдаты задерживались своими офицерами. Так, упоминавшийся уже преображенец Марин поставил свой караул по стойке «смирно» и «продержал своих гренадер неподвижными, и ни один не смел пошевелиться. Таково было действие... дисциплины на тогдашних солдат; во фрунте они становились машинами». Не встречая сопротивления, заговорщики добрались до спальни Павла. Подробности затем случившегося разные авторы описывают по-разному, но результат один: двенадцать офицеров убили своего императора. К сожалению, среди них были бывший кавалергард Платон Зубов и нынешний полковой адъютант подпоручик Е.Годанов.

Утром Кавалергардский полк принес присягу новому императору Александру I. Уже в его царствование кавалергарды совершили блестящие подвиги на полях сражений.

КРОВЬ И СЛАВА АУСТЕРЛИЦА

«Все при мне будет, как при бабушке» — воскликнул Александр Павлович в первые часы своего царствования. Тогда этот невольно вырвавшийся крик испуганного и, вместе с тем. обрадованного наследника российского престола был воспринят присутствовавшими, как программный для изменений в политике, в организации армии и просто в жизни.

«Как только известие о кончине императора распространилось. в городе, немедленно появились прически «a la tetus», исчезли косы, обрезались букли и понталоны; круглые шляпы и сапоги с отворотами наполнили улицы. Дамы также, не теряя времени, облеклись в новые костюмы, и экипажи, имевшие вид старых немецких или французских колымаг, исчезли, уступив место русской упряжке. с кучерами в национальной одежде и с форейторами.

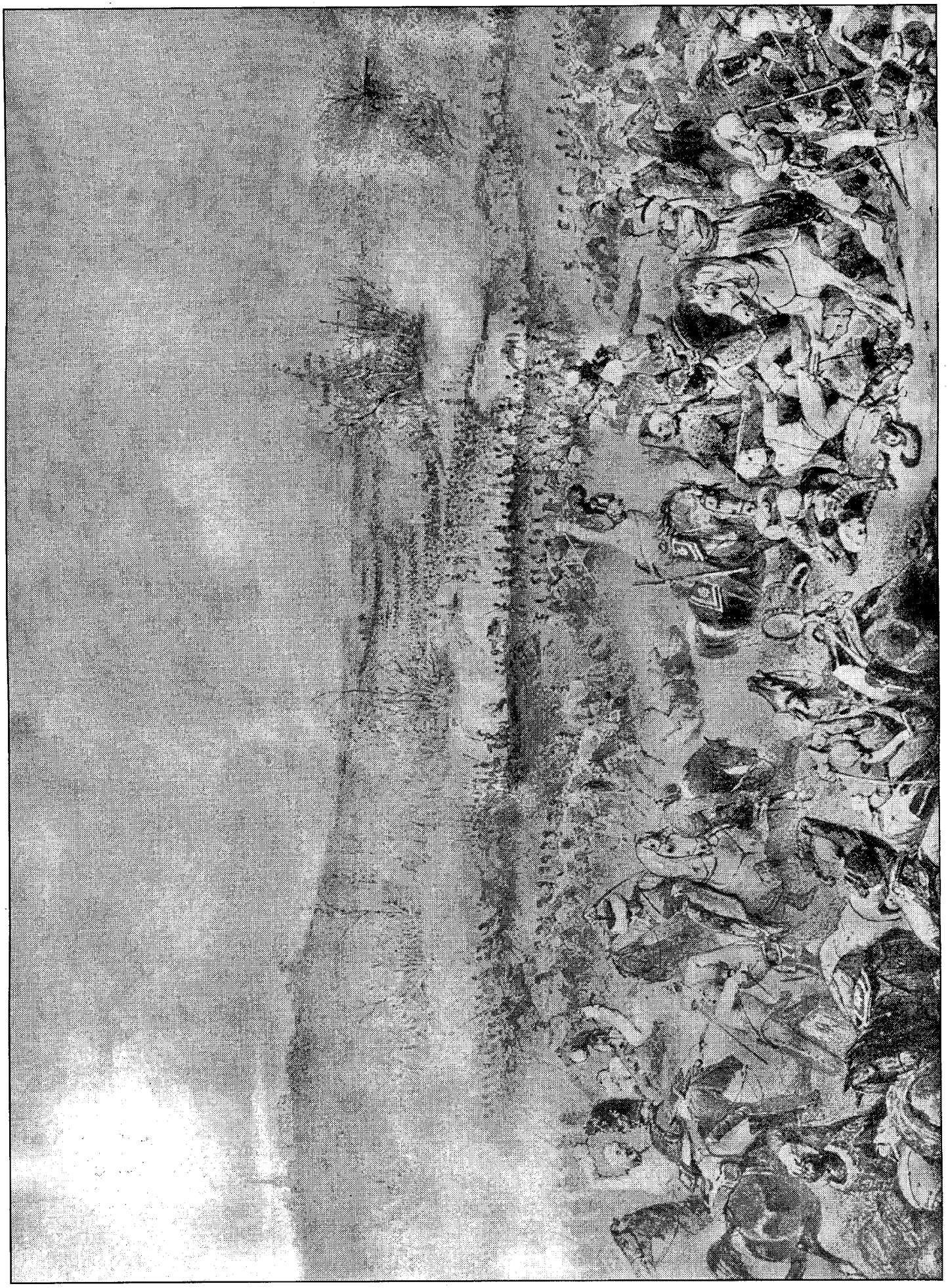
Это движение, вдруг сообщенное всем жителям столицы... заставило всех ощущать, что с рук их... свалились цепи и что нация снова вызвана к жизни и движению» — читаем мы в воспоминаниях полковника-конногвардейца Н.Саблукова.

Для преобразований в армии была 24 июня 1804 года создана специальная «Военная комиссия для рассмотрения положения войск и устройств оных». Комиссия энергично принялась за работу и с конца того же года преобразования начались.

Наиблее заметными, конечно, стали изменения внешнего вида армии. В первую очередь исчезли опостылевшие всем букли и были обрезаны косы. В соответствии с характерной для начала XIX века модой на смену павловским кафтаном пришли мундиры фрачного покроя. Такая замена объективно отражала существовавшую не только в России традицию производить в военной одежде черты гражданского костюма. Волна изменений затронула и кавалергардов, но все же Александр не сразу утвердился в восприятии полка в качестве обычной гвардейской части — над ним все еще довлели воспоминания об особом назначении этого формирования в недалеком прошлом.

Новые кавалерагрдские мундиры незначительно отличались от прежних, однако, появляется требование шить их как можно более узкими, плотно по фигуре. Старание соответствовать этому требованию доводило иногда до нелепости. В одном из полковых приказов Ф.Уваров с раздражением пишет: «Дается в замечение г. полковнику Ушакову, что вахмистр эскадрона... который по чину своему должен служить примером нижним чинам, сам одевается так, что сесть на лошадь не в состоянии». Еще «более стройными» кавалергарды становятся с 1804 года, когда царь все же решил привести их к общему для всех кирасирских полков виду.

Общий режим экономии, проводимый в армии, коснулся кавалергардов в том, что у них как и в других кирасирских полках, были упразднены кирасы. Заметим, однако, что боевая практика последующих сражений показала преждевременность такой экономии и



мощное защитное снаряжение вернется в полк перед самой войной 1812 года.

Желание иметь полк полноценной боевой единицей привело к увеличению его состава до пяти эскадронов. По штатам, утвержденным 12 декабря 1801 года в полку должны были находиться: 1 шеф, 1 командир полка, 5 полковников (командиры эскадронов), 5 ротмистров, 5 штабс-ротмистров, 23 поручика, 11 корнетов, 5 вахмистров, 10 эстандарт-юнкеров, 5 квартирмейстеров, 60 унтер-офицеров, 2 литаврщика, 1 штаб-трубач, 15 трубачей и 780 кирасир.

Как гвардейскому полку, кавалергардам оплачивалось и содержание вполне приличного оркестра из 21 музыканта, которые имели: 2 фагота, 4 валторны, 4 флейты, 2 медные трубы, контр-фагот, трамбон, 2 серпиона, треугольник, бубен и тарелки.

Увеличение штатной численности полка потребовало дополнительного набора людей в него. Из других кавалерийских полков начали собирать и переводить статных, симпатичных солдат. Основным требованием к будущим кавалергардам был рост не ниже 2 аршин с 10-ю вершками, т.е. около 186 сантиметров, соответственно всадникам подбирали и мощных лошадей ростом от 153 сантиметров в холке. Красота кавалерийского строя зависит и от единообразия лошадей в эскадронах. Армейским полкам еще не скоро будет позволена такая роскошь, а кавалергарды уже к 1805 году имели эскадроны, подобранные по мастям. В 1-м и 5-м люди сидели на гнедых лошадях, во 2-м и 4-м — на вороных и в 3-м — на серых.

Требования к внешности офицеров предъявлялись менее строгие, поскольку здесь играло существенную роль желание многих представителей знатных семейств служить именно в этом блестящем полку, но не все они обладали требуемыми качествами. Даже маленького роста Денис Давыдов, хотя и с огромным трудом, но был все же зачислен в полк эстандарт-юнкером в 1801 году. Сам он с присущим ему юмором, так рассказывал об этом событии: «Наконец, привязали недоросля нашего к огромному палашу, опустили его в глубокие ботфорты и покрыли святилище поэтического его гения мукою и треугольною шляпою». Тем не менее Денис Васильевич вполне успешно справлялся со своими обязанностями, продвигаясь в в чинах, но за «написание пасквильных басен» (имелись в виду его басни «Голова и Ноги», «Река и Зеркало») молодой поручик в 1804 году должен был расстаться к кавалергардским мундиром и отправиться тем же чином в Белорусский гусарский полк подальше от столицы в захолустный городок Звенигородки Киевский губернии.

Должность шефа полка сохранил граф Федор Петрович Уваров. Может быть, тут сказалась признательность Александра I за ночь 11 марта, когда Уваров со своими офицерами охранял наследника. Во всяком случае, граф пользовался благосклонностью императора и оставался одним из самых близких ему людей до самой своей смерти в 1824 году. И кавалергарды, и другие гвардейские полки тоже, вполне доброжелательно воспринимали своего начальника (Уваров дослужился до должности командующего гвардейским корпусом, сохраняя при этом и шефство над любимым полком) — общительного, веселого человека, хорошего кавалериста, правда, без особых военных дарований. И Федор Петрович платил им тем же. Не имея прямых наследников, он завещал 400000 рублей на сооружение памятника «в знак признательности подчиненным-гвардейцам». На эти деньги были сооружены в Петербурге Нарвские триумфальные ворота, открытие которых состоялось 18 августа 1834 года.

С 1803 по 1823 годы полковым командиром был Николай Иванович Депрерадович, настоящий боевой кавалерийский генерал. Находясь в строю с пятнадцатилетнего возраста, он прекрасно знал службу и оказался внимательным и требовательным командиром. Гуманность по отношению к солдатам, особенно молодым, товарищеское отношение к своим офицерам, в кампании которых Николай Иванович зачастую проводил время, не отказываясь при этом и выпить, и потанцевать, и посидеть за бостоном, создали ему репутацию приятного и порядочного человека. Однако, заслужить похвалу у него было трудно. «Всякий офицер, особливо Кавалергардский, исправляя поручение хорошо, ничего больше не сделал, как долг свой» — внушал он своим подчиненным. Требовательность командира при обучении своего полка была весьма своевременной — надвигалась война, в сражениях которой судьба готовила кавалергардам тяжкие испытания.

Наполеоновская Франция явно стремилась к завоеванию господства в Европе. Уже присоединены Падуя, Парма, Пьемонт в Италии, оккупированы Швейцария и принадлежавший Англии Ганновер. К союзу с Францией склонялся ряд германских княжеств, разрабатывался план захвата Ионических островов и некоторых турецких владений. Попытки России найти мирный выход из все более накаляющейся ситуации успеха не имели. Более того, когда во Франции были расстреляны руководители военного заговора и, вместе с ними, непричастный к заговору герцог Энгиенский, Александр I в ответ на ноту протеста Наполеону получил оскорбительное письмо с намеком на участие царя в убийства Павла I. 5 апреля 1804 года Россия решила прервать дипломатические отношения с Францией и начать подготовку к военным действиям. В декабре того же года была подписана конвенция с Англией, к которой позже присоединились Австрия и Пруссия.

Весной 1805 года в Вене вырабатывается план войны, по которому боевые действия начинают австрийские войска, не дожидаясь подхода русских частей. Союзники не могли тогда предположить. что уже в октябре Наполеон начнет громить австрийцев, предводимых неспособными генералами и вся тяжесть войны ляжет на плечи русских солдат.

В выдвигавшуюся в заграничный поход армию была включена и российская гвардия под общим начальством цесаревича Константина Павловича. Императору Павлу за короткое время своего царствования так и не удалось отучить офицеров (особенно гвардейских) от создания вопреки всем приказам

Генерал от кавалерии Ф.П.Уваров (1769-1824)

громадных обозов из своего добра и привычки обставлять свой быт на походе со всеми удобствами. И воспоминания участников этих событий, и документы того времени изобилуют сведениями о том, что офицеры везли с собою жен, попугаев в клетках, живых индеек, кур, уйму вещей, все это сопровождалось и обслуживалось штатом крепостных и являлось обузой для армии.

Константин, прошедший с Суворовым Альпийский поход, конечно, понимал нелепость и опасность такого положения, но вспыльчивость его и придирчивость к мелочам далеко не всегда оправданная обстоятельствами, зачастую приводили к конфликтам, к стремлению сделать ему назло. Особенно часто доставалось кавалергардам, натянутые отношения с которыми сохранил цесаревич до конца своей жизни. Рвение Константина доходило до появления приказов такого содержания: «Объезжая вчерашнего дня колонны, я нашел едущую бричку... с вещами ротмистра Левенвольда, штабс-ротмистра Левашова и поручика Уварова. Как сей поступок показывает явное непослушание начальнику... предписываю их (офицеров) арестовать и вести пешком за последним взводом Кавалергардского полка...» А в следующем приказе определилась и судьба груза брички: «повозку же со всею имеющейся в ней поклажею кроме вещей, принадлежащих мундиру, сжечь, а лошадей отдать в полк».

Однако, все это относилось лишь к движению обозов, сама же армия двигалась в удивительном порядке, соблюдая всеми чинами, как отмечалось, не только место в строю, но даже равнение. Некоторое послабление было сделано только в отношении причесок. Сохранявшееся с прошлых времен требование к нижним чинам пудрить волосы и фабрить усы пока отменили. Для офицеров этот вопрос был оставлен на их усмотрение с предложением «только для входа в большие города пудриться».

Известие о капитуляции армии австрийского генерала Макка заставило ускорить движение гвардии и вскоре она присоединилась к основным силам союзной армии. 12 ноября 1805 года гвардейцы вступили в г.Оломоуц, где был назначен смотр имеющимся войскам под общим командованием М.И.Кутузова в присутствии русского и австрийского императоров. Смотр, на котором особенно хороши были русские, произвел огромное впечатление — «все были уверены в победе больше, чем могли быть после двух выигранных сражений». В таком настроении армия приближалась к главному сражению этой войны, разыгравшемуся на полях у Аустерлица 20 ноября 1805 года.

Накануне битвы союзники имели около 86,5 тысяч человек (из них 16,5 тысяч австрийцев) с 340 орудиями против 74 тысяч французов со 157 орудиями. Руководство армией взял на себя Александр, оставив Кутузова лишь номинально главнокомандующим. План сражения, разработанный австрийским теоретиком Вайротером, содержал массу порочных навыполнимых идей и не мог привести к победе. Кроме того, план стал известен Наполеону, что еще усугубило положение союзников. По плану русская гвардия составляла резерв и спокойно относилась к предстоящему бою. Кавалергардам же вообще было приказано готовиться к смотру по случаю завтрашней победы: привести в парадный вид одежду и снаряжение. подогнать новые, полученные из Петербурга, чепраки и т.п.

Ранним пасмурным утром, когда туман еще лежал по низинам, гвардейские полки снялись с биваков и сомкнутыми колоннами двинулись на исходные позиции. Назначенное для них место находилось достаточно далеко и полки подошли к нему, когда солнце уже ярко освещало поле начавшейся битвы. Мы не будем вновь переживать все перипетии этого несчастного сражения. Нас сейчас интересует судьба лейб-гвардии Кавалергардского полка, который генерал-майор Николай Депрерадович вел крупной рысью на подвиг, еще не подозревая об этом.

Гвардейская пехота пошла в наступление и имела успех. Однако, оказавшись на направлении главного удара французов, была вынуждена отступать перед зачительно превосходящими ее силами, имея позади себя полузамерзщий, с топкими берегами, Раузницкий ручей. Положение соэдавалось критическое и лучшие полки руской гвардии — Преображенский и Семеновский оказались на грани истребления.

Подтягивавшихся к месту боя кавалергардов встретил цесаревич с лаконичным приказом: «Выручайте пехоту!». Перейдя через ручей. три первых эскадрона полка развернулись вправо, сдерживая натиск французской пехоты и прикрывая отход разрозненных групп преображенцев. Их непрерывные атаки остановили на некоторое время продвижение неприятеля на этом участке. Четвертый и пятый эскадроны пошли прямо, на выручку семеновцев, уже изнемогавших под атаками конных егерей французской гвардии и мамелюков.

В этот момент оказался один из героев романа Л.Н.Толского «Война и мир» Николай Ростов на пути эскадронов: «...показалась на

Генерал от кавалерии Н.И.Депрерадович (1767-1843)

всем протяжении поля огромная масса кавалеристов на вороных лошадях, в блестящих белых мундирах... Это были наши кавалергарды, идущие в атаку на французскую кавалерию... Крайний кавалергард, огромный ростом рябой мужчина, злобно нахмурился, увидав перед собой Ростова, с которым он неминуеми должен был столкнуться. Этот кавалергард непременно сбил бы с ног Ростова с его Бедуином... ежели бы он не догадался взмахнуть нагайкой в глаза кавалергардовой лошади. Вороная тяжелая пятивершковая лошадь шарахнулась, приложив уши. Едва кавалергарды миновали Ростова, как он услыхал их крик: «Ура»! — и, оглянувшись, увидал, что передние их ряды смешались с чужими, вероятно, французскими кавалеристами в красных эполетах... Это была та блестящая атака кавалергардов, которой удивлялись сами французы. Ростову страшно было слышать потом, что из всей этой массы огромных красавцев людей, из всех этих блестящих, на тысячных лошадях, богачей, юношей, офицеров и юнкеров, проскакавших мимо его, после атаки осталось только осьмнадцать человек».

Кавалергарды верно оценивали ситуацию и понимали, на что идут. Командир четвертого эскадрона полковник князь Н.Г.Репнин-Волконский писал впоследствии: «Мы увидели перед собой шагах в 400 от переправы, нашу пехоту — семеновцев, окруженных французской кавалерией, отбивавшей у них знамена. Кругом ни вправо, ни влево. не было видно русских частей, видны были лишь бегущие, а общим фоном этой картины служила сплошная стена французской пехоты».

Два эскадрона с приставшим к ним по пути взводом корнета А.Аьбрехта (к нему мы вернемся позже), ринулись на помощь семеновцам, сминая французских кавалеристов. В первый момент им удалось сбить неприятеля. Напомним,что по уставу 1797 года боевой порядок эскадрона составляли две шеренги с плотностью всадников «до сомкнутых колен». Два эскадрона гигантов-кирасир (в этот день в них было около 360 человек), разогнавшись в атаке, были способны на многое.Однако, силы оказались слишком неравными. в бой вмешались еще два эскадрона французов, потом еще один. Эскадрон Репнина оказался в кольце, завязалось множество одиночных схваток. Около 15 минут звон клинков, негромкие хлопки пистолетных выстрелов, разноязычные возгласы ожесточившихся людей вливались в общий гул сражения. В этот момент подошли еще четыре эскадрона францкузских конных гренадер. Не уступающие кавалергардам по мощи, гренадеры обрушились на русских с криком: «Заставим плакать петербургских дам!». Белые колеты кавалергардов совсем растворились среди синих мундиров конногренадер, расшитых ментиков конных егерей и разноцветных восточных одежд мамелюков наполеоновской гвардии. Выручить попавший в беду эскадрон отчаянные попытки их товарищей не смогли. Удар кавалергардов позволил частям гвардейской пехоты и артиллерии выбраться за ручей, за ними отошла и наша кавалерия. Окруженный эскадрон продолжал сражаться до конца. Большая часть людей погибла, остальные попали в плен почти все ранеными. Вырваться из вражеского кольца сумели лишь «осьмнадцать человек», о которых говорит Л.Н.Толстой. Всего полк насчитывавший перед сражением 800 человек потерял 13 офицеров (двух из них убитыми: ротмистра Казимира Карловича Левенвольде и корнета Никиту Сергеевича Лунина) и 226 нижних чинов.

Гибель многих людей не поколебала дух полка — он слушался своего командира. Перейдя за плотину, кавалергарды выстроились на берегу ручья, они вновь были готовы к бою. На противоположном берегу, на холме, в сопровождении свиты стоял Наполеон. У подножия холма строились участники закончившегося боя. Снова атаковать французская гвардия не решилась.

Все офицеры четвертого эскадрона были ранены, затем пленены. часть из них держалась на ногах и их подвели к Наполеону. «Кто старший?» — спросил император. Ему назвали князя Репнина. «Вы командир Кавалергардского полка императора Александра?» — спросил Наполеон. «Я командовал эскадроном» — ответил Репнин. «Ваш полк честно выполнил своей долг». «Похвала великого полководца есть лучшая награда солдату». «С удовольствием отдаю ее вам». Затем Наполеон спросил у Репнина: «Кто этот молодой человек рядом с вами?». «Это сын генерала Сухтелена, он служит корнетом в моем эскадроне» — ответил Репнин. «Он еще слишком молод, чтобы драться с нами» — заметил Наполеон. Тогда юный П.Сухтелен (ему было 17 лет, как и А. Альбрехту, он был ранен соблей в голову и контужен в ногу) воскликнул — «Не нужно быть старым для того, чтобы быть храбрым!».

Упомянутый здесь корнет Александр Альбрехт командовал первым возводом первого эскадрона. Его взвод с утра повез штандарты в Аустерлиц, где должен был состояться смотр победителей и, догоняя полк на марше, просто пристроился на свое несчастье в хвост колонны к эскадрону Репнина. В бою под ним была убита лошадь. Со своим

вахмистром корнет встал спиной к спине, отбиваясь палашами. Вскоре, имевший несколько сабельных ран в голову, офицер остался один. Получив еще удар по кисти правой руки и выронив палаш, Альбрехт упал. Позже его подобрали на поле и взяли в плен.

Среди пленных офицеров находился и младший брат Дениса Давыдова — 19-летний поручик Евдоким Васильевич Давыдов. Получив в схватке семь ран: пять — саблей, одну — штыком и одну — пулей, он лег замертво. Своим спасением Евдоким обязан суб-лейтенанту гвардейских конных гренадер Сюрюгу, который на своей лошади довез раненого до ближайшей деревни, а оттуда отправил в лазарет, где ухаживал за ним, как за родным братом. Посетивший лазарет Наполеон обратил внимание на русского офицера. «Сколько ран, сударь?» — спросил он. «Семь, сир» — ответил Давыдов. «Столько же знаков чести» — заключил император. Судьба еще раз свела Сюрюга с Давыдовым — теперь уже с Денисом. В начале 1807 года, находясь по своим делам в Кенигсберге, Д.Давыдов был приглашен к тяжелораненному пленному французскому офицеру. К огромному своему удивлению и огорчению Давыдов узнал в нем спасителя своего брата. Рана, нанесенная казачьей пикой в пах, оказалась смертельной и Денису Васильевичу через несколько дней пришлось проводить тело офицера на городское кладбище.

Несмотря на героизм отдельных частей, армия союзников потерпела сокрушительное поражение, потеряв около 27 тысяч человек. Почти 21 тысяча из них приходилась на долю русской армии, потери французов составили около 10 тысяч.

Напуганный император Австрии Франц в тот же вечер отправил к Наполеону князя Лихтенштейна с просьбой о перемирии. Предложение было принято, 22 ноября уже состоялась встреча Франца с Наполеоном. 27-го Александр покинул армию и уехал в Петербург, а русские войска двинулись в обратный путь — в Россию.

Форсированные марши по территории бывшего союзника изнуряли и без того усталые и потрепанные войска. Наступившие холода застали армию без теплых вещей, начался падеж лошадей от бескормицы. Все-таки к 30 марта 1806 года наш полк дошел до Гатчины, а в 12 часов дня 7-го апреля гвардия торжественно вступила в Петербург. Кавалергарды шли первыми.

Поведение Кавалергардского полка под Аустерлицем стало предметом разговоров и восхищения на долгое время. Всем было ясно, что потери гвардии, где служили представители многих петербургских семейств, могли быть еще больше, если бы не самоотверженность мужественных кирасир.

Все офицеры полка, участвовавшие в сражении, были награждены. Шеф генерал-лейтенант Ф.П.Уваров и командир полка генерал-майор Ф.П.Депрерадович получили ордена св.Георгия 3-й степени, полковник Н.Г.Репнин-орден св.Георгия 4-й степени, остальные эскадронные командиры полковники А.Н.Авдулин, Н.В.Титов, С.И.Ушаков, А.Л.Давыдов и адъютант Уварова штабс-ротмистр П.И.Балабин и поручик А.И.Чернышов — ордена св. Владимира 4-й степени, все раненые офицеры — золотое оружие (шпаги), все остальные офицеры — Анненские кресты «За храбрость» на шпаги. Юнкера были произведены в офицеры. В ряды прославившегося полка пожелали вступить многие молодые дворяне. По существующему тогда положению, они зачислялись юнкерами, которые должны были прослужить рядовыми в течение трех месяцев, но в мундирах унтер-офицерских, почему их называли «рядовые с галунами», при этом унтер-офицерские трости — знак власти им все же не доверяли. К таким недорослям приставляли «дядьку» из толковых унтеров, который должен был за отведенное время научить своего подопечного обращению с оружием, воинскому строю и, если надо, верховой езде. Успешно выдержавшие этот своеобразный испытательный срок, переводились в чин эстандарт-юнкера и им уже мог быть доверен штандарт — драгоценная святыня эскадрона и полка. Дальше, если повезет в бою — первый, желанный офицерский чин корнета.

Князь Н.Г.Репнин-Волконский (1778-1845)

А ждать начала следующей войны, судя по всему, осталось недолго.

Действительно, в августе 1806 года Александром был подписан манифет «О предстоящей войне с Францией». В четвертую по счету коалицию вошли Англия, Пруссия, Россия и Швеция. Англия, верная своим правилам, взялась субсидировать войну, а все другие участики коалиции — воевать. Наполеон, внимательно наблюдаший за развитием событий, решил стремительно обрушиться на ближайшего к нему противника — пруссаков, а уж затем разделаться с Россией. Ему хватило всего шести месяцев, чтобы уничтожить военную силу Пруссии, все еще сохранявшую верность давно устаревшим фридриховским порядкам. «Беспримерный позор Иены и Ауэрштедта» пруссаков вновь оставил русскую армию наедине с французской.

Уже отгремели сражения у Пултуска и Прейсиш-Эйлау, когда гвардии было назначено выступить в поход. 10 февраля 1807 года Н.Депрерадович докладывал по команде: «Кавалергардский полк к вступлению в поход находится в готовности в составе 41 офицера, 802 нижних чинов и 738 коней».

13 февраля в 6 часов утра полк в голове гвардейских колонн вышел из Петербурга. С разным чувствами, в задумчивости ехали в строю офицеры, покидая столицу. Что ждет их впереди? Конечно, они согласны со своим бывшим однополчанином Д.Давыдовым:

«Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской.
Сабля, водка, конь гусарской,
С вами век мне золотой!»

Но мысли о погибших и израненых в прошлой кампании товарищах, об оставшихся в Петербурге родных и друзьях не исчезли. Не улучшала настроения и появляющаяся временами фигура цесаревича Константина — злого гения полка, снова возглавлявшего гвардию. Наученные прошлым опытом, шли налегке. Имущество везли вьючные лошади, небольшое число повозок использовалось только по назначению — для больных и раненых. В Благовещенье, 25 марта, полк перешел Неман, а 2 апреля расположился в г. Бартене, примерно в 200 верстах южнее Тильзита.

Больше месяца войска стояли в бездействии. Разбросанные по округе полки были заняты своими обычными делами: страсть к разводам, смотрам и парадным учениям не оставляла главную квартиру и здесь. Кавалергардам в какой-то степени повезло — их расположили в отдалении от штаба и цесаревич не слишком донимал из отработкой ружейных приемов и шагистикой. Кроме того, шеф полка тоже всегда находился настороже. Офицеров изредка журили за вновь отращенные усы, за недоведенные до сияния металлические части снаряжения, но и только.

Наконец, главнокомандующий русской армией Л.Л.Беннигсен решился начать активные действия. К 22 мая гвардия прибыла на позиции у Гейльсберга. В начавшемся вскоре сражении русская армия устояла на месте, несмотря на мощные усилия французов проломить центр нашего расположения. Кавалергарды, назначенные в резерв, на этот раз в бою не понадобились.

Последующее маневрирование двух армий свело их 3-го июня в сражении у Фридланда — долгом, кровопролитном и упорном, закончившемся отступлением русских через Тильзит за Неман. Кружение по чужим землям с переменными боевыми успехами основательно надоели армии. Обшее настроение со свойственной ему грубоватой простотой выразил Ф.Уваров в своем письме Александру: «Сражаясь семь ден сряду, что только одни русские делать могут, и имея всегда над неприятелем некоторый авантаж, весьма больно и несчастливо видеть армию Вашу поразстроенну... Вашему Величеству скажу, как чувствую, что весьма нужно, не теряя ни мало времени, взять меры решительные на одно иль на другое, ежели еще воевать, то неприятелю штыком границу свою заставя, а ежели нет, то нужно стараться кончить скорее, а иначе худо может быть».

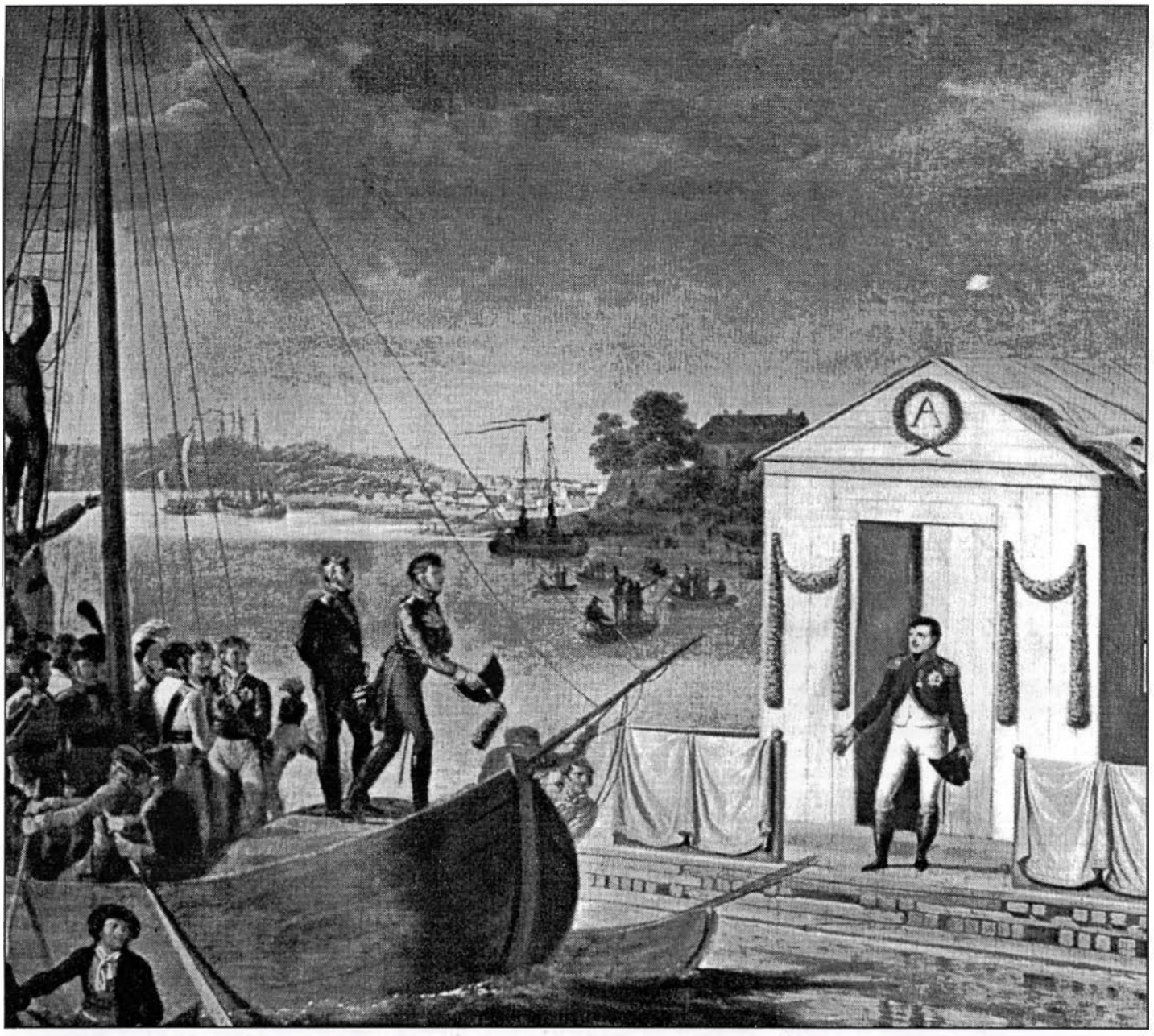
Александр выбрал «кончить». Наполеон согласился и 12 июня в 3 часа послал

поздравить русского императора с «прекращением военных действий и условиться относительно свидания», поскольку демаркационная линия, разделившая две армии, шла по Неману, на середине реки выстроили плот с двумя павильонами. Больший из них предназначался для встречи императоров, другой — для из свит. Кавалергардский полк в память о прошлом его назначении выделялся для охраны главной квартиры. Два взвода лейб-эскадрона составляли конвой Александра. Командовал конвоем ротмистр Василий Левашов. 24-летний красавец-офицер, участник сражений под Аустерлицем, Пултуском, Прейсиш-Эйлау и его блестящий полуэскадрон (в него действительно отобрали лучших в полку) на гнедых лошадях являли собой прекрасное и достойное русского царя окружение.

13 июня конвойные кавалергарды выстроились на берегу реки. на противоположном берегу стоял отряд французской старой гвардии. Почти одновременно оба императора разместились в своих лодках и через несколько минут встретились на плоту. Разговор их с глазу на глаз длился 1 час и 55 минут. О чем говорили два самых могущественных европейских монарха мы, наверное, никогда не узнаем. После беседы были приглашены чины обеих свит, состоялось их взаимное представление и на этом программа первого дня закончилась.

На следующий день переговоры продолжались, а затем Александр принял предложение Наполеона объявить Тильзит нейтральным городом и переехать в него под надлежащей охраной. Тогда же произошел курьезный случай, чуть было не поставивший крест на карьере В. Левашова. Ожидающие царя кавалергарды настолько увлеклись ролью свидетелей исторических событий, внимательно разглядывая все происходящее, что не сразу отреагировали на своевременно отданный приказ своего командира. Вследствие этого «ротмистру Левашову делается выговор за то, что.... гг.офицеры сошли с лошадей и он не умел их опять посадить, и ежели впредь не будет он уметь довести своих подчиненных до надлежащего послушания, то отказано будет от командования эскадроном». К счастью офицера на этом дело закончилось и полуэскадрон без нареканий сопровождал царя в его поздках по Тильзиту.

Помимо перемещений по городу конвой, конечно, следовал за Александром и во время более длительных прогулок. Наполеон с удовольствием устраивал для гостей смотры и парады своих войск, расположенных в окрестностях города. Из-за этого кавалергардам через некоторое время пришлось уступить свое место взводу лейб-гусарского пол-



13 июня состоялась первая «встреча на Немане» Александра I с Наполеоном. Почти одновременно оба императора вступили каждый в свою лодку. Наполеон причалил на несколько секунд ранее Александра Павловича, быстро вошел на плот и, пройдя через павильон, принял государя при выходе из лодки

ка — тяжелые кирасирские лошади с трудом поспевали за горячими кровными лошадьми императоров и из свит. Однако, с из уходом, кавалергардский мундир не исчез из глаз. Его носил шеф полка, неразлучно находившийся при Александре. Ф.Уваров принимал участие во всех событиях тех дней. В отличие от других участников, ему приходилось нелегко из-за плохого знания французского языка, которым в совершенстве владели остальные. Это все же не останавливало генерала — говорить по-французски он очень любил. Такую же слабость имел и Милорадович, тоже известный слабым знанием языка. Сохранился рассказ о том, что как-то Александр прислушался к оживленной беседе этих двух генералов. Не разобрав ее, царь обратился за разъяснениями к находившемуся рядом графу Ланжерону. «Извините, государь, я их не понимаю, они говорят по-французски» — ответил тот.

Наконец, переговоры закончились и 27 июня 1807 года в памятный день Полтавского сражения был ратифицировн Тильзитский мир. Тогда никто еще не знал, что через пять лет многие участники нынешних событий сойдутся на полях сражений, но уже в России.

2 июля кавалергарды выступили в обратный путь к дому. Уже на походе начальство начало подтягивать дисциплину в полку, требовать приведения в образцовый порядок всего имущества. Участились случаи побегов солдат из полка. Вообще это не было редким событием в армии. Пока шли бои солдаты, как правило, не помышляли о бегстве из части — дезертирство в тяжелую минуту вызывало презрение у товарищей. Когда же война заканчивалась и впереди не было ничего, кроме однообразных и долгих лет казарменной жизни, некоторые солдаты не выдерживали соблазна остаться в свободных от крепостничества странах. Неудачников ловили, жестоко наказывли, но попытки солдат изменить свою жизнь не прекращались. Кавалергарды в этом не были исключением. За время возвращения полка в Россию его покинули 30 человек.

Офицерам тоже была по душе привольная походная жизнь подальше от начальства, которое становилось все строже по мере приближения полка к столице. Приходилось отказываться от ношения симпатичных, но неформенных вещей, приобретенных за границей, трофейные и фамильные палаши и шпаги должны были уступить место казенным, снова требовали пудрить голову и брить усы. Сколько эти последние доставляли неприятностей щеголям-кавалергардам, сколько раз отправлялись они под арест за нарушение уставного облика. Александр, сам усов не носивший, разрешал это украшение только офицерам полков легкой кавалерии, к коим кавалергарды, разумеется, не относились. Напротив, нижние чины, для придания им более мужественного вида усы должны были иметь.

Все же полк общими усилиями подтянулся и 22 августа в Красном селе заслужил похвалу, подкрепленную также выданной всем чинам в качестве премии трети жалования сверх зачета.

Через два дня под колокольный звон и приветствия горожан гвардия снова вступила в Петербург. Как всегда, колонну гвардейской кавалерии возглавляли кавалергарды. Принимавший парад император объявил «свое совершенное удовольствие всем гг. генералам, штаб- и обер-офицерам за вступление сего дня в Петербург в устройстве, чистоте и порядке», а нижним чинам повелел выдать по рублю на человека и по фунту говядины. Офицеры гвардии получили приглашение на праздничный обед в Таврическом дворце в Высочайшем присутствии. Константин и тут не преминул подбросить ложку дегтя. Заметив, что поручик князь Лопухин и корнет Колычев так и не сбрили усы, распорядился объявить первому выговор, а второго отправить на гауптвахту. Командир эскадрона полковник Титов отделался замечанием.

Помимо уже исторически сложившихся причин неприязни полка к цесаревичу, к сожалению, иногда распространявшейся и на взаимоотношения кавалергардов с соседями — конногвардейцами, существовали и обиды вполне конкретные. Так, полк не мог забыть отъезд Константина из армии накануне сражения под Гейльсбергом, его приказ об отправке из полка штандартов в глубокий тыл, видимо, под воспоимнанием о гибели эскадрона под Аустерлицем, когда случайность спасла его штандарт от захвата французами и многое другое.

Не способствовала налаживанию отношений с командующим гвардией и драматическая история штабс-ротмистра Алексея Охотникова, о которой глухо говорил весь Петербург. Красавец-кавалергард влюбился в замужнюю даму высшего света. Через некоторое время она ответила ему взаимностью. Пылкая любовь продолжалась почти два года. Трагическая развязка наступила в ночь с 4 на 5 октября 1806 года. Охотников, выходя из театра в толпе зрителей, был тяжело ранен неизвестным человеком ударом кинжала в бок. Несмотря на тщательный уход и лечение рана не заживала и через несколько недель офицер скончался. А еще через полгода на его могиле появился очень дорогой и красивый памятник, «изображавший скалу со сломанным грозою дубом, у подножия скалы на коленях женская фигура в покрывале держит в руках погребальную урну». История не привлекла бы внимания света и нашего тоже, если бы возлюбленной молодого кавалергарда не была бы.... императрица Елизавета Алексеевна, жена Александра I. Организацию убийства молва приписывает младшему брату царя — Константину.

У императрицы родилась дочь Елизавета — живое воспоминание об убитом офицере. Но девочка прожила всего два года. В значительной степени смерть двух близких людей повлияла на дальнейшую жизнь императрицы. В эти годы она отказывается от большей части положенных ей ежегодно от казны денег, вкладывает средства и силы в организацию учебных заведений для малоимущих девушек — Патриотический институт и дома трудолюбия в Петербурге, Москве, Симбирске. Отказываясь от светской жизни, Елизавета посвящает себя благотворительности и попечительству. Признательность людей за ее труды выразил А.Пушкин в посвященном ей стихотворении «На лире скромной, благородной»:

Я пел на троне добродетель
С ее приветною красой.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

Более того, в рядах общества декабристов «Союз благоденствия» некоторое время серьезно обсуждался вопрос о дворцовом перевороте в ее пользу. Слабая здоровьем Елизавета скончалась 4 мая 1826 года в возрасте 47 лет в Белеве при возвращении из Таганрога.

Все это еще впереди, а пока Россия осмысливала последствия Тильзитского мира. Наиболее дальновидных и проницательных совеременников не обманули взаимные улыбки и добрые пожелания обоих императоров. Как та, так и другая сторона воспринимала это соглашение как передышку перед будущей войной. Пользуясь временем, противники внимательно изучали и анализировали военный опыт, приобретенный или в прошедших компаниях. соответственно, были сделаны и выводы, учитывающие успехи и неудачи воевавших стран. Россия восприняла идею концентрации орудий в сражениях на основных участках позиции, увеличила количество маневренной конной артиллерии, открыла новые учебные заведения для подготовки офицерского состава и т.д.

В тоже время Александр не перестает заниматься чисто внешними изменениями армии, многие из которых он перенимает у французов. Особенно царю понравилось эполеты и он вводит их в форму для всех офицеров. Нельзя сказать, что все новшества радовали — отношеное к ним было скептическим, а многие усматривали даже принижение достоинства России. Поглядывая с насмешливой досадой на эполеты, говаривали, что теперь Наполеон сидит у всех русских офицеров на плечах. Много нареканий вызывали новые правила отдания чести. До 1808 года для этого просто снимали шляпу. Теперь надо был подносить левую руку, к кокарде, если ты в шляпе, или правую руку к козырьку, если надета каска. Понятно, что зачастую происходили ошибки с соответствующими последствиями.

После возвращения кавалергардский полк разместился в своих почти необжитых новых казармах у Таврического дворца, из которых он вышел в последний поход. Снова потекли мирные будни, наполненные учениями, дежурствами, смотрами. Требовалось и довести количество людей в полку до штатной численности. Запасной полу-эскадрон, образованный еще в 1804 году, не мог справиться с подготовкой кадров и в 1810 году его вообще упразднили. В тоже время хотелось иметь пополнение не хуже ветеранов Аустерлица и Фридланда, таких, как унтер-офицер Егор Митюхин и рядовой Карп Овчаренко. Митюхин стал первым в русской армии солдатом, награжденным Знаком отличия военного ордена. Эту награду учредили 13 февраля 1807 года для нижних чинов «за заслуги боевые и за доблесть, против неприятеля оказанную». Серебряный крест носили на мундире всю жизнь, даже после производства в офицерские чины. Он давал ряд льгот, в том числе освобождение от те-

лесных наказаний, исключение из податного сословия, увеличение жалования Е.Митюхин получил знак №1 за свою удаль и расторопность под Прейсиш-Эйлау. Его товарищу К.Овчаренко вручили знак №3.

Качественное пополнение в полк набрали переводом лучших солдат из полков армейской кавалерии. Пришли отличившиеся в боях 1807 года, отмеченные знаками солдатской доблести унтер-офицер В.Михайлов (знак №2) и рядовой Н.Клементьев (знак № 4) из Псковского драгунского, рядовые П. Трехалов (знак №5) и С.Родионов (знак №7) из Екатеринославского драгунского и другие.

Солдатская служба на виду у начальства был трудной. Срок ее еще не скоро будет сокращен, а пока — 25 лет, целая жизнь.

Утомительны постоянные заботы о форме. Колет, лосиные панталоны, перчатки с крагами должны сверкать белизной. Все ремни требовалось доводить до глянца. Козырьки и высокие плюмажи касок норовили потерять единообразие. Все металлические части амуниции и оружия доводились до «сияния», за отсутствие которого грозили наказанием.

Как всегда в кавалерии много сил и времени отнимал уход за лошадьми, обучение езде и конному строю. Зимой занятия в манеже начинались в 9 часов утра. Там занимались одиночной подготовкой всадников. Весною, после Пасхи, начиналось сплачивание кавалергардов в строю эскадрона, а полковые учения уже почти летом на огромном Царицыном лугу.

Традиционно кавалергарды несли караулы во дворце, а там требовалось умение «держать позитуру» и блестяще выполнять приемы с оружием. На направляемых в караул форма должна сидеть щегольски, без единой морщинки. В этом отношении основные неприятности доставляли лосинные панталоны, которые надевали влажными прямо на голое тело. Высыхая, они красиво облегали фигуру, на ощущения при этом, особенно зимой, приятными не назовешь. Разумеется, сидеть в них надо был очень аккуратно во избежание появления «отвратительных пузырей на коленях». Состав дворцового караула тщательно подбирался. Из приказа по полку: «рекомендуется господам эскадронным командирам стараться выбирать караулы единообразными людьми, бакенбардами и усами, когда же будет караул без бакенбард, то чтобы таковой весь был, соблюдая при этом и ранжир».

В то же время гвардейцы, по сравнению с солдатами армейских полков, имели ряд льгот и прав, установленных еще Петром I. Александр тоже внес свои дополнения в их перечень. Так с 29 декабря 1802 года нижние чины, «отличные по службе и поведению», стали получать подарки деньгами сверх жалования к своим именинам. Суммы по тем временам были немалые и зависели от чина. Именинники в чине фельдфебеля (в кавалерии — вахмистра) получали по 25 рублей, унтер-офицеры — по 10 рублей, рядовые — по 5 рублей. К свадьбе тоже полагался подарок: фельдфебелю — 100 рублей, унтер-офицеру — 50, рядовому — 25. Эти деньги выдавались на руки, в отличие от пожалованных полку за удачно прошедшие смотры, парады и другие успехи, которые поступали в артели — хозяйственные объединения солдат, как правило, одного взвода. Артельщики помогали друг другу в службе, поддерживали в трудную минуту, питались из одного котла. Артельные суммы достигали значительных размеров. Так, к концу 1807 года артельная казна полка составляла 33954 рубля.

Немало забот у начальства было и с офицерским составом. Не все вернувшиеся из плена герои Аустерлица вошли в строй, да и возвращались они нелегко. Командир знаменитого четвертого эскадрона Н.Репнин, раненый в бою пулей в голову и контуженный в грудь, долго лежал в Брюнне, несмотря на старания его жены, получившей разрешение ухаживать за раненым. Там состоялась вторая встреча полковника с Наполеоном. Император, уважая мужество кавалергардов, сообщил их командиру, что возвращает свободу ему и его офицерам. Однако, после отъезда Наполеона, комендант города потребовал от Репнина слова, что они не буду сражаться протв Франции. Ответ князя был достойным русского офицера: «Я присягнул служить своему государю до последней капли крови и потому предложение принять не могу!» Выбравшись, все-таки в Россию, он уволился от службы с чином генерал-майора.

Командир 5-го эскадрона А.Давыдов (двоюродный брат Дениса и Евдокима Давыдовых) стал командовать Гродненскими гусарами. В 1809 году скончался командир 2-го эскадрона Н.Титов. Недолго командующими кавалергардами станет командир 3-го эскадрона С.Ушаков, выручивший под Аустерлицем гвардейскую конную батарею знаменитого полковника Костенецкого. Перед Отечественной войной Ушакова назначат шефом Курляндских драгун, во главе которых он геройски погибнет в 1814 году под Краоном. А 3-й эскадрон примет барон Карл Левенвольде — старший брат погибшего в рядах этого эскадрона под Аустерлицем Казимира Левенвольде. Евдоким Давыдов взял отпуск для приведения в порядок домашних дел. А.Альбрехт перевелся в лейб-гвардии Драгунский полк. Отчаянный П.Сухтелен отправился воевать против шведов в Финляндию, потом помчался в Дунайскую армию, сражавшуюся с турками. Их места в строю заняли новые офицеры, которым предстояло готовить кавалергардов к великой войне, приближение которой уже ощущалось в России.

Надвигающаяся опасность заставила обратить серьезное внимание на подготовку армии. Полки спешно доводились до комплекта, изменилось и содержание занятий с людьми. В кавалерии до минимума сократили обучение пешему строю и парадному манипулированию с оружием. Вернулось исключенное ранее из устава павловское требование совершать все перестроения только галопом без потери времени. Шеф кавалергардов Ф.Уваров настаивал на обучении солдат только тому, что будет им действительно необходимо в бою: «в кавалерии ни в каком случае стрельба залпом не употребляется, но стреляют только поодиночке, и для того за излишне почесть можно обучать людей по темпам и стрелять вместе, когда они на конях. Напротив же, необходимо нужно, чтобы каждый человек умел проворно заряжать, стрелять из пистолета в цель и рубить палашом».

Насколько хорошо усвоили воинскую науку кавалергарды, покажет следующий, 1812 год.

ОТ ПЕТЕРБУРГА ДО ПАРИЖА

«К воинской славе Наполеона, наполнявшей воображение всех, присоединились необыкновенные явления в природе... Все были в ожидании чего-то чрезвычайного. На небе явилась комета. Простолюдины, глядя на бродящую в небе звезду и огромный хвост ее, говорили: «Пометет беда землю русскую!» — читаем мы у выдающегося русского военного историка А.И.Михайловского-Данилевского, оставившего нам подробное описание войн России с Францией, непосредственным участником которых был он сам.

Война приближалась к границам страны с роковой неизбежностью. Россия готовилась достойно встретить опасность. Первоначально Александр собирался действовать на опережение, выдвигая армию на территорию герцогства Варшавского. При внимательном изучении план этот был отброшен — потенциальные союзники или не желали рисковать, или уже склонились на сторону Франции. Сторонником оборонительного плана ведения войны был назначенный в 1810 году военным министром М.Б.Барклай-де-Толли. При складывающемся соотношении сил противников отступление (на первом этапе войны) русской армии вглубь своей территории было единственно правильным решением. Однако, «творческое» развитие этого плана осуществлял прусский генерал Фуль, пользовавшийся неоспоримым авторитетом у Александра. Он предложил создать укрепленный лагерь на считавшемся главным петербургском направлении, разместить в нем первую русскую армию и, когда главные силы Наполеона подойдут к нему, вторая и третья армии окажутся у них в тылу и на фланге. Затем, совместный удар трех армий принесет победу. С апреля 1812 года осуществление этого фантастического плана началось постройкой Дрисского укрепленного лагеря.

О предстоящей войне все больше говорили в обществе.

Войска в Петербурге ждали приказа о походе. Кавалергардам 1 марта приказали выделить один из средних эскадронов в качестве запасного. По идее, такие эскадроны от разных полков должны были поступить на формирование новых кавалерийских дивизий для резервных армий и на их участие в боевых дйствиях в ближайшее время никто

не рассчитывал. Чтобы решить дело без обиды решили бросить жребий. К великому огорчению командира второго эскадрона И.Ершова, жребий пал на него. Сетовавший на судьбу полковник (он уже пропустил кампанию 1805 года по той же причине) еще не знал, что ему раньше других находившихся здесь офицеров придется вести людей в бой.

Наконец, долгожданный приказ получен. В воскресенье 17 марта лейб-гвардии Кавалергардский и Конный полки выступили в поход. Путь их лежал в Вильно, запасным эскадронам — в Остров. Кавалергарды покидали Петербург в полном составе: генералов — 2, офицеров — 60, унтер-офицеров — 90, музыкантов — 45, рядовых — 690, нестроевых — 67, всего — 954 человека. Вел их полковник Сергей Ушаков — «командующий полком». Так называлась тогда должность старшего эскадронного командира, замещавшего командира полка в его отсутствие. Через два месяца С.Ушаков сдаст полк Карлу Левенвольде, на которого лягут все тяготы боевой жизни полка.

В четвертом эскадроне ехал возвратившийся в строй Евдоким Давыдов. Ему с братом так и не удалось распутаться после смерти отца с запущенными финансовыми делами семьи. Выбраться из долгов им удастся лишь после войны, когда за заслуги братьев Александр прикажет «сложить» с них все денежные обязательства.

Снова в полку братья Платон и Владимир Каблуковы, возвратившиеся из плена ветераны Аустерлица (там на двоих пришлось шесть ран). Молоды были все эти старшие офицеры полка, действительно ветераны нескольких кампаний. Старшему С. Ушакову — 36, младшему Е.Давыдову — 26 лет. Те великие события затягивали в свой круговорот юношей, высоко поднимая затем наиболее удачливых и умных и предоставляя оплакивать павших на этом пути. Молоды были даже вожди противостоящих сторон — Наполеону не исполнилось 43-х, Александру — 35-ти.

Почти до Царского Села провожали верениды экипажей с родителями, женами, детьми уходивших на войну гвардейцев. Из окна Царскосельского лицея смотрел на них юный Александр Пушкин, судьба которого самым непосредственным образом будет связана с кавалергардами:

Отчизну обняла кровавая забота,
Россия двинулась,
и мимо нас летят
И тучи конные, брадатая пехота,
И медных пушек светлый ряд. —

напишет он о тех днях.

По разбитым весенней распутицей дорогам шли войска к Двине. В начале мая гвардия расположилась в окрестностях Вильно, где уже находился Александр с Главной квартирой армии. Вновь повторялась знакомая картина: вся власть в руках у царя, но формально командующим армией оставался Барклай. Пока это еще не имело особого значения. Войска проводили учения, дважды устраивались маневры, жизнь шла по обычному лагерному распорядку.

Для кавалергардов это время оказалось самым спокойным. Офицеры наслаждались летом, теплом, привольной жизнью, устраивая псовые охоты на зайцев, соревнования по борьбе и бегу. Городки, свайка и шахматы тоже были в почете. По вечерам сходились за общим столом, где царили веселье, карты и дружеская беседа.

Цесаревич со своим любимым Конным полком размещался в 19 верстах и кавалергарды не искали их общества. В противоположность грубоватым строевикам-конногвардейцам они составили более образованную и утонченную компанию. К чести обоих полков следует заметить, что их в мирное время натянутые отношения никогда не появлялись в бою. В полку служил владевший пятью языками сын итальянского сенатора и дипломата граф Рудольф де Местр (будущий губернатор Ниццы и друг А.О.Смирновой-Россет), князь Александр Ипсиланти (впоследствии возглавивший восстание греков), добродушный хлебосол Федор Уваров, очень настойчиво приглашавший в гости («покорнейше прошу пожаловать ко мне пообедать, а не то извольте драться со мною на шести шагах расстояния»), и другие, не менее замечательные люди. Через Евдокима офицеры поддерживали отношения и с Денисом Давыдовым и регулярно получали его новые стихи. Накануне грозных событий особенно горячо звучали и старые, давно знакомые строки:

Выпьем же и поклянемся,
Что проклятью предаемся
Если мы когда-нибудь
Шаг уступим, побледнеем,
Пожалеем нашу грудь
И в несчастии сробеем.
Если мы когда дадим
Левый бок на фланкеровке
Или лошадь осадим.

«Да-а, фланкеровки, — обязательно при этом качали головами бывалые офицеры, — хорошо, что тяжелая кавалерия применяет их редко». Фланкеровкой назывался один из уставных приемов атаки вражеской пехоты, свернувшейся в каре. Когда полк подходил к неприятелю шагов на 350-400, вызывались четвертые взводы эскадронов, которые вылетали на карьере и разъезжались в линию. Эта цепь фланкеров, подскакивая к фасу каре, на ходу обстреливала его, стремясь вызвать огонь на себя. Понятно, что они рисковали и дело редко заканчивалось без потерь. По команде «аппель» фланкеры быстро съезжались во взводы и ждали полк, который по этому сигналу переходил на большую рысь и от линии фланкеров вместе с ними атаковал уже на полном галопе. Кирасиры редко применяли этот прием, больше надеясь проломить каре за счет огромной энергии своих «железных» эскадронов.

В начале июня кавалергарды действительно стали опять «железными» — в полк доставили кирасы. Поначалу люди ворчали, называя их своими тяжкими цепями. Конечно, надо было привыкнуть к массивным черным панцирям, но многим они спасут жизнь в грядущих боях.

Сверкал огнями дом Л.Беннигсена в ночь на 12 июня — хозяин давал бал в честь государя Александра I. В разгар бала в зале появился адъютант Барклая А. Закревский. Новость, которую он шепотом сообщил царю, через несколько часов понеслась по армиям — французы начали переправу через Неман, война пошла. Наверное, ни одно историческое событие XIX века не было так подробно описано в отечественной литературе, как война 1812 года. Последовательность действий, портреты военачальников, основные сражения — все это хорошо известно нашему читателю. Мы же пройдем дорогами испытаний с кавалергардами — солдатами и офицерами лишь одного (но какого!) полка русской армии.

Части Первой армии спешно стягивались в Свенцянах. Уже 16 июня начались бои русского арьергарда. Кавалергарды ожидали встречи с противником, волновалась молодежь. «Может быть, мы очень скоро будем в деле, — написал домой отцу поручик М.Бутурлин, — Я прошу вашего благословенья и надеюсь на Бога; жив или мертв не сделаю вам стыда; я в первый раз увижу рубку, однако авось Бог поможет».

К его сожалению, надеждам этим сбыться удалось не скоро. Армия форсированным маршем отходила к Дрисскому лагерю. Прибытие в него в годовщину Полтавского сражения расценивалось как доброе предзнаменование. Однако, уже через три дня для всех, даже для царя, стало ясно, что план Фуля обрекает армию на уничтожение, и 2 июля войска продолжили отход на Полоцк-Витебск-Смоленск.

Кавалергарды шли в составе своей 1-й кирасирской дивизии, в которую, кроме них, входили лейб-гвардии Конный полк, кирасирские Его и Ее Величеств полки. На всем пути до Смоленска дивизия находилась в резерве — использовать ее ударную мощь возможности не представилось, кирасир берегли для генерального сражения. Несмотря на соединение двух русских армий, «генеральная баталия» под Смоленском не состоялась. Наши войска продолжали отступать. Принятое Барклаем решение будоражило армию, особенно роптали гвардейцы, подогреваемые некорректными, подчас на грани хамства, высказываниями цесаревича. Наконец, терпение командующего истощилось и Константин был отправлен в Петербург. Барклай освободился от опеки двора (царь покинул армию еще в Полоцке), но, невзирая на общее недовольство, продолжал неуклонно следовать своему замыслу, увлекая противника вглубь страны.

Не следует думать, что отступление проходил легко. С конца июля установилась жаркая погода. От засухи воды едва хватало для питья и приготовления пищи, у колодцев приходилось выставлять часовых. Полки шли в густых облаках пыли, забивавшей рот, нос, разъедающей глаза. Катастрофически не хватало фуража для лошадей. Справедливость афоризма французского кавалерийского генерала Нансути, говорившего: «Никогда не должно забывать, что лошади патриотизма не имеют, а потому нельзя их заставлять переносить голод», в те дни в полной мере ощущали обе стороны. Полки шли. Кавалергардам не было места в жестоких арьергардных боях. С завистью они узнали об успехах своих товарищей из корпуса Витгенштейна.

Запасной эскадрон попал в сводный кирасирский полк 9-й кавалерийской дивизии, командовал которой их старый однополчанин, теперь генерал-майор Н.Репнин. Дивизия, в составе прикрывавшего петербургское

П.И.Каблуков (1779-1835)

В.И.Каблуков (1780-1848)

Е.В.Давыдов (1786-1843)

Службу братья Платон и Владимир Каблуковы начинали в Лейб-гвардии Преображенском полку. В один год (1802) оба перевелись в кавалергарды и участвовали в сражении под Аустерлицем, где были ранены и попали в плен. В Бородинской битве, уже полковниками командовали эскадронами. За храбрость под Кульмом старший брат произведен в генерал-майоры; за Фершампенуаз чин генерала получил и младший брат, ставший командиром кавалергардов до 1821 г. В Польскую кампанию 1831 г. братья водили кирасирские дивизии.

Евдоким Давыдов сражался под Аустерлицем, где получил пять ран и попал в плен. Под Бородино командовал эскадроном. За Кульм произведен в полковники. В 1820 г. стал генерал-майором, с 1823 г. назначен командиром бригады кирасирской дивизии

направление корпуса графа П.Витгенштейна, отличилась под Полоцком. В некоторой степени эскадроны кавалергардов и конногвардейцев повторили знаменитую аустерлицкую атаку. По неосмотрительности Витгенштейна атака французов застала врасплох русскую пехоту, еще не снявшуюся с биваков. Она медленно отступала, по словам маршала Сен-Сира «с мужеством, свойственным одним русским, они совершали чудеса храбрости, но не могли удержать одновременного напора четырех дивизий». Инициативу проявили кирасиры. Гвардейцы пронеслись россыпью через весь лагерь, сея панику в тылу наступающих французов и, сомкнув ряды, врубились в неприятельскую кавалерию. Здесь из поддержал второй дивизион полка. Перемешавшаяся масса всадников ринулась назад, к французским пушкам. Раздосадованный Сен-Сир приказал встретить ее картечью, но замешкавшиеся артиллеристы запоздали с залпом и вся лавина своих и чужих всадников обрушилась на батарею. Сам маршал при этом едва не попал в плен. Увлекшиеся атакой гвардейцы рисковали попасть в

Преследование русскими конногвардейцами французских конных егерей под Полоцком.

Под Полоцком французы энергично атаковали позиции русских. На правом фланге атаку неприятельской кавалерии приняли гродненские гусары и рижские драгуны, связав ее боем. Кирасирский дивизион (кавалергарды и конногвардейцы) пошел на полк французских конных егерей, которых уже через несколько минут схватки охватила паника и они понеслись к Полоцку.

окружение спешивших со всех сторон отрядов французов (тогда печальная аналогия с Аустерлицем была бы полной), но их спасло хладнокровие поручика Г.Окунева, приказавшего трубить «аппель» скакавшему рядом трубачу.

Отчаянная атака кирасирского полка вызвала сумятицу в боевых порядках французов и спасла русский отряд от поражения. Кавалергарды полковник Ершов и штабс-ротмистр Авдулин за нее получили ордена св. Георгия 4-й степени, а поручик Окунев — золотую шпагу. Эскадрон потерял 32 солдата и поручика Сергея Войскова, тело которого не нашли. Товарищи смогли передать вечером его брату Дмитрию, служившему в Белорусском гусарском полку, лишь вернувшуюся в строй лошадь и пару отличных кухенрейтерских пистолетов — все, что осталось от офицера.

Тем временем главные силы русской армии подходили к Бородину. Прибывший 16 августа главнокомандующий М.И.Кутузов выбрал место главного сражения этой войны.

Холодной была ночь на 26 августа 1812 года. Густой туман стлался над землей, поблескивала роса на кирасах и касках кавалергардов. Тишина стояла у ярко горевших костров. Без обычного оживления ждали солдаты наступления дня битвы.

Еще было темно, когда зазвучали слова команд, полки начали строиться. В половине шестого появилось солнце (интересно, что сейчас восход в этот день в 6 часов 47 минут), осветившее готовые к бою армии. В шесть грохнул выстрел с французской батареи, затем еще один, еще. С развернутыми знаменами, под рокот барабанов и визг флейт колонны двинулись на русские позиции. Сражение началось.

Кавалергарды, составлявшие с полком Конной гвардии первую в дивизии бригаду под командованием генерал-майора И.Шевича, долгое время наблюдали ход битвы из линий резерва. Наконец, около трех часов пополудни, Барклай приказал бригаде занять место за батареей Раевского. Выдвинувшиеся вперед гвардейцы вдруг оказались единственным заслоном на пути кавалерийской атаки неприятеля, по существу, прорвавшей центр русской позиции.

Тяжелой рысью полк двумя линиями эскадронов пошел вперед. Вел его полковник К.Левенвольде. Невдалеке пытались составить боевой порядок полки 4-го кавалерийского корпуса Латур-Мобура (два кирасирских и польские уланы). «Галопом! Марш!» — прозвучал приказ полковника. «Командуйте, Евдоким Васильевич, левое плечо!» - только успел через несколько секунл крикнуть Левенвольд командиру четвертого эскадрона Е.Давыдову, как свистящая вокруг картечь сразила его наповал. Гибель командира на виду полка лишь на мгновение смутила кавалергардов — эскадроны врубились в колонну непроятеля, сминая ее. Справа атаку поддержали конногвардейцы. Закипевший «рукопашный бой между массами смешавшихся наших и французских латников представлял необыкновенное зрелище, в своем роде великолепное, и напоминал битвы древних рыцарей или римлян, как мы привыкли их себе воображать. Всадники поражали друг друга холодным оружием среди груд убитых и раненых» — записал потом один из участников сражения. Через несколько минут ожесточенной рубки враг был опрокинут и обращен в бегство. Кавалергарды понеслись было следом, но зазвучал «аппель». Напомним, что по действовавшему уставу неприя-

Атака лейб-эскадрона Кавалергардского полка у Нолендорфа (Кульмское сражение).
Как только фланкеры полка донесли о начавшемся отходе французов, Депрерадович двинул вперед весь полк. Через короткое время стало ясно, что всей массе кавалерии делать уже почти нечего и преследование продолжил только лейб-эскадрон В.Каблукова.
Шесть верст мчались кавалергарды, опрокидывая и рассеивая противника. Из реляции князя Голицына: «...в дефиле перед Нолендорфом неприятель пытался остановить Каблукова, но последний бросился в атаку, сбил французов, отбил четыре орудия и денежный ящик гвардейского экипажа, взял в плен трех офицеров и 370 рядовых...»

тельскую кавалерию следовало атаковать только сомкнутым строем, а уже для преследования не выдержавшего натиска врага использовалась «рассыпная атака». По команде «Врозь! Марш! Марш!» следовало каждому кирасиру не держать ни линии, ни шеренги, а ехать вперед. Гнали и рубили до тех пор, пока трубный сигнал «Аппель» не заставлял прекратить преследование и, не мешкая, собраться к своему штандарту. При этом свое место в шеренге можно было не отыскивать, но желательно попасть в свою шеренгу. Место сбора определялось по штандарту, для охраны которого всегда оставались с обеих сторон по три ряда кирасир с командиром третьего взвода, замыкающий офицер и трубачи.

Увлекшаяся атакой россыпь кавалергардов не сразу восприняла сигнал. Около сотни всадников остановились, лишь увидев перед собой строй французской кавалерии. Гвардейцы мгновенно образовали свой строй. Оказавшийся в нем старшим поручик П.Шкурин был в затруднении. Стоять нельзя — противник накапливается, вот-вот атакует. Разворачиваться тоже опасно — ударят в спину, атаковать самому — значит нарушить приказ («Аппель» продолжал звучать). Сомнения разрешил оказавшийся поблизости адъютант Депрерадовича М.Бутурлин, приказавший своей властью атаковать. Противник «смешался и дал тыл» и отряд смог присоединиться к полку.

Около полутора часов провели кавалергарды в огне сражения. Из рапорта генерал-майора Н.М.Бороздина (командира второй бригады, замещавшего в этот день больного Депрерадовича): «Полки Кавалергардский и лейб-гвардии Конный... зачали сей день... атакою не неприятеля, завладевшего уже нашею батареею с которой, опрокинув его, содействовали спасению батареи, истребив большую часть покусившихся на сей предмет. Сим остановлено стремление на центр наш, и часть пехоты нашей, которая была уже за неприятельскою кавалерею, спасена. В атаке сей имели нещастие потерять отличного полковника Левенвольда, который убит на месте, и командование принял полковник Левашов... Потом.. полк Кавалергардский... ударил стремительно на неприятельских кирасир, мгновенно опрокинул оных и, преследуя, сильно поражал».

Интересно нам и письмо немецкого офицера-кирасира, барона фон-Шрекенштейна, показывающее нам картину боя со стороны противника: «... нас атаковали полки Кавалергардский и лейб-гвардии Конный. Оба полка в отличном виде. Смешались наши люди с неприятелем и помчались обратно... Вообще, все нападения... разбивались о русские резервы, то есть полки Кавалергардский и Конногвардейский. Многие русские кирасиры, преследуя нас, вернулись с нами, но мне кажется, что ни один из них не был взят в плен, так как у них лошади были еще очень сильными и свежи. Один русский кирасир скакал около меня и наносил мне жестокие удары палашом, от которых я спасся только благодаря моей скатанной шинели, надетой через плечо ...».

Многими жизнями заплатили гвардейцы за своей успех в бою. Погиб полковник К.Левенвольде — последний представитель древнего рода воинов. Убит состоявший при генерал-лейтенанте А.И.Остермане-Толстом поручик П.Валуев. Геройски пал в сражении штабс-ротмистр П.А.Римский-Корсаков, о смерти которого сохранились рассказы французских офицеров такого рода: «Павел Александрович, человек огромного роста и необычайной силы, занесенный конем к неприятелю и окруженный, на все требования сдачи отвечал ударами палаша, под которыми легло несколько человек, пока выстрел из карабина не положил его на месте».

Всего полк, насчитывавший перед сражением 559 человек, потерял убитыми и ранеными 14 офицеров и 93 нижних чина. Оставшиеся в живых были награждены. Принявший камандование полком В.Левашов — орденом св. Георгия 4-й степени, М.Лунин, С.Ланской, Н.Левашов — золотыми шпагами, остальные офицеры — следующими по старшинству орденами. 63 нижних чина, которые, как было написано в наградных документах: «храбро врезались во фронт неприятеля, по аппели остановились и собирали нижних чинов под сильными картечными и ружейными выстрелами, взяли в плен неприятельских офицеров, спасли своих офицеров т.д.» — знаками отличия военного ордена. Остальные нижние чины получили по пять рублей.

Сражение затихало. Лучи заходящего солнца освещали измученные почти десятичасовым противоборством массы людей. Быстро сгущавшиеся сумерки окончательно развели остатки армий. Ночью русские начали отход. Вместе со всеми шел наш полк, испытав и горечь сдачи Москвы, и отступление до Тарутино, где войска надолго расположились лагерем.

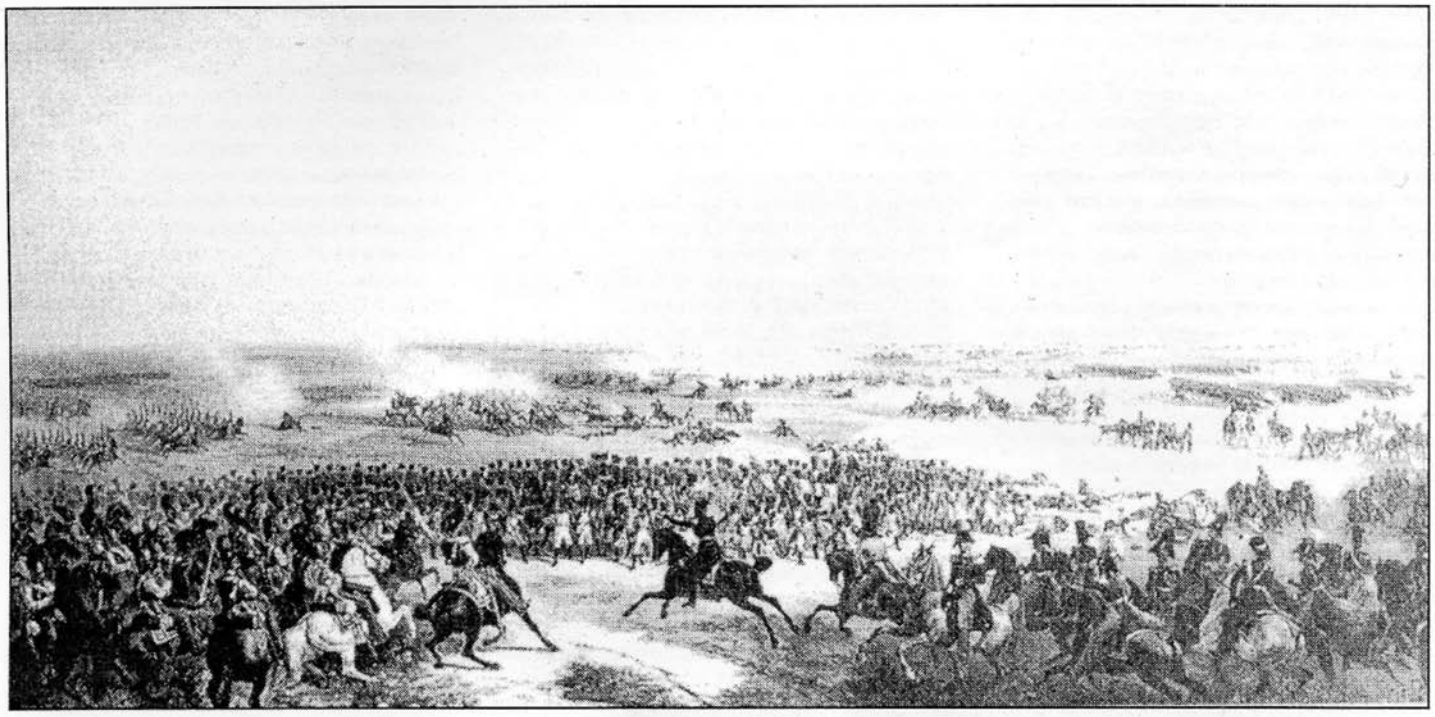
Наконец, появилась возможность привести себя в порядок, том более, что кавалергардов и конногвардейцев, «как войско отборное, особенно сберегаемое, разместили в ближних деревнях», а не на биваках. В спокойной обстановке стало заметно, как обносились солдаты. Нередко, даже на офицерах, можно было видеть вместо форменных белых панталон обычные брюки различного цвета, вплоть до полосатых. Не обращали внимание на небеленные перевязи, приобретшие естественный желто-бурый оттенок, а на усы и прически — и подавно. Начальство строго требовало лишь содержания в полном порядке оружия и боеприпасов. Отдых и прибывающие свежие части создавали уверенность в изменении хода войны.

В ночь на 11 октября к Кутузову от Дохтурова примчался его дежурный штаб-офицер Болговской с известием об отступлении Наполеона из Москвы. Русские войска двинулись навстречу неприятелю.

Наполеону не удалось пробиться на юг дальше Малоярославца. После сражения за этот город французы вернулись на знакомую дорогу и продолжили отступление на Смоленск. Русские передовые части непрерывно наседали, втягивая неприятельские корпусы в бесконечную череду боев. Кавалергарды, как правило, не участвовали в этих схватках. Единственный раз серьезно кирасиры поработали под Красным (5-6 ноября), громя корпус маршала Нея. Вскоре отступающая французская армия докатилась до Березины. Название этой реки стали синонимом великого поражения Великой армии. Сумевшие прорваться за Березину около 9 тысяч французов уже не представляли военной силы. Не удалось, к сожалению, захватить здесь Наполеона, несмотря на разосланные его приметы и курьезный приказ адмирала Чичагова: «для вящей надежности ловить и приводить ко мне всех малорослых». Император Франции умчался в Париж. Гоня перед собой неприятеля, 29 ноября русские вошли в Вильно, где прозвучали знаменитые слова М.И.Кутузова: «Война закончилась за полным истреблением неприятеля».

Преследование и бои с отступающим врагом тяжело дались нашим частям. В них тоже солдаты страдали от недостатка продовольствия, мерзли без теплой одежды, падали от усталости. Гвардейская кавалерия была измотано ничуть не меньше других полков. Уже 23 октября выпал первый снег и по ночам холод увеличился до -12°. Дальше зима становилась все злее. «С 16 ноября постоянно было больше 20 градусов мороза. 22-го ноября едва можно было говорить; от холода спиралось дыхание» — записал в те дни А.И.Михайловский-Данилевский.

Теплых вещей кавалдергарды почти не получили, да и не были они предустрены штатным «вещевым довольствием». Меховые фуфайки, надевавшиеся под мундиры, отменили еще несколько лет назад, как портящие стройность фигуры кирасир, а от истрепанных за долгие месяцы похода шинелей осталось одно название. Немногим лучше выглядели люди второго эскадрона, соединившегося с полком на Березине. Теперь с трудом можно было узнать в оборванных и усталых офицерах тех великолепных гвардейцев, которых провожала столица всего полгода назад. Единственным обладателем настоящего полушубка оказался корнет Н.Васильчиков, предусмотрительно запасшийся им еще под Москвой. С. Ланского выручила сердобольная помещица, подарившая свой капот на вате, который скрыл разодранный и грязный колет штабс-ротмистра. Но всех перешеголял Е.Давыдов, поскольку «на его долю выпали три разноцветные набивные шали, и, не долго думая, он одной окутал стан, а остальные превратил в шаровары». В



Сражение при Фершампенуазе

таком виде нашел в строю командира эскадрона вернувшийся 14 ноября к армии цесаревич. Реакцию Константина не трудно представить. Результатом был приказ, запрещающий появляться в строю одетым не по форме. Выполнить это требование, разумеется, никто не мог и через несколько дней офицеров в полку не осталось — под предлогом болезни они перебрались в обоз. Скандал докатился до Кутузова, которому пришлось отменить невыполнимый приказ, издав свой, призывающий офицеров беречь здоровье не стесняясь формой, но все же «избегая безобразия».

1 января 1813 года русские войска перешли Неман — границу России. Отечественная война завершилась полной победой. В честь этого события впервые в истории нашей армии была установлена награда, одинаковая для всех участников военных действий: генералов, офицеров, солдат. В приказе об учреждении медали говорилось: «Воины! Славный и достопамятный год, в который неслыханным и примерным образом поразили и наказали вы дерзнувшего вступить в Отечество ваше лютого и сильного врага, славный год сей минул. Но не пройдут и не умолкнут содеянные в нем громкие дела и подвиги ваши, потомство сохранит их в памяти своей... Вы по справедливости можете гордиться сим знаком... Враги ваши, видя его на груди вашей, до вострепешут, ведая, что над ним пылает храбрость, не на страхе или корыстолюбии основанная, но на любви к Вере и Отечеству, и, следовательно, ничем непобедимая».

Теперь перед Россией стояла задача сломать господство Франции в Европе, но армия нуждалась в передышке. Несмотря на прибывающие пополнения, в частях не хватало людей. Даже в марте 1813 года в Кавалергардском полку насчитывалось всего 28 офицеров, 498 строевых нижних чина, 24 нестроевых и 487 лошадей — почти вдвое меньше бойцов, чем год назад. А по новым штатам полк должен был развернуться до шести действующих эскадронов с одним запасным при общем количестве 1639 человек. Не хватало оружия. Еще в декабре прошлого года полки тяжелой кавалерии отдали свои карабины новым частям, оставив себе только пистолеты, которые, как и палаши, уже требовали ремонта. Пришлось командировать кавалерийских офицеров для сбора пистолетов и седел назад, на места прошедших боев. Недостаточно поступало мундиров и шинелей — стали шить их на ходу, закупая сукно в немецких городах.

Огромной потерей для армии стала смерть 16 апреля фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова. Могучие воля и разум полководца в течение последних недель медленно уступали недугу. В Бунцлау все сопровождающие князя и он сам поняли, что конец его жизни близок. Умирающего посетили Александр и Фридрих-Вильгельм Прусский. Интересно, что король Пруссии в знак уважения к Кутузову всегда разговаривал с ним только на русском языке, которым владел весьма сносно. Состояние больного быстро ухудшалось и уже ничего не могли сделать лучшие врачи: Малахов, Виллие, Гуфланд. До последних минут при фельдмаршале бессменно находился кавалергард — его старый ординарец унтер-офицер Домбровский, которому потом для возвращения в полк был выписан аттестат: «Дан сей.... в том, что отличное поведение в службе, исправность к порученному делу... была лично известна Его Светлости; во время сей кампании находился в делах против неприятеля... и за отличие награжден знаком военного ордена».

После смерти Кутузова Александр уже беспрепятственно проводил свою идею о немедленном движении армии вслед за неприятелем вглубь Европы — с мнением нового главнокомандующего П.Витгенштейна царь, разумеется, не считался. Однако, сражения под Люценом и Бауценом показали, что армии необходим отдых. Во время заключенного перемирия кавалергарды впервые увидели прусскую принцессу Шарлотту - будущую жену Николая I, императрицу Александру Федоровну и шефа своего полка. Забегая вперед заметим, что в 1817 году в свите, сопровождавшей ее на свадьбу из Берлина в Россию, был и кавалергардский ротмистр Оттон Дмитриевич Шеппинг — отчаянный офицер, первым ворвавшийся 8 февраля 1813 года в Берлин и там, «когда ранен был артиллерийский офицер, под сильными картечными и ружейными выстрелами, командуя двумя орудиями, принудил неприятельские орудия молчать и колоннам наносил большой вред».

Пушки вновь загремели в августе, когда союзники предприняли наступление на Дрезден. Наполеон сумел отбить все атаки и отбросить их соединенные силы от города. Отпор французов оказался столь мощным, что армия союзников начала откатываться в Богемию по горным дорогам. Создалось критическое положение, поскольку французский 40-тысячный корпус генерала Вандама грозил запереть армии выход на равнину. Сражение 17-18 августа у Кульма стало апогеем доблести русской гвардии в этой кампании. Наперерез Вандаму бросился отряд А.И.Остерман-Толстого, состоявший из гвардейской дивизии А.П.Ермолова и пехотного корпуса Е.Вюртембергского. Около 19 тысяч русских приняли первый удар неприятельского корпуса. Обе стороны дрались с давно невиданным ожесточением. Французская пехота идет на извергающую тучи картечи русскую батарею и захватывает ее, батальон семеновцев контратакует как на параде: скорым шагом и в ногу и отбивает батарею, лишившись при этом всех офицеров, кроме одного прапорщика, возглавившего батальон — такие схватки шли по всему

полю битвы. Тяжело ранен искусно руководивший боем Остерман-Толстой (лекари были вынуждены отнять ему левую руку) и команду принимает Ермолов. Наконец, к русским начинают подходить части авангарда основных сил, сразу занимая места во фронте. Подтянулись и кавалергарды. «При выходе из ущелья засветились медные оклады касок наших кирасир, загремели трубы, и вместе с сим прошла искра надежды в сердце каждого солдата» — вспоминал один из участников сражения. К вечеру положение сторон выравнялось, а на следующий день войска союзников сами перешли в наступление.

Кавалергарды имели впереди фланкеров поручика М. Бердяева и штабс-ротмистра Б.Белавина. Фланкеры стремительной атакой разогнали пехотное прикрытие французской батареи и захватили две пушки. За ними ринулся и весь полк.

Победа над неприятелем была полной: «...корпус генерала Вандама истреблен совершенно. Сам он с четырьмя прочими генералами взят в плен, а два других генерала пали в сражении. Из войск его достались нам в плен на месте сражения до 7-ми, да после приведено до 6 тысяч человек, а прочие или убиты, или рассеялись по лесам и ущельям гор Богемских...» — читаем мы в журнале военных действий армии Барклая-де-Толли.

Союзники ликовали — это тяжелое, кровопролитное сражение было первым их серьезным успехом после смерти Кутузова. На радостях все его участники получили награды. Не обошли и кавалергардов, потерявших в бою 2 офицеров и 37 нижних чинов. Н.Депрерадович произведен в генерал-лейтенанты, И.Ершов и П.Каблуков — в генерал-майоры, Е. Давыдов в полковники. В.Каблуков, М.Бердяев, Б.Белавин за захват неприятельских орудий награждены орденами св. Георгия, остальные офицеры — золотыми шпагами или орденами. Трое унтер офицеров переведены в офицеры армии, прочим нижним чинам Александр пожаловал по 2 рубля, а Барклай — по три креста военного ордена на эскадрон.

Здесь же родилась одна из наиболее интересных наград — Кульмский крест. Находящийся под впечатлением победы Фридрих-Вильгельм Прусский объявил о награждении всех 12 тысяч русских гвардейцев учрежденным незадолго до этого орденом Железного креста. Наиболее нетерпеливые офицеры и солдаты изготовили подобия этого ордена прямо на поле боя из подходящих кусков железа и кожи. Некоторое время спустя король опомнился, и повелел именовать свою награду особым Кульмским крестом, который должен был отличаться от Железного отсутствием даты (1813) и вензеля. Кресты эти были изготовлены и розданы войскам уже в Петербурге в апреле 1816 года, а до того времени мундиры многих гвардейцев украшали скромные самодельные кресты. Последним мощным аккордом кампании 1813 года стала «Битва народов» за Лейпциг 4-7 октября, в которой участвовало около 500 тысяч бойцов. Войска союзников сумели овладеть городом и вывести из строя почти половину французской армии. Их поведение в бою очень точно определил А.И.Михайловский-Данилевский: «Русские дрались с обыкновенной своей храбростью, но не с тем остервенением, как при Бородине; австрийцы действовали с обычным хладнокровием, и одни пруссаки казались убежденными в той мысли, что в этот день должно решиться освобождение отечества их от чужеземного ига».

Постой в Саксонии

Союзные войска вошли в Лейпциг. Город и жители не пострадали во время сражения, но был арестован король Саксонии и управление королевством три монарха общим решением возложили на князя Н.Г.Репнина-Волконского, назначенного генерал-губернатором. В этой должности князь находился ровно год. Восстановление разоренного войной хозяйства и управление им стало тяжкой задачей для кавалергарда. Тем не менее за год князю удалось привести в порядок финансы, сформировать двадцатитысячную армию, заняться строительством, Успешные труды на новом поприще принесли ему чин генерал-лейтенанта. Сражался под Лейпцигом еще один наш старый знакомый граф В.Левашов. Уже находившийся в чине генерал-майора шеф Новгородского кирасирского полка в этом бою был тяжело ранен пулями в грудь и в руку.

Покинули полк после Кульма два новопроизведенных генерала: П.Каблуков и И.Ершов и в бой за Лейпциг кавалергардов водил уже младший из Каблуковых — Владимир.

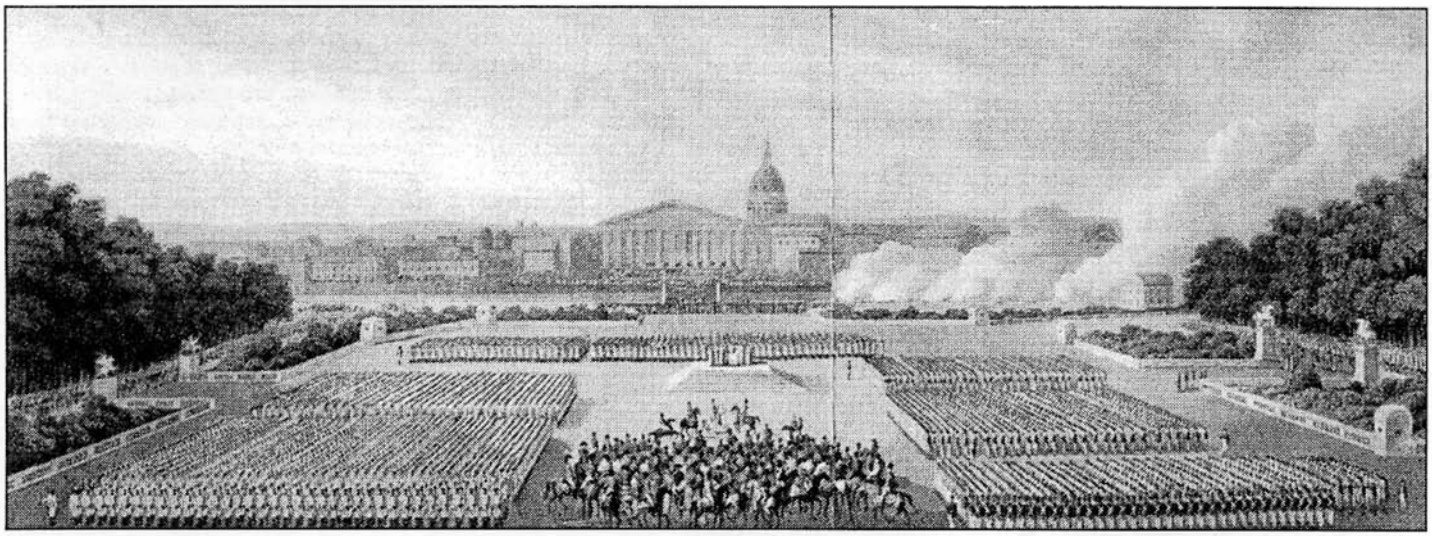
Успешные действия союзников в 1813 году позволяли надеяться на скорое завершение войны. Однако, чем яснее вырисовывалась победа, тем все более ревниво посматривали Англия, Австрия и, даже Пруссия на уверенное поведение России, на желание Александра окончательно разделаться с Наполеоном. В этом отношении надо отдать должное русскому царю — только его непримиримая, жесткая позиция с угрозой продолжить борьбу даже в одиночестве, заставила союзных монархов прекратить колебания и согласиться сражаться с Наполеоном до его свержения, не вступая с ним в сепаратные переговоры. Конечно, психологическую помощь Александру оказывали и русские полки — усталые, поредевшие, но составляющие лучшую армию Европы. Подчеркивая свою уверенность в близком и благополучном исходе дел, Александр вызвал к армии и двух своих младших сыновей — Николая и Михаила.

Начало 1814 года все же прошло в довольно беспорядочных действиях обеих сторон. Армии союзников медленно и неуверенно продвигались за Рейн, а Наполеон, отчаянно маневрируя явно недостаточными силами, тормозил их движение. Наконец, снова под давлением Александра, было принято решение двигаться напрямик к Парижу. На этом пути произошло последнее крупное сражение этой войны, в котором приняли участие кавалергарды.

Сражение у Фер-Шампенуаза историки называют случайным. Действительно, беспечность обеих сторон при сближении просто удивительна. Два корпуса французских маршалов Мормона и Мортье остановились на ночлег всего в 10 верстах от союзников, даже не определив их сил и намерений. Впрочем, в передовых частях их противников служба была поставлена еще хуже — они не заметили костров французских биваков и увидели неприятеля только утром, начав движение.

Союзники с ходу начали атаку, обтекая кавалерией фланги французов. Те, яростно огрызаясь, медленно отходили. Грохот орудийных выстрелов докатился и до главной квартиры, вызвав недоумение, поскольку там тоже не ожидали встречи с противником. Поднявшиеся по тревоге полки ринулись на призывные звуки боя. Кавалергарды, поддерживаемые кирасирами Его Величества и лейб-уланами, мощным натиском опрокинули французскую конницу погнали ее, захватив по пути 6 орудий и полторы сотни пленных. Эскадрон Храповицкого атаковал пехотную колонну, встретившую его сильным ружейным огнем, от которого, как отмечал потом в рапорте Депрерадович, «вдруг почти вся середина эскадрона пала, — если не человек, то лошадь убита или ранена. Храповицкий, неоднократно возобновляя атаки... и продолжая преследовать оную за дер. Фершампенуаз, с помощью артиллерии почти всю оную истребил».

Тем временем неподалеку шел еще бой — две французские дивизии генералов Пакто и Аме пытались пробиться на соединение с основными силами. Депрерадович бросил свой полк в новый бой. Снова кавалергарды атаковали вражескую пехотную колонну под сильнейшим градом пуль и картечи. После небольшой заминки кирасиры сумели врубиться в ряды французов и удар их был страшен. По словам наблюдавшего эту картину офицера «вмиг колонна легла пораженною на дороге в том строю, как она двигалась; люди лежали грудами, по которым разъезжали наши всадники и топтали их». Здесь же состоялся любопытный диалог между подъехавшим к месту боя Александром и еще не пришедшим в себя от пережитой атаки пленным генералом Пакто. Француз принял царя за простого генерала.



Благодарственный молебен в Париже на площади Людовика XV в день св. Пасхи 29 марта 1814 года

«Вы видите перед собой императора» — поправил его находящийся рядом Михайловский-Данилевский. «Это невозможно, — отмахнулся Пакто, — ваш государь, верно, не пойдет в атаку на пехоту с одной конницей» — столь все еще удивительной казалось ему атака кавалергардов.

Немалыми оказались потери полка в этом бою. Выбыли из строя 75 нижних чинов, удар в лицо палашом пропустил штабс-ротмистр Н.И.Петрищев и погиб корнет А.И.Шепелев — «молодой, красивый собою и хороший офицер: пуля, минуя кирасу, поразила его подмышку». На другой день его хоронили у частной церкви, «генерал обнял покойника, которого в бурке опустили в могилу при отдании последней чести на трубах и залпами из постолетов».

Наградили кавалергардов за этот бой достойно. Н.Депрерадович получил золотую шпагу с алмазами, В.Каблуков — чин генерал-майора, командиры дивизионов и эскадронов (Ф.Уваров, Е. Давыдов, А.Сталь, С.Колычев, С.Ланской, Е.Арпсгофен) — ордена св. Георгия 4-й степени за захват неприятельских пушек, И.Храповицкий — золотое оружие, все остальные — следующие ордена. Нижним чинам выдано 40 знаков отличия военного ордена, один вахмистр произведен в армейские корнеты. Кроме того, 10 нижних чинов получили золотые и серебряные медали Австрии и Баварии.

Наконец, 18 марта 1814 года 100-тысячная армия союзников подошла к Парижу. Особенно волнующими были эти дни для русских солдат и офицеров. Почти два года провели они в сражениях, прошли многие тысячи верст по дорогам Европы, имея перед собой одну цель — Париж. Теперь столица Франции лежала перед ними и реальностью становилось завершение всех колоссальных ратных трудов русских воинов.

Последние усилия французов отстоять свою столицу продолжались недолго — уже в 2 часа ночи 19 марта была подписана конвенция, по которой «Париж вручался великодушию высоких союзников». Гвардия не участвовала в штурме городских предместьев. Поскольку исход боя сомнений не вызывал, гвардейцы всю ночь приводили себя в порядок, готовясь к торжественному дню.

Утром Александр в кавалергардском вицмундире на светло-сером коне в окружении свиты направился в Париж. По дороге к нему присоединился король Пруссии. Назначенные к расквартированию в городе колонный союзных войск миновали Монмартское предместье, свернули на бульвары и выплеснулись на Елисейские поля. Толпы парижан наблюдали это удивительное шествие. Как отмечали его участники, удивительным было и то, что «несмотря на долгий изнурительный поход, в продолжение которого солдаты не получали никакого обмундироания, даже не имели порядочной обуви, все мгновенно преобразилось, перед нами проходили не те лохмотники, которых мы привыкли видеть, а щеголи в чистых и, блестящих мундирах». Конечно, не привезли русским в последнюю ночь новой одежды. Просто не могли наши солдаты показаться в такий день, не приведя все свое изношенное имущество в должный вид: все зашили, вычистили, выбелили. И понявшие это парижане встречали русские полки возгласами: «Vive les Russes! Vive Alexandre!», а «когда показались австрийцы, — отмечает тот же наблюдатель, — сделался общий хохот».

Война закончилась и трудности боевой жизни сменились не менее серьезными сложностями жизни в столице бывшего противника. Оказалось чрезвычайно трудно удержать солдат и офицеров в рамках правил обычного казарменно-гарнизонного квартирования. Начашиеся смотры и учения все же оставляли достаточно времени у солдат для посещения увеселительных заведений и для общения с очаровательнми парижанками. Особым успехом пользовались молодые кавалергарды, конногвардейцы и преображенцы — высокие и красивые уроженцы малороссийских губерний. Говорят, что в иные дни на перекличках отсутствовало до 20 человек на эскадрон, задержавшихся по «амурным» делам. И в тоже время бывали случаи нападения на солдат при исполнении ими служебных поручений. Так, вестовой Е.Давыдова Никифор Паполит был ранен в руку пулей выстрелом из леса недалеко от Версаля. Солдаты бывшей наполеоновской армии напали еще на двух кавалергардов — Соботюка и Иванова. Раненые гвардейцы (одному из них в трех местах разрубили голову, другому — рассекли лицо) все же сумели отбиться. Зачастую французские офицеры задирали русских и дело доходило до поединков. Интересно, что бонапартисты оружием для дуэли выбирали шпаги, а неизменное требование русских драться на пистолетах нередко остужало горячие головы забияк. Все же для уменьшения числа возможных поединков Александр был вынужден разрешить своим офицерам носить вне службы статское платье.

Офицеры тоже наслаждались заслуженным отдыхом. Почти накануне вступления в Париж им выплатили дополнительное жалование за все кампании 1812-1814 годов и они с удовольствием оставляли его в театрах, кафе, магазинах, игорных домах. Особенно усердствовали в этом гусары, пуская в дело даже золотое шитье доломанов и ментиков, этишкеты и кисточки с сапог. Как правило командование смотрело на это проказы сквозь пальцы — люди долны были разрядиться, до и когда еще кто-нибудь из них попадет в Париж. Однако, раз под неугомонного Константина попали его любимцы-конногвардейцы. Ему вздумалось провести полковой смотр и приказ об этом поступил в полк накануне назначенного дня. Но на следующее утро эскадроны вывели вахмистры — офицеров на месте оказалось всего 5-6 человек. Разгневанный цесаревич распорядился по возвращении офицеров немедленно переправлять на гауптвахту для содержания под арестом в течении двух недель. С кавалергардами же таких казусов не случалось. С полком находился Депрерадович, Уваров — при государе, и это две мощные фигуры заслуженных генералов надежно прикрывали своих подопечных. Пребывание кавалергардов в Париже оказалось не долгим. 21 марта 1814 года полк выступил в поход к дому. неспешно потянулись колонны войск и обозы через Францию, южную Германию, Пруссию. 28 августа полк перешел Неман и вступил в пределы России. Возвращевщимся было ясно, что великая эпопея борьбы с Наполеоном завершилась и впереди у гвардейцкев долгие

годы мирной жизни. Такая перспектива не привлекала многих солдат и часть из них решила покинуть полк. За четыре месяца похода через Европу кавалергарды недосчитались 3 унтер-офицеров и 48 рядовых — число, сравнимое с потерями полка в крупном сражении. И это был еще не худший результат — в других полках число бежавших подступало к сотне. Справедливости ради стоит отметить, что отношение к нижним чинам в Кавалергардском полку в те времена было вполне разумным и, где-то даже патриархальным. Конечно, телесные наказания существовали, но кулачная расправа офицеров считалась предосудительной и «дурным тоном», сказывающимся на общей репутации. Как правило, начальство контролировало взаимоотношения и взыскивало за нарушения сложившихся норм. В качестве примера прочитаем один из приказов Депрерадовича: «При сем препровождается... самовольно отлучившийся рядовой Мурсалимов, явившийся ко мне из отлучки, который лично мне объявил, что он сие сделал яко бы от нападок вахмистра и частного (т.е. взводного) унтер-офицера. Предписываю... его... примерным образом розгами наказать и объявить приказом... чтобы, когда в самом деле оказываема была несправедливость или жестокость, просили бы о том частного офицера и эскадронного командира, а не смели бы отлучаться. И буде окажется, что и подлинно он... был притесняем, наказать их, оштрафуя также за худое смотрение эскадронного командира и частного офицера».

Все же, приближаясь к Петербургу, пришлось уделить больше внимания и строю, и дисциплине, и внешнему виду. Хлопот прибавило и распоряжение о введении новой формы — однобортных колетов, которые пришлось шить во время похода на дневках своими силами. Постепенно, начиная с лейб-эскадрона, полк переоделся в ослепительно белые, ладно подогнанные по фигуре, колеты. Сверкая их белизной, начищенным металлом эфесов, клинков, налобников касок и пуговиц, под звуки полкового оркестра, кавалергарды, конногвардейцы и конная артиллерия 18 октября вошли в Петербург.

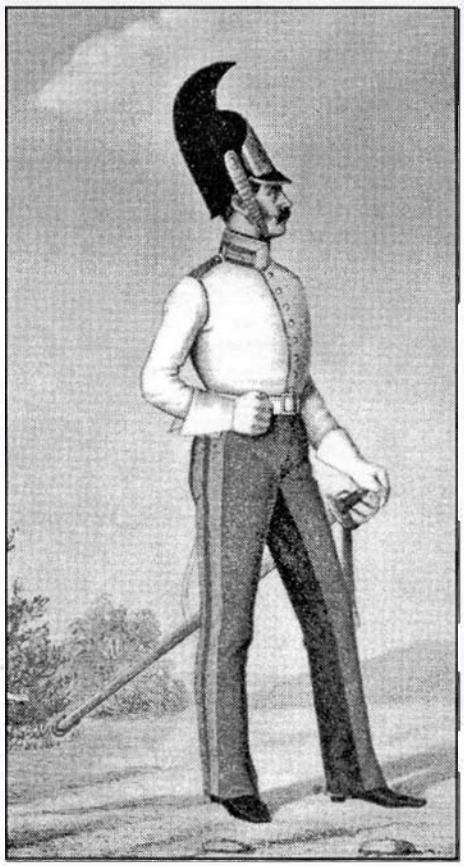
Кавалергарды шли под своими старыми, выданными еще в 1800 году Павлом, штандартами в виде хоругвей. Штандартов такого вида не имел ни один полк в русской кавалерии. Правда, в апреле 1813 года было объявлено о награждении гвардейцев особыми Герогиевскими штандартами, но долгое время не удавалось разработать для них удачный образец. Наконец, решение нашлось и кавалергарды и конногвардейцы получили по три (по числу дивизионов) штандарта так называемого «кирасирского образца»: желтая хоругвь под литым двуглавым орлом. По периметру полотнища шла надпись: «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России. 1812 г». Помимо этой надписи усилиями Константина конногвардейцам добавили еще и надпись с их старых полотнищ: «За взятие при Аустерлице неприятельского знамя». Старые шандарты переместились в полковую церковь на вечное хранение. В этой же церкви со временем «в память товарищей доблестно сражавшихся под штандартами своего полка в войну 1812 года и жизнь положивших за Веру, Царя и Отечество» кавалергарды установили серебряную доску на мраморном пьедестале, где были выбиты имена убитых и раненых офицеров и количество убитых (216) и раненых (487) нижних чинов.

Особо награжден полк был за сражение при Фер-Шампенуазе — ему пожаловали 15 Георгиевских серебряных сигнальных труб с надписью: «Кавалергардского полка».

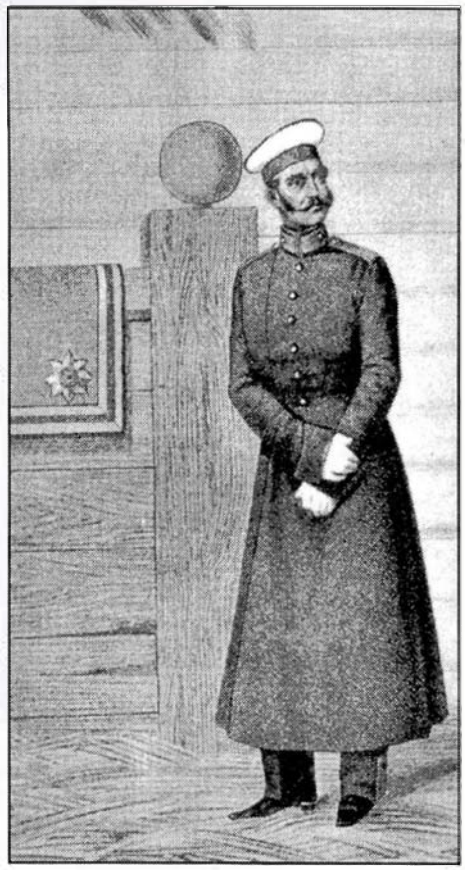
Интересно, что некоторое время спустя, французский художник Блант изобразил фрагмент этого сражения. Конечно, помещенная в Елисейском дворце картина рассказывала о трагедии погибающих, но не сломленных французских солдат, но на ней были изображены и их победители — кавалергарды. В 1896 году офицеры полка обратились к президенту Франции с просьбой разрешить снять копию с картины для готовящейся к изданию полковой истории. Через несколько месяцев в Петербург прибыла специальная военная миссия с генералами Буадефром и Турнье во главе, которая в торжественной обстановке передала командиру полка Гринвальду отличную копию с надписью на раме: «Дар Президента Республики Франции полку Кавалергардов императора России».

А в тот далекий 1815 год среди многочисленных медалей и крестов, украшавших мундиры наших воинов, должна была появиться медаль «За взятие Парижа», учрежденная 14 августа 1814 года. Она предназначалась офицерам и солдатам, принимавшим участие в кампании 1814 года или находившимся в составе действующей армии до 19 марта того же года. Однако, Александр не решился их выдать, щадя чувства вновь занявшего французский престол дома Бурбонов. Только сменивший Александра менее щепетильный Николай распорядился

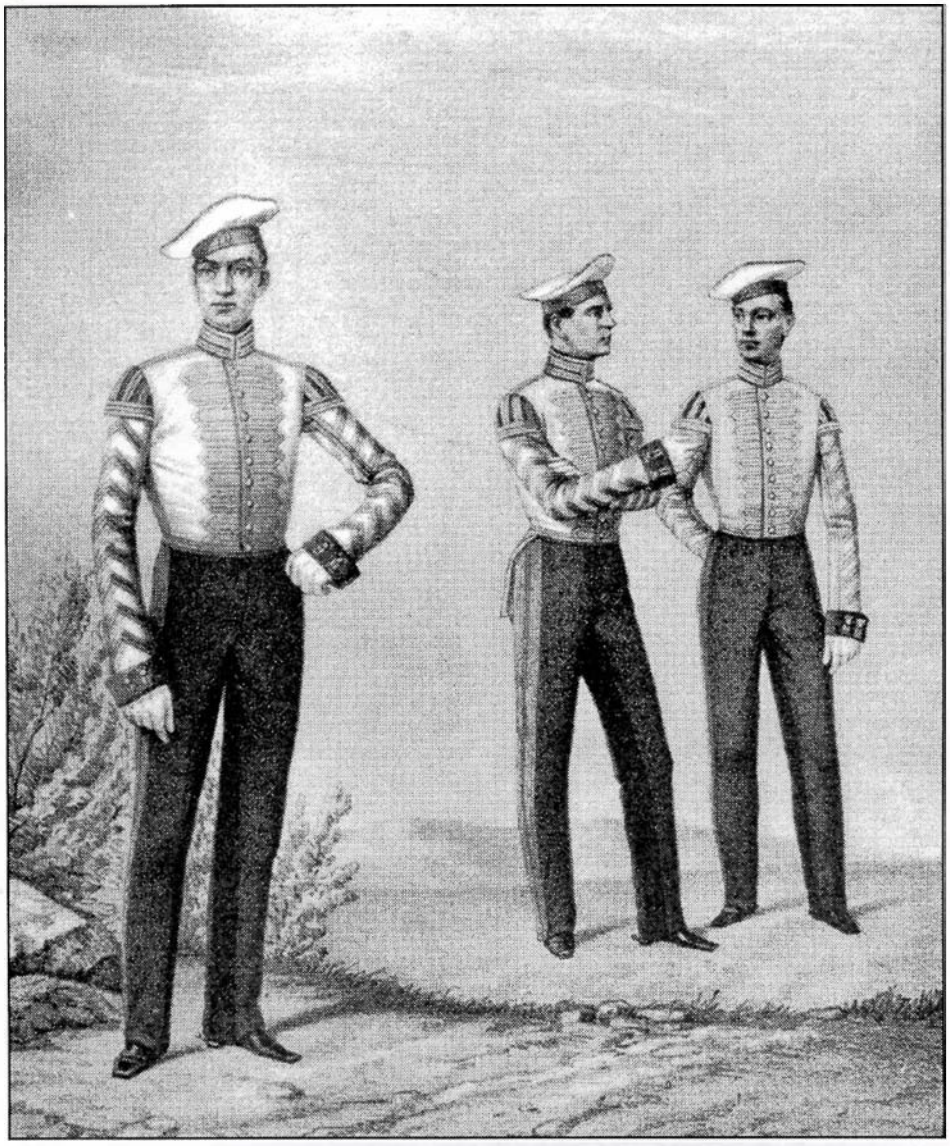
Генерал кавалергардского полка 1815-1825



Унтер-офицер кавалергардского полка, 1818-1820



Кавалергард, 1822-1825



Трубачи Кавалергардского, Лейб-гвардии Конного и Лейб-гвардии Кирасирского полков, 1817-1820

произвести выдачу медалей, начиная с 19 марта 1826 года. Конечно, многих из участников тех событий уже не оказалось в живых, но около 150 тысяч медалей было вручено. Медаль носили на особой комбинированной ленте, впервые появившейся в русской наградной системе. Она представляла собой соединение двух орденских лент: андреевской и георгиевской. С этого времени различные комбинированные ленты стали применяться достаточно часто.

Еще не улеглась радость от встречи с возвратившимися домой воинами, еще не вошла в размеренный ритм мирная жизнь войск, как Петербург всколыхнуло известие - 1 марта Наполеон высадился на побережье Франции и, сопровождаемый ликующим народом, движется к Парижу. Армия переходит на сторону своего императора. Казалось, что перед Россией снова встает кошмар сражений с гением войны. Нелегко было поднять полки в новый поход. Пожалуй, никто, кроме молодых офицеров, неуспевших отличиться в отгремевших боях, энтузиазма не испытывал. Уже ушли в отставку ветераны и так прослужившие лишние годы, шагая по дорогам Европы, ушли солдаты, чьи раны дали себя знать дома. Не особо надеясь на молодежь, полки стали просить своих стариков вернуться на сверхсрочную службу на льготных условиях.Для них даже впервые установили особое отличие — на левом рукаве мундира «нашитый углом позумент», вскоре замененный шевроном из тесьмы.

Общими усилиями к 18 мая 1815 года гвардия пришла в «совершенную готовность к походу» и в конце месяца кавалергарды выступили из Петербурга. Полк за мирное время восстановил свию численность. По рапорту в строю находилось: генералов — 2, штаб-офицеров — 5, обер-офицеров — 46, унтер-офицеров — 102, музыкантов — 52, рядовых — 1020.

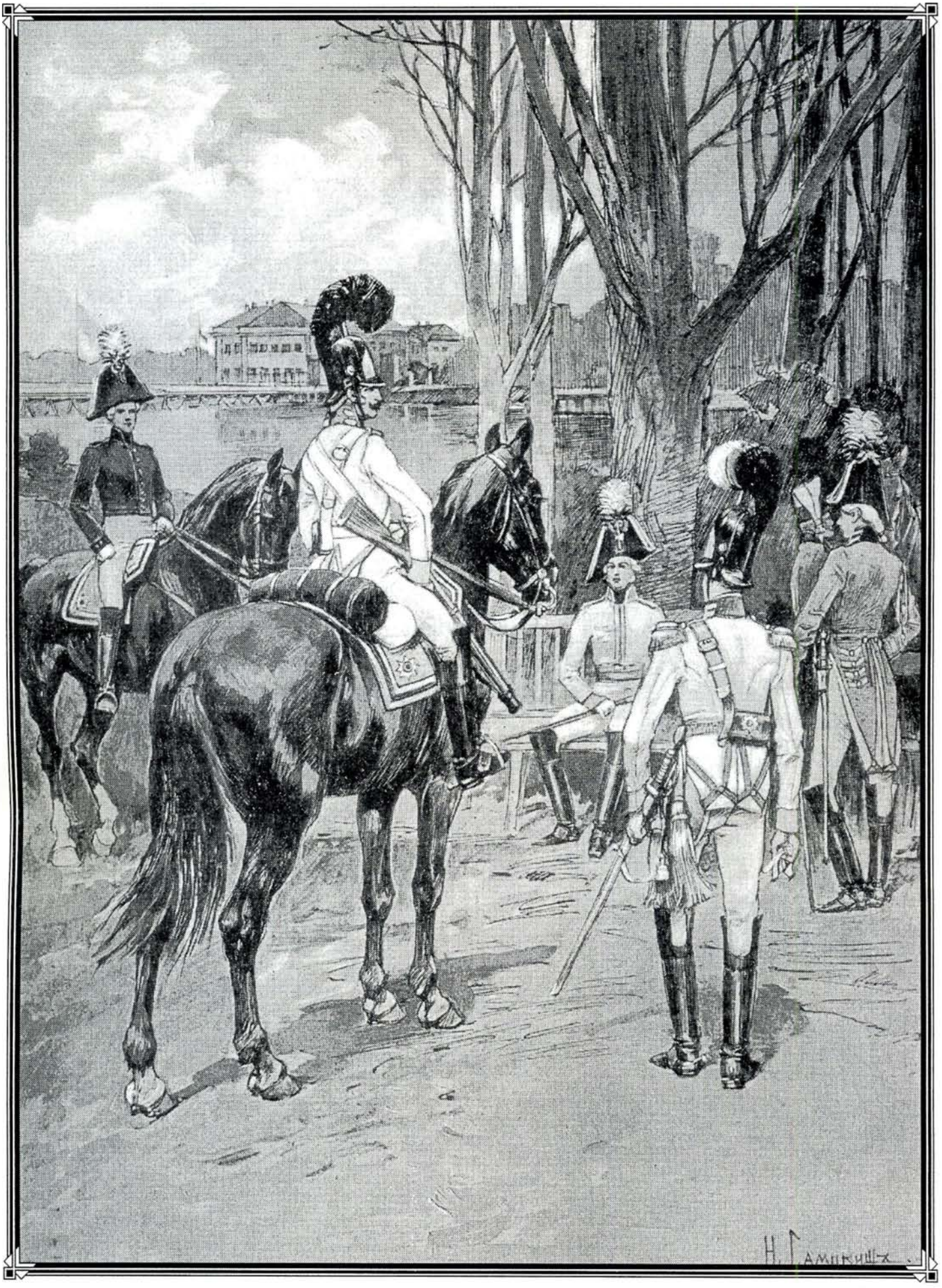
Известие о разгроме Наполеона под Ватерлоо застало армию на марше. Теперь уже навсегда закатилась звезда императора Франции, но рванувшуюся вперед массу войск остановить срвзу был нелегко. 24 июля гвардия прибыла в Вильно и только 15 октября вновь возвратилась домой в столицу.

Как всегда после трудной и затяжной войны хозяйство страны переживало трудные годы. Обычным показателем упадка стал рост цен на продукты, жилье, товары мелкой розницы. В этих условиях правительство России проявило заботу о своей армии-победительнице. С 1 января 1817 года всем войскам гвардии, армии, гарнизонов и внутренней стражи было повышено жалование «ввиду возвышения цены на все предметы жизненных потребностей и желания соразмерить жалование с существенными потребностями и тем явить новую признательность к заслугам победоносного воинства в последнюю, благополучно оконченную войну».

Отголоски Отечественной войны еще долго витали над Россией, тревожа людей воспоминаниями. По разному сложились судьбы героев нашего рассказа — кавалергардов. К сожалению мы мало знаем о солдатах — с окончанием войны не стало больше победных реляций и наградных документов с их фамилиями, растворились они в серых мирных буднях. Сейчас мы можем вспомнить лишь о четырех ветеранах полка, переведенных в созданную Николаем I замечательную часть — роту дворцовых гренадер. О ее появлении 2 октября 1827 года говорил высочайший указ императора: «Желая ознаменовать особое мое благоволение к тем нижним чинам лейб-гвардии, которые на Отечественной войне оказали свое мужество и во все прохождение их верной службы до самого истечения оной срока отличали себя усердием, я признал за благо учредить из них при дворе моем особую роту под названием Дворцовых Гренадер». Командиром роты назначался капитан л-гв. 1-й артбригады Егор Григорьевич Качмарев, который в чине фельдфебеля отличился еще в Бородинском сражении. В состав роты вошли 120 старых содат из всех гвардейских полков. Наиболее полно, конечно, были представлены полки пехоты — Преображенский, Семеновский, Измайловский, но кавалергардам тоже досталось четыре вакансии для Федора Андреева, Василия Егорова, Константина Васильева и Ивана Нестеренко. Все люди подобрались предствительные (ростом не ниже 186 см) и отличившиеся в боях — 69 человек имели Знаки отличия военного ордена, 84 — Знаки отличия св. Анны за 20 лет беспорочной службы. Постоянно пополняемая лучшими солдатами, рота несла службу в императорских дворцах, занимала почетное место во всех праздниках, посвященных ратной славе России и мы еще встретимся с ней на страницах нашего повествования.

Для лейб-гвардии Кавалергардского полка потекли спокойные дни мирной жизни. Многое вспоминалось из увиденного и пережитого за годы войн и походов, много приходило мыслей о будущем своем и будущем России. И мысли эти, оформившиеся в дела, привели наших героев в декабре 1825 года на Сенатскую площадь, чтобы развести их потом, кого — на рудники, кого — обратно в казармы.

Продолжение следует



ПОДВИГАМЪ
ПРЕДКОВЪ
КАВАЛЕРГАРДЫ
КОННАЯ ГВАРДІЯ
1912-1912